

Том 12, № 2, 2019 год

Экономика. Налоги. Право

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67075
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service
for communication, informational
technologies and media control:
ПИ № ФС77-67075
of September 15, 2016.

Периодичность издания – 6 номеров в год

Publication frequency – 6 issues per year

Учредитель: ФГОБУ «Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации»

Founder: FSEBI “Financial University under the
Government of the Russian Federation”

Журнал ориентирован на научное
обсуждение актуальных проблем
в сфере **экономики, налогов и права**

The journal is oriented towards scientific
discussion of present-day topics in the sphere
of **Economics, Taxes and Law**

Журнал входит в Перечень периодических научных
изданий, рекомендуемых ВАК для публикации
основных результатов диссертаций на соискание
ученых степеней кандидата и доктора наук

The journal is included into the list of periodicals
recommended for publishing doctoral research results
by the Higher Attestation Commission

Журнал включен в систему Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ)

The journal is included into the system
of Russian Science Citation Index

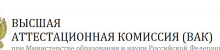
Журнал распространяется только по подписке.
Подписной индекс 81303
в объединенном каталоге «Пресса России»

The journal is distributed only by subscription
Subscription index 81303
in the consolidated catalogue “The Press of Russia”

Vol. 12, No. 2, 2019

Ekonomika. Nalogi. Pravo

[Economics, taxes & law]

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГОНЧАРЕНКО Л.И., доктор экономических наук, профессор, руководитель Департамента налоговой политики и таможенно-тарифного регулирования, Заслуженный работник высшей школы РФ, Финансовый университет, Москва, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

АБРАМОВА М.А., доктор экономических наук, профессор, заместитель руководителя Департамента финансовых рынков и банков, Финансовый университет, Москва, Россия

БЕРНС У., доктор права, профессор школы имени Томаса Джефферсона, Сан-Диего, США

ВАНИШТЕНДАЛЬ Ф., доктор экономики, профессор Левенского католического университета, Левен, Бельгия

ВЕБЕР Д., профессор права, Амстердамский университет, Амстердам, Нидерланды

ВИННИЦКИЙ Д.В., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия

ГОЛОВНЕНКОВ П.В., доктор права, главный научный сотрудник Потсдамского университета, Потсдам, Германия

ЕВЛАХОВА Ю.С., доктор экономических наук, доцент кафедры финансового мониторинга и финансовых рынков РГЭУ (РИНХ), тьютор магистерской программы «Финансовый мониторинг и финансовые рынки»

ЗВОНОВА Е.А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Департамента мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет, Москва, Россия

ИВАНОВА Н.Г., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой государственных и муниципальных финансов, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

ИВАНОВ Ю.Б., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Научно-исследовательского центра промышленных проблем развития НАН Украины, Харьков, Украина

КУНИЦЫНА Н.Н., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой финансов и кредита, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

ЛАПИНА М.А., доктор юридических наук, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет, Москва, Россия

МАЙБУРОВ И.А., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового и налогового менеджмента Уральского федерального университета, главный научный сотрудник кафедры «Финансы и кредит» Дальневосточного федерального университета, Екатеринбург, Владивосток, Россия

МЕЛЬНИЧУК М.В., доктор экономических наук, кандидат педагогических наук, заместитель руководителя Департамента языковой подготовки, директор центра инновационных языковых стратегий, Финансовый университет, Москва, Россия

ОМИРБАЕВ С.М., доктор экономических наук, профессор, ректор Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева, Петропавловск, Казахстан

ПАНСКОВ В.Г., доктор экономических наук, профессор Департамента налоговой политики и таможенно-тарифного регулирования, Финансовый университет, Москва, Россия

ПИНСКАЯ М.Р., доктор экономических наук, руководитель Центра налоговой политики Научно-исследовательского финансового института Минфина России, профессор Департамента налоговой политики и таможенно-тарифного регулирования Финансового университета, Москва, Россия

ПОГОРЛЕЦКИЙ А.И., доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ПОНОМАРЕНКО Е.В., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой политической экономии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

РОЩУПКИНА В.В., доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Налоговая политика и таможенное дело», Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

РУЧКИНА Г.Ф., доктор юридических наук, профессор, руководитель Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет, Москва, Россия

СОЛЯНИКОВА С.П., кандидат экономических наук, доцент, руководитель Департамента общественных финансов, Финансовый университет, Москва, Россия

ХЕЛЛЬМАНН У., доктор права, заведующий кафедрой уголовного права и экономических преступлений Потсдамского университета, Потсдам, Германия

ЧЕРНИК Д.Г., доктор экономических наук, профессор, президент Палаты налоговых консультантов, Москва, Россия

Рукописи представляются
в редакцию по электронной почте:
eknalogpravo@mail.ru

Минимальный объем статьи –
3 тыс. слов; максимальный – 4 тыс. слов.

Редакция в обязательном порядке осуществляет
экспертную оценку (рецензирование, научное
и стилистическое редактирование) всех материалов,
публикуемых в журнале.

Более подробно об условиях публикации
см.: etl.fa.ru

EDITOR-IN-CHIEF

GONCHARENKO L.I., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Tax Policy and Customs Tariff Regulation Department, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Financial University, Moscow, Russia

EDITORIAL STAFF

ABRAMOVA M.A., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Deputy Head of the Financial Markets and Banks Department, Financial University, Moscow, Russia

BYRNES W., Dr. Sci. (Law), Professor of the Thomas Jefferson School, San Diego, USA

VANISTENDAEL F., Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Catholic University of Leuven, Belgium

WEBER D., Dr. Sci. (Law), Professor, University of Amsterdam, Netherlands

VINNITSKY D.V., Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law, The Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

GOLOVNENKOV P.V., Dr. Sci. (Law), Senior Research Fellow of the University of Potsdam, Germany

EVLAKHOVA YU.S., Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Financial Monitoring and Financial Markets Chair, Tutor of the Master's programme "Financial monitoring and financial markets", Rostov State University of Economics, Rostov, Russia

ZVONOVA E.A., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the World Economy and World Finance Department, Financial University, Moscow, Russia

IVANOVA N.G., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the State and Municipal Finance, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

IVANOV YU.B., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Deputy Director for Research, R&D Center for industrial development, National Academy of Science of Ukraine, Kharkiv, Ukraine

KUNITSYNA N.N., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Finance and Credit Department, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

LAPINA M.A., Dr. Sci. (Law), Professor of the Legal Regulation of Economic Operations Department, Financial University, Moscow, Russia

MAIBUROV I.A., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Finance and Tax Management Department, Ural Federal University, Yekaterinburg, Senior Researcher of the Finance & Credit Chair, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

MELNICHUK M.V., Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Pedagogy), Deputy Head of the Department for Language Training, Director of the Center for Innovative Linguistic Strategies, Financial University, Moscow, Russia

OMIRBAEV S.M., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Rector of the Kozybayev North Kazakhstan State University, Petropavlovsk, Kazakhstan

PANSKOV V.G., Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Tax Policy and Customs Tariff Regulation Department, Financial University, Moscow, Russia

PINSKAYA M.R., Dr. Sci. (Econ.), Head of the Center for Tax Policy of the Research, Financial Institute of the Ministry of Finance of Russia, Professor of the Tax Policy and Customs Tariff Regulation Department, Financial University, Moscow, Russia

POGORLETSKIY A.I., Dr. Sci. (Econ.), Professor, the Department World Economy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

PONOMARENKO E.V., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Political Economics Department, Russian University of Peoples' Friendship, Moscow, Russia

ROSCHUPKINA V.V., Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Tax Policy & Customs Department, the North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

RUCHKINA G.F., Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Legal Regulation of Economic Operations Department, Financial University, Moscow, Russia

SOLYANNIKOVA S.P., Cand. Sci., Associate Professor, Head of the Public Finance Department, Financial University, Moscow, Russia

HELLMANN U., Dr. Sci. (Law), Head of the Criminal Law & Economic Crime Chair, University of Potsdam, Germany

CHERNIK D.G., Dr. Sci. (Econ.), Professor, President of the Chamber of Tax Consultants, Moscow, Russia

Manuscripts are to be submitted to the editorial office in electronic form:
eknalogpravo@mail.ru

Minimal size of the manuscript:
3 ths words; maximum – 4 ths words.

The editorial makes a mandatory expertise (review, scientific and stylistic editing) of all the materials to be published in the journal.

More information on publishing terms is at: **etl.fa.ru**

Журнал «Экономика. Налоги. Право»

Главный редактор
Л.И. Гончаренко,
д-р экон. наук

Заведующий редакцией
научных журналов

В.А. Шадрин

Выпускающий редактор
В.А. Чет

Корректор
С.Ф. Михайлова

Верстка
С.М. Ветров

Мнение редакции и членов
редколлегии может
не совпадать с мнением
авторов.

Письменное согласие
редакции при перепечатке,
а также ссылки при
цитировании на журнал
«Экономика. Налоги. Право»
обязательны.

Оформление подписки
в любом отделении
«Почта России»
по объединенному каталогу
«Пресса России» – подписной
индекс **81303** или в редакции
по тел.: **8 (499) 943-94-31**,
e-mail: MMKorigova@fa.ru
Коригова М.М.

Адрес редакции:
125993, ГСП-3, Москва,
Ленинградский пр-т,
дом 53, комн. 5.1

Телефон:
8 (985) 964-85-72
<http://www.etl.fa.ru>,
<https://economy.fa.ru>
E-mail: eknalogpravo@mail.ru

Подписано в печать:
16.04.2019
Формат 60×84 1/8
Заказ № 343 от 16.04.2019

Отпечатано в Отделе
полиграфии Финуниверситета
(Ленинградский пр-т, д. 49)

ГЛАВНАЯ ТЕМА

А.А. Ткаченко
**Российские социально-
демографические перспективы:
проблемы и возможности
их решения** 6

*Г.Э. Улумбекова, Н.Ф. Прохоренко,
А.В. Калашникова, А.Б. Гинойа*
**Системный подход
к достижению
общенациональной цели
по увеличению ожидаемой
продолжительности жизни
до 78 лет к 2024 году** 19

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

В.Н. Миронова
**Влияние демографической
политики на обеспечение
экономической
безопасности России** 31

*А.Я. Большунов,
А.Г. Тюриков*
**Социология бедности
и социологическая оценка
программы по снижению
уровня бедности** 40

В.В. Перская
**Всемирный экономический
форум в Давосе: бедность
и неравенство распределения
доходов – порочные
явления современного
мирового развития** 49

В.Н. Архангельский
**Рождаемость в реальных
поколениях российских женщин:
тенденции и региональные
различия** 59

О.В. Кучмаева
**Идеальная модель семьи
в глазах россиян и стратегия
по повышению ценности
семейного образа жизни** 70

В.Г. Доброхлеб
**Непрерывное образование
как фактор повышения уровня
занятости и доходов
старшего поколения
современной России** 83

Ю.А. Симагин
**Дифференциация территории
России по динамике
численности населения
на муниципальном уровне** 91

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

*А.В. Ярашева,
С.В. Макара*
**Влияние демографических
факторов на трудовой
потенциал регионов
Дальнего Востока** 103

ЗА РУБЕЖОМ

В.В. Антропов
**Финансирование
здравоохранения:
европейский опыт
и российская практика** 115

И.Н. Молчанов
**Медицинский туризм:
роль в поддержании
здоровья и увеличении
продолжительности жизни
населения** 127

НАЛОГИ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

М.Р. Пинская
**Налоговое стимулирование
развития человеческого
капитала: состояние
и перспективы** 137

ПРАВО

Э.Л. Сидоренко
**Уголовно-правовая охрана
репродуктивного здоровья:
современные вызовы** 147

TOPIC OF THE DAY

*A.A. Tkachenko***The Russian Socio-Demographic Outlook: Problems and Solutions**6*G.E. Ulumbekova, N.F. Prokhorenko, A.V. Kalashnikova, A.B. Ghinoyan***A System Approach to Achieving the National Goal of Increasing Life Expectancy to 78 years by 2024** 19

ECONOMICS AND MANAGEMENT

*V.N. Mironova***The Impact of the Demographic Policy on the Economic Security of Russia** 31*A.YA. Bolshunov, A.G. Tyurikov***Sociology of Poverty and Sociological Assessment of the Poverty Alleviation Program** 40*V.V. Perskaya***The World Economic Forum in Davos: Poverty and Inequality of Income Distribution as Evil Phenomena of Modern World Development** 49*V.N. Arkhangelskiy***Fertility in Real Generations of Russian Women: Trends and Regional Differences** 59*O.V. Kuchmaeva***The Ideal Family Model in the Eyes of Russians and a Strategy of Enhancing the Value of the Family Lifestyle** 70*V.G. Dobrokhleb***Continuing Education as a Factor in Increasing the Employment and Incomes of the Older Generation in Modern Russia** 83*Yu.A. Simagin***Differentiation of Russian Territories according to the Population Trends at the Municipal Level** 91

REGIONAL ECONOMY

*A.V. Yarasheva, S.V. Makar***The Impact of Demographic Factors on the Labor Potential of the Far East Regions** 103

ABROAD

*V.V. Antropov***Healthcare Financing: European Experience and Russian Practice** 115*I.N. Molchanov***Medical Tourism: Its Role in Maintaining Health and Increasing Life Expectancy** 127

TAXES AND TAXATION

*M.R. Pinskaya***Tax Incentives for Human Capital Development: the State of Things and Prospects** 137

LAW

*E.L. Sidorenko***Criminal Law Protection of Reproductive Health: Current Challenges** 147

DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-6-18

УДК 314.1;364.05(045)

JEL I30, J18

Российские социально-демографические перспективы: проблемы и возможности их решения

А.А. Ткаченко

Финансовый университет,

Москва, Россия

<http://orcid.org/0000-0002-8828-1761>

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – цели и задачи национального проекта «Демография» и взаимосвязанных с ним национальных и федеральных проектов, направленных на решение проблем социально-демографического развития России, прежде всего для устранения или, по крайней мере, ограничения бедности значительной части населения страны.

Цели статьи – выявление и обоснование путей решения социально-демографических проблем, обозначенных в национальном проекте, и оценка планируемого Правительством РФ уровня его финансирования. В статье обосновывается, что отсутствие достаточных средств к существованию отслеживается в России пока только по показателю «абсолютная бедность по доходам», что лишает возможности корректного сравнения динамики бедности как во времени, так и в пространстве. Основное внимание в статье уделяется национальным проектам, направленным на рост человеческого капитала на основе долгосрочных прогнозов показателей, которые намечено достичь. Предполагается, что запланированный значительный вклад субъектов Российской Федерации в национальный проект «Здоровье» может помешать эффективному осуществлению национального проекта «Демография» из-за отсутствия средств у регионов. Предлагается представлять в ЮНИСЕФ ежегодные доклады о результатах борьбы с бедностью для информирования этой международной организации о мерах по достижению поставленной цели – снижения бедности в два раза, в том числе для обеспечения безопасного, здорового и счастливого детства, чтобы достаточно точно отдавать себе отчет о ходе выполнения задачи по снижению бедности. Задача роста ожидаемой продолжительности жизни не может быть решена без принятия мер по отношению и к мужскому, и к женскому населению. Поэтому целевой показатель статистики без подразделения на мужчин и женщин не может считаться корректным для всего населения. *Делается вывод* о том, что в случае выполнения национальных проектов, направленных на развитие человеческого капитала, российская социально-демографическая политика будет способствовать росту экономики.

Ключевые слова: демография; бедность; семейные пособия; семейная политика; суммарный коэффициент рождаемости; человеческий капитал; материнский капитал; национальный проект; миграция

Для цитирования: Ткаченко А.А. Российские социально-демографические перспективы: проблемы и возможности их решения. *Экономика. Налоги. Право.* 2019;12(2):6-18. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-6-18

The Russian Socio-Demographic Outlook: Problems and Solutions

A.A. Tkachenko

Financial University,

Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0002-8828-1761>

ABSTRACT

The subject of the research is the goals and targets of the Demography national project and related national and federal projects aiming to resolve the problems of the socio-demographic development of Russia, primarily, elimination or at least reduction of poverty of a significant part of the country's population. *The purposes of the research* were to identify and substantiate ways to solve socio-demographic problems defined in the national project, and estimate the scope of its financing planned by the Russian Federation Government. The paper proves that until now the lack of sufficient livelihood is monitored in Russia only by the absolute income poverty index, which makes it impossible to compare

the poverty dynamics correctly in both time and space. The paper focuses on national projects aimed at increasing the human capital based on long-term forecasts of indicators to be achieved. It might happen that the planned significant contribution of the Russian Federation regions to the Healthcare national project will hamper the effective implementation of the Demography national project due to the lack of regional funds. It is proposed that reports on poverty reduction are submitted annually to the UNICEF to inform this international organization on measures taken to achieve the goal of twofold poverty reduction, particularly measures to ensure safe, healthy and happy childhood, in order to be aware of the poverty reduction progress. The issue of increasing life expectancy cannot be solved without taking measures specific for the male and female population. Therefore, the target statistics indicator ignoring the gender differences cannot be correct in respect of the entire population. *It is concluded* that if the national projects aimed at the human capital development have been implemented successfully the Russian socio-demographic policy will contribute to the growth of the economy.

Keywords: demography; poverty; family benefits; family policy; total fertility rate; human capital; maternal capital; national project; migration.

For citation: Tkachenko A.A. The Russian socio-demographic outlook: Problems and solutions. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2019;12(2):6-18. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-6-18

ВВЕДЕНИЕ

Центральной темой послания Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию 20 февраля 2019 г.¹ стало принятие новых мер, направленных на повышение эффективности социально-экономического развития в стране, продолжая политику, проводимую в последнее десятилетие по формированию уровня жизни населения, воспроизводству человеческого капитала, оказанию социальных услуг и развитию социальной инфраструктуры на федеральном, региональном и местном уровнях. Так, среди 12 майских указов Президента РФ 2012 г. был отдельный указ, посвященный российской государственной демографической политике и ее задачам². В майском 2018 г. указе Президента РФ все социальные, экономические, демографические, технологические, экологические цели и задачи в предпринимательской и экспортной сферах развития российского общества объединены в одном документе³. В то же время основное содержание этого единого нормативного документа касается все той же демографической политики, которая в большей или меньшей мере зависит от государственной политики, направленной на развитие национального человеческого капитала. Правительству РФ ставятся цели и задачи, среди которых первые четыре относятся к решению

социально-демографических проблем. Для выполнения этих задач Правительство РФ разработало ряд национальных проектов, среди которых выделяется широким спектром задач и объемом финансирования национальный проект «Демография».

Первой задачей майского 2018 г. указа Президента РФ обозначено обеспечение устойчивого *естественного* роста численности населения. Из данной формулировки, а также вследствие отсутствия в этом документе упоминания миграции следует, что задачи постоянного миграционного прироста за счет положительного сальдо миграции (чистой миграции), поставленные в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.,⁴ уже не играют той роли, которая им изначально отводилась. О причинах такого изменения в миграционной политике можно только догадываться, учитывая тот факт, что вышеуказанная Концепция продолжает оставаться руководящим документом в проведении государственной политики. Сразу же отметим, что большинство идей национального проекта «Демография» отнюдь не ново, а почерпнуто из Концепции демографической политики, например содействие занятости женщин с малолетними детьми, развитие инфраструктуры дошкольного образования, обеспечение детей местами в дошкольных образовательных организациях в приоритетном порядке.

Национальные проекты как инструменты реализации государственной политики принимались

¹ Сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863>.

² Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации».

³ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (в ред. от 01.07.2014).

и ранее, но они носили иной характер. Отдельные цели и задачи, вошедшие в национальный проект «Демография», также рассматривались аналитиками в свое время, но оценка возможностей их достижения и эффективности давалась крайне редко. Так, В. В. Елизаров оценивал конкретные меры поддержки молодых семей и женщин, введенные в 2006–2007 гг. как «призванные обеспечить стимулирование рождения хотя бы второго ребенка», но считал их явно недостаточными [1, с. 159]. Авторы работы [2, с. 22] полагают, что реализация значительного количества мер помощи семьям с детьми оказала определенное влияние на существенное повышение рождаемости в 2007–2015 гг.

Особый интерес у специалистов вызывало предоставление материнского (семейного) капитала, которое оценивалось ими по-разному, порою противоречиво. Представители властей и ряд исследователей [3] настаивали на роли материнского капитала как меры поощрения рождаемости, другие эксперты подчеркивали его роль в помощи семье для поддержки ее уровня жизни, который может снижаться в связи с рождением ребенка [4–6]. В этой работе анализ роли материнского капитала будет продолжен в силу действия национального проекта «Демография», краткий анализ которого был дан в статье [7].

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В России имелось несравненно больше общефедеральных и федеральных региональных программ, чем в любой другой стране, прежде чем начали приниматься национальные программы. В 2010-е гг. основными инструментами решения социальных и социально-экономических проблем считались приоритетные национальные проекты по направлениям⁵, соответствующим задачам, поставленным в президентских указах и посланиях Федеральному Собранию. Количество этих программ увеличивается, хотя, отметим, многие из них включают нормы уже существующих программ, при этом после 2018 г. значительно выросло их финансирование. В какой-то мере это означает, с одной стороны, что государство осознает серьез-

ность задач, от решения которых зависит будущее российского общества и российской экономики. С другой стороны, власти все более пытаются их решать, не учитывая в своей деятельности возможности рыночного хозяйства. Поэтому возникает вопрос о точности и верности намечаемых или намеченных в национальных проектах целей, которые должны основываться на обоснованном прогнозе возможностей достижения этих целей и их необходимости в среднесрочной (программы и проекты рассчитаны на шесть лет) и обязательно долгосрочной перспективах по причине того, что долгосрочный прогноз может позволить отыскать более эффективные пути достижения намеченных целей или, напротив, на его основании будет сделан вывод об их недостижимости даже при больших затратах государства.

Общий бюджет финансирования национальных проектов социальной направленности назван в документах Правительства РФ бюджетом «человеческого капитала», куда входят затраты на финансирование четырех национальных проектов: «Демография», «Здоровье», «Культура», «Образование»⁶. Общая сумма финансирования всех четырех проектов составит 5729 млрд руб. за 2019–2024 гг.⁷ Самый затратный проект социальной направленности — демографический, который по объему превышает проект по здравоохранению в 1,8 раза, по образованию — в 4 раза, по культуре — в 27 раз. Но все же на культуру будет затрачено в 2,2 раза больше, чем на весь национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости»⁸. В то же время демографический проект заметно «отстает» по затратам от автомобиледорожного, экологического, инфраструктурного национальных проектов.

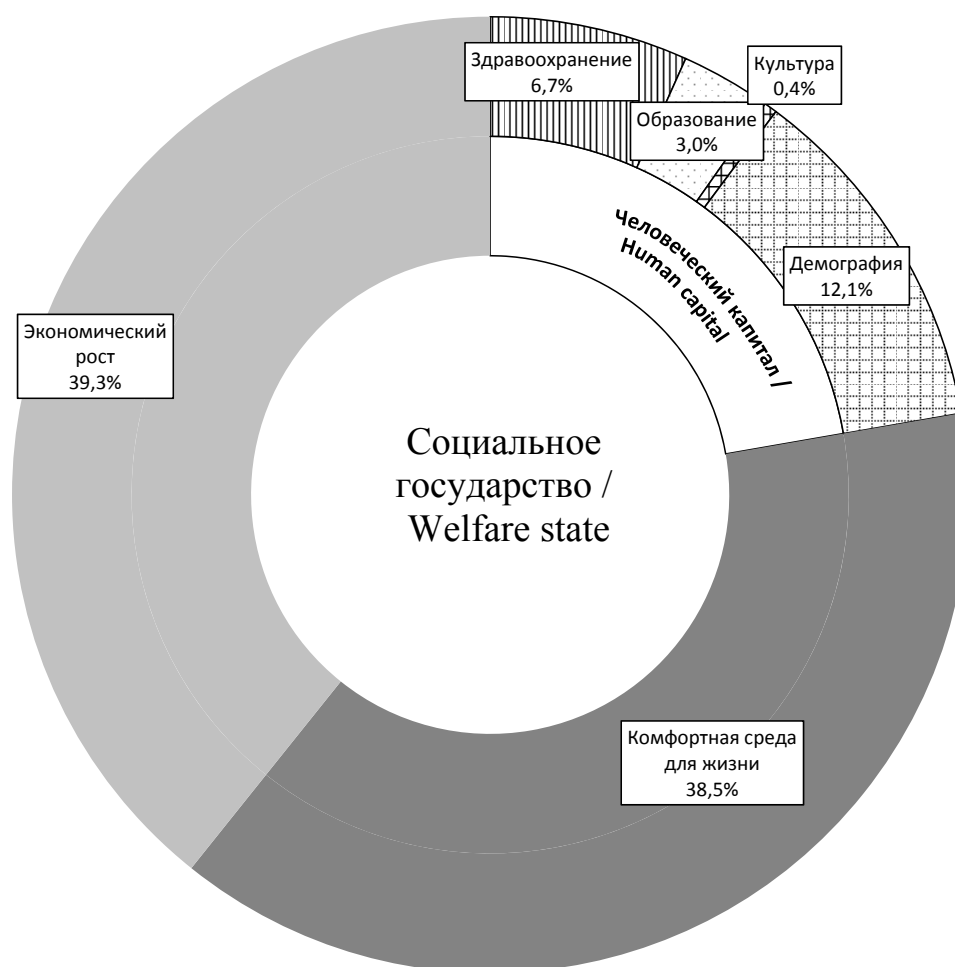
С точки зрения продуманности государственной политики федерального многонационального государства обращают на себя внимание следующие особенности финансирования национальных проектов, которые уже сейчас вызывают вопросы у специалистов и могут привести к последствиям,

⁶ Сайт Правительства РФ. URL: <http://static.government.ru/media/files/p7nn2CS0pVhvQ980OwAt2dzCIAietQih.pdf> (дата обращения: 01.02.2019).

⁷ Здесь и далее данные о финансировании рассчитаны по: URL: <http://static.government.ru/media/files/p7nn2CS0pVhvQ980OwAt2dzCIAietQih.pdf>.

⁸ За который почему-то отвечает Минэкономразвития России.

⁵ Этим занимался Совет при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике.

**Структура расходов на национальные проекты по направлениям /
Structure of expenses for national projects by sectors of the economy**

способным повлиять на их эффективность и даже осуществимость достижения ряда целей. В проектах существенно различаются источники финансирования федеральным бюджетом и бюджетами регионов (табл. 1).

Как следует из табл. 1, самое значительное финансирование на федеральном уровне предусмотрено на национальный проект «Демография», а самая значительная нагрузка на региональные бюджеты ложится на софинансирование национального проекта «Здоровье». Согласно национальному проекту «Образование» доля региональных бюджетов также выше по сравнению с национальным проектом «Демография» более чем в два раза. Высокие доли регионального финансирования вызывают ряд вопросов, так как хорошо известно, что ряд инициатив Минздрава России не осуществлен до сих пор вследствие отсутствия источников финансирования, например на оказание первой помощи

населению до прибытия медицинских работников с привлечением одного из домовых хозяйств⁹.

На все национальные проекты, относящиеся к человеческому капиталу, Правительство РФ планирует потратить 22,18% от общего финансирования всех 12 проектов по майскому 2018 г. указу (см. рисунок). Поэтому можно сделать общий вывод, что социальное направление по-прежнему остается в социальном государстве на «остаточном финансировании», как это было в дорыночной экономике, несмотря

⁹ Приказ Минздрава России от 15.05.2012 № 543н «Об утверждении Положения об организации оказания первичной медико-санитарной помощи взрослому населению». На выполнение п. 11 «Расчетный дефицит финансового обеспечения территориальных программ ОМС» пошло, по сведениям Счетной палаты, в 2017 г. более 81 млрд руб., в 2018 г. — более 65 млрд руб. (Демоскоп Weekly. 2018;(795–796). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0795/rossia01.php> (дата обращения: 01.02.2019).

Таблица 1 / Table 1

Структура национальных проектов по источникам финансирования, % / Structure of national state projects by sources of financing, in %

Источник / Source of financing	Демография / Demography	Здоровье / Public health	Образование / Education
Федеральный бюджет / Federal budget	95,75	79,19	92,20
Бюджеты субъектов РФ / Budgets of subjects of the Russian Federation	2,52	15,36	5,23
Государственные, внебюджетные фонды / State extra-budgetary funds	1,73	5,45	–
Внебюджетные источники / Extra budgetary resources	–	0,01	1,96

Источник / Source: рассчитано автором по: / calculated by the author by: URL: <http://static.government.ru/media/files/p7nn2CS0pVhvQ980OwAt2dzCIAietQih.pdf>.

на все реверансы в сторону социального развития¹⁰. На национальные проекты, связанные с экономическим развитием (инфраструктура, цифровая экономика и т.п.), будет направлено 39,30% общего финансирования. Из 5,7 трлн руб. на «социальные» национальные проекты национальный проект «Демография» получит в 2019–2024 гг. финансирование в размере 3105,2 млрд руб., что все же заметно ниже предварительно озвученных членами Правительства РФ показателей: от 3,5 до 3,8 трлн руб.

Поставленные в начале статьи вопросы можно в какой-то мере разрешить на примере национального проекта «Демография» и ряда его федеральных проектов¹¹. Большинство задач, поставленных в майском 2018 г. указе Президента РФ, тесно взаимосвязано с решением проблемы бедности и необходимости роста реальных доходов и уровня жизни населения; кроме того, эти задачи сформулированы в майском указе как снижение бедности в два раза и устойчивый рост реальных доходов. Ясно и то, что без роста уровня жизни и поддержки бедных

¹⁰ Напомним читателям, что пятилетние планы развития народного хозяйства страны поменяли название на планы экономического и социального развития только в 1981 г. на XXVI съезде КПСС.

¹¹ Все пять федеральных проектов, составляющих национальный проект «Демография», невозможно охарактеризовать в одной статье. Кроме того, с точки зрения решения демографических задач ряд из них не соответствует основной цели национального проекта «Демография» (подробнее см. [7]).

слоев населения со стороны государства невозможно решение подавляющего большинства других задач и достижение целей, обозначенных руководством страны в 12 майских указах 2012 г. и национальных проектах независимо от сферы, которой эти документы посвящены: от снижения уровня смертности населения трудоспособного возраста до увеличения ожидаемой продолжительности жизни.

БЕДНОСТЬ КАК ОБЩЕМИРОВАЯ ПРОБЛЕМА

Вопрос о снижении бедности и ликвидации нищеты как важнейшей задаче мирового сообщества и национальных правительств впервые в такой форме был поставлен на Всемирном саммите в интересах социального развития (Копенгаген, 1995 г.) и как задача сформулирован в Копенгагенской декларации о социальном развитии¹², подписанной и ратифицированной Россией. В национальном докладе Российской Федерации, подготовленном к этому саммиту, в разделе «Доходы россиян» говорилось, что перед Россией впервые за последние десятилетия встала проблема массовой бедности и в число бедных попала даже значительная часть трудоспособного населения. После

¹² Обязательство 2 гласит: «Мы обязуемся достичь цели искоренения нищеты в мире, которое является для человечества этическим, социальным, политическим и экономическим императивом». URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/copdecl.shtml.

Копенгагенского саммита ООН сформулировала задачу борьбы с бедностью как одну из «целей в области развития» в Декларации тысячелетия¹³, предусматривая снижение уровня нищеты в два раза к 2015 г. Всемирный банк счел своей миссией «покончить с бедностью в течение жизни одного поколения и способствовать всеобщему благосостоянию» и поставил задачу сократить долю населения, находящегося в экстремальной бедности, до 3% в 2030 г.; при этом Всемирный банк считает, что искоренение крайней нищеты является моральным долгом и, возможно, одной из самых трудновыполняемых задач развития сообщества¹⁴. Международная организация труда (далее — МОТ) в докладе о социальной защите в мире в 2017–2019 гг. поставила задачу роста экономической активности и качественного трудоустройства женщин, что должно помочь сократить масштабы детской бедности¹⁵.

Поэтому вполне закономерна и ожидаема постановка такой задачи и в майском 2018 г. указе Президента РФ в качестве *четвертой национальной цели* Правительства РФ до 2024 г. При этом возникают два непростых вопроса: что понимать под бедностью, которую мы должны уменьшать, и как ее измерять? Это явление присуще всем странам, даже самым богатым, но в разной мере. В 2016 г. в странах ЕС было 51,9 млн чел., живущих в домохозяйствах, которые столкнулись с угрозой бедности по доходам, 15,5 млн чел. испытывали тяжелую материальную депривацию¹⁶ и 13,2 млн чел. жили в домохозяйствах, характеризующихся очень низким уровнем интенсивности труда работников. Каждая из этих групп населения характеризуется только с одним из названных признаков бедности. Еще 29,0 млн чел. жили в домохозяйствах, сталкивающихся с двумя из трех этих признаков, и еще 8,4 млн чел. — в домохозяйствах, где присутствовали все три признака¹⁷. Поэтому показатель Евростата о доле насе-

ления, живущего в домохозяйствах, находящихся под риском бедности или социальной изоляции¹⁸ (так называемый *AROPE*), равный 23,5%¹⁹, нельзя сравнивать с российским показателем бедности как доли населения с доходами ниже прожиточного минимума (черты бедности). Но если сравнить только бедность по доходам, то в ЕС таких людей 15,5 млн чел., что составляет только 3,1%, т.е. в 4,3 раза ниже этого показателя по России.

Поскольку национальная черта бедности мало сравнима в пространстве и даже во времени, воспользуемся другим показателем, отражающим доходы четырех нижних децилей населения, т.е. 40% имеющих более низкие доходы людей из всего распределения населения по 10%-ным группам.

Только в России и во Франции доходы 40% бедного населения (четыре нижних дециля) в расчете на один день росли в рассматриваемый период быстрее, чем доходы всего населения, как это и должно быть в эгалитарных странах. В других социальных государствах независимо от принятой модели экономического роста доходы бедного населения увеличивались медленнее, а в Германии даже уменьшались. Это свидетельствует об актуальности общемировой проблемы роста дифференциации доходов, которая становится трендом в XXI в., несмотря на стремление стран к ее уменьшению. Тревожным симптомом для России, который не будет способствовать решению задач, поставленных в майском 2018 г. указе Президента РФ, является не столько очень значительное отставание по уровню душевых доходов (потребления), несоразмерное отставанию по уровню ВВП на душу населения²⁰, сколько отставание по размеру средних доходов *российских бедных* от средних доходов всего населения России. Как следует из *табл. 2*, средняя величина доходов бедных во всех социальных государствах составляет более половины от средних доходов всего населения, а в России — только 45%. Это свидетельствует о большей дифференциации доходов в России и о заниженной черте бедности.

Завершая этот подраздел статьи, отметим, что большинство стран СНГ, в том числе Россия, не со-

¹³ Более известна как Цели развития тысячелетия (ЦРТ).

¹⁴ End extreme poverty and promote shared prosperity. World Bank Group Goals. World Bank. 2013. P. 11.

¹⁵ World Social Protection Report 2017–2019. Universal social protection to achieve the Sustainable Development Goals. Geneva: ILO; 2017. P. 18.

¹⁶ Депривация (от лат. *deprivatio* — потеря, лишение) — сокращение либо полное лишение возможности удовлетворять основные потребности — психофизиологические либо социальные.

¹⁷ People at risk of poverty or social exclusion. Statistics Explained. Eurostat. 2018. P. 1–2.

¹⁸ Евростат переводит “exclusion” и как отчуждение.

¹⁹ Это составляет 118 млн чел. (At risk of poverty or social exclusion).

²⁰ Если по среднедушевому ВВП Россия отстает от Германии и Швеции почти в два раза, то по среднему потреблению всего населения почти на 60%, а для 40% низкодоходных — почти в три раза.

Таблица 2 / Table 2

Уровень доходов бедного населения в ведущих экономиках мира в 2011–2015 гг. / Shared Estimates of the poor in the leading economies of the world in 2011–2015

Страна / Country	Ежегодный рост среднего потребления или дохода на душу населения, % / Annualized growth in mean consumption or income per capita, %		Среднее потребление или доход на душу населения в день, долл. США, ППС / Mean consumption or income per capita, \$ a day, PPP 1		Потребление 40% низкодоходных, % ко всему населению, в день* / mean consumption bottom 40% as a percentage of total population, a day	Прирост потребления 40% низкодоходных за 2010–2015 гг., в день, долл.* / Increase consumption bottom 40% for 2010–2015 a day, \$
	40% с низкими доходами / Bottom 40%	все население / Total Population	40% с низкими доходами / Bottom 40%	все население / Total Population		
Россия / Russia	1,62	0,48	10,07	22,36	45,04	0,78
Германия / Germany	-0,18	0,59	27,88	53,88	51,74	-0,25
Франция / France	0,74	0,21	27,40	53,23	51,48	0,99
Норвегия / Norway	2,11	2,95	40,57	70,92	57,21	4,03
Швеция / Sweden	1,80	2,40	29,49	53,85	54,76	2,52
США / USA	1,31	1,67	26,36	68,93	38,24	1,98

Источник / Source: World Bank. 2018. Poverty and Shared Prosperity 2018: Piecing Together the Poverty Puzzle. Washington, DC: World Bank, p. 63–64 и расчет автора / compiled by the author.

* 2011 паритет покупательской способности с использованием PovcalNet / 2011 Purchasing Power Parity (PPP) using PovcalNet.

ставляет доклады о бедности, хотя исходных данных, по мнению ЮНИСЕФ, для расчета и представления показателей бедности, в том числе детской, достаточно. Исключение составляют Молдова, представляющая ежегодный доклад, и Армения, дающая краткий обзор²¹. В свете поручений Правительству РФ по выполнению майского 2018 г. указа Президента РФ представляется необходимым, чтобы в ЮНИСЕФ начали представляться ежегодные доклады о состоянии бедности и мерах по борьбе с ней, что позволит достаточно точно отдавать себе отчет о ходе выполнения задачи по снижению бедности в два раза.

²¹ Childhood in Europe and the Central Asia region: definitions, measurement, trends and recommendations, UNICEF, Geneva; December 2017. P. 13–14.

ВОЗМОЖНОСТИ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРИРОСТА НАСЕЛЕНИЯ

Естественный прирост населения может быть обеспечен при суммарном коэффициенте рождаемости (далее — СКР)²² выше 2,1, а также благодаря низкой смертности населения, когда число умерших меньше числа родившихся людей, как это было в 2013–2015 гг., но не стало устойчивым явлением воспроизводства населения. Поэтому задача устойчивого естественного прироста населения (первый пункт поручений Правительству РФ) может быть выполнена только при условии постоянного снижения смертности населения, прежде всего мужчин трудоспособного возраста, при со-

²² СКР — среднее число детей, рожденных одной женщиной в течение жизни.

хранении хотя бы существующего уровня рождаемости. В 2015 г. Концепция демографической политики на период до 2025 г. предусматривала увеличение СКР в 1,3 раза по сравнению с 2006 г., т.е. достижение величины в 1,696 в 2015 г. (и в 1,5 раза к 2025 г.). В действительности СКР превысил намеченный показатель и составил 1,777²³, а в 2016 г. уменьшился до 1,762²⁴. Поэтому указанный для достижения показатель вначале в президентском указе, а затем в национальной программе «Демография», равный 1,7, соответствовал или был близок к существующему (в 2017 г. он снизился до 1,621) размеру²⁵.

В паспорте национального проекта предусматривается плавное увеличение СКР к 2024 г. до все до тех же 1,7. Подчеркнем, что точно такой же размер этого показателя был указан в первой Концепции демографического развития «Современное состояние, прогноз и концепция демографического развития Российской Федерации», утвержденной в 1995 г., оптимистический прогноз которой предполагал достижение в 2015 г. СКР, равного 1,74²⁶. Отсюда возникают вопросы: что является первопричиной таких колебаний? Почему на динамику СКР перестал влиять материнский капитал? Сможет ли рост финансирования мер по стимулированию рождаемости привести к росту этого коэффициента хотя бы до уровня простого воспроизводства или это будут напрасно затраченные средства, которые могли бы принести больше пользы, будучи вложенными в человеческий капитал? Последний аргумент является, с нашей точки зрения, весомым, так как тот же майский указ предусматривает рост производительности труда, что возможно только за счет повышения квалификации, умения, навыков и других характеристик рабочей силы — важных составляющих, характеризующих человеческий капитал.

Решение самостоятельной задачи устойчивого естественного прироста населения и более важной, с нашей точки зрения, задачи увеличения ожидае-

мой продолжительности жизни предопределяется общим продвижением в решении социальных и экономических задач и не может быть обеспечено одинаковыми мерами, принимаемыми по отношению к мужскому и женскому населению. Поставленная же задача в виде общего для всего населения показателя не может быть признана корректной с научной и практической точек зрения. Об этом говорилось уже не раз [8, с. 38–39], но разработчики нормативных документов предпочитают общий показатель, смазывающий кардинальные различия, существующие между ожидаемой продолжительностью жизни у мужчин и женщин и между показателями их смертности в трудоспособном возрасте. Заметим, что это единственная цель, когда называются два целевых показателя: 78 лет к 2024 г. и 80 лет к 2030 г.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА СЕМЕЙ И СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА

Семейная политика, включающая поддержку семей, которые в этом нуждаются по разным причинам, не направлена на стимулирование рождаемости, хотя некоторые ее меры могут привести к кратковременному росту числа родившихся и даже возрастных коэффициентов рождаемости для ряда поколений. В большинстве стран меры поддержки семьи включают пакет детских пособий (*child benefit package*), который, в свою очередь, может быть финансированием семьи путем прямых денежных выплат (*cash benefits*)²⁷ или в виде предоставления льгот посредством налогового вычета (*tax benefit*), связаны с задачей предоставления гарантий семьям (домохозяйствам), имеющим несовершеннолетних детей. Эти меры, принимаемые по отношению к семьям, подразделяются на прямые выплаты, налоговые льготы и меры социальной поддержки семей. Для уяснения важности этих мер для российских семей вопросы о социальной поддержке семей были заданы при проведении микропереписи населения 2015 г., а наиболее подробный анализ ответов респондентов в разрезе пола, образования, занятости дан в работе [10], где анализируются даже небольшие отклонения оценок. Так, отмечается самая низкая оценка как у работающих, так и неработающих женщин гибкого графика работы, включая дистанционную работу на дому. По нашему мне-

²³ Задача на треть снизить уровень смертности населения осталась невыполненной — она снизилась только на 25%.

²⁴ Демографический ежегодник России. 2017: стат. сб. М.: Росстат; 2017. С. 45.

²⁵ Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo27.xlsx.

²⁶ Первая концепция демографического развития РФ. Демографическая энциклопедия. М.; 2013. С. 566.

²⁷ Роль прямых денежных выплат подробно рассмотрена в работе [9].

нию, занятость в виде неполного рабочего времени, гибкого графика работы и надомного труда регулируется разными конвенциями МОТ, потому что их различия очень весомы для работающих в разных условиях и могут использоваться предпринимателями в разных целях. Российские женщины, выбирая виды занятости, *во-первых*, мало знакомы с различиями в видах труда, *во-вторых*, исходят из опыта общения с нанимателями, будь то предприниматели или государство, которые, в свою очередь, не имеют или имеют крайне мало подобной практики найма, не говоря уже о надомном труде²⁸. Поэтому можно предположить, что низкая оценка женщинами гибкого графика работы и надомного труда объясняется их плохой информированностью, потому что у нас не развиты альтернативные формы занятости. О неинформированности населения можно делать вывод исходя из результатов опроса, осуществленного в течение микропереписи 2015 г.: женщины с тремя и более детей и с образованием девять классов средней школы и менее оценивают гибкий график работы очень низко, хотя, имея столько детей, должны, по нашему мнению, стремиться к получению таких условий работы. Довольно низкая оценка налоговых льгот отмечена у работающих и неработающих женщин при любом количестве детей, что вызвано не только занятостью значительной части населения в теневом секторе экономики и непониманием этой меры людьми, в отличие от прямых выплат [10, с. 35], но и общей направленностью политики социальной защиты в России. Теневая экономика играет определенную роль, но более важна неразвитость налоговых льгот в целом, непривычность ими пользоваться занятым и самозанятым населением, так как предоставляется мало индивидуальных льгот, а система оформления существующих льгот требует непомерных затрат. В отличие от развитых экономик, большая часть российского населения не должна подавать ежегодные декларации о доходах и соответственно не задумывается о возмещении затрат посредством льгот. Но эта система во всех странах играет значительную роль в регулировании доходов работников и их семей, а главное, помогает им не попадать в число хронически бедных

²⁸ Конвенция МОТ: № 175 (неполное рабочее время), ратифицирована Российской Федерацией 29 апреля 2016 г., а конвенция № 177 (надомный труд) не ратифицирована.

людей, стимулирует родителей к поискам работы и занятости. Благодаря различным льготам, в том числе налоговым, семья может балансировать за счет различных источников дохода и увеличивать семейный доход [11, с. 214–215]. Новые налоговые меры в соответствии с Посланием Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 20 февраля 2019 г., предлагающие снижение налоговой нагрузки на семью по принципу: «больше детей — меньше налог»²⁹, пока предполагают увеличение федеральной льготы по налогу на недвижимое имущество для семей с тремя и более детей и распространяются на жилую площадь и земельные участки.

Вывод, который можно сделать на основании работы [10], о резком увеличении в опросах значимости выплат на третьего ребенка в размере прожиточного минимума у матерей двоих детей как среди работающих, так и неработающих женщин, подтверждает наш вывод о несоразмерно низком уровне оплаты труда в российской экономике, делающем бедные семьи с несовершеннолетними детьми «чувствительными» даже к таким мизерным выплатам. К этому примыкает следующий вывод из ответов о *большом значении выплат* на третьего ребенка для женщин с незаконченным высшим образованием, имеющих двух и более детей, и для женщин с высшим образованием при рождении второго ребенка [10, с. 39] Это возможно только в стране, где происходит заметное падение уровня обеспеченности семьи после рождения второго и последующих детей.

Социальная поддержка семей согласно Посланию Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 20 февраля 2019 г. расширяется за счет новых мер по ипотечному кредитованию, когда субсидирование процентной ставки будет осуществляться не в ограниченный период (3–5 лет), а в течение всего периода погашения. Эти меры охватят по приводимым в Послании данным 600 тыс. семей и потребуют от государства 59,9 млрд руб. в 2019–2021 гг.,³⁰ что составляет 1,05% от общей суммы финансирования национальных проектов, относящихся к человеческому капиталу. Принятие этой меры увеличит, по нашим расчетам, долю их финансирования, учитывая и 2022–2024 гг., не более

²⁹ Сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863>.

³⁰ Сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863>.

чем на 0,5% от финансирования всех 12 проектов. Кроме того, в Послании предложено ввести «зачет» по ипотечному кредиту 450 тыс. руб. при рождении третьего и каждого последующего ребенка.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ

Если все национальные проекты Правительства РФ, направленные на повышение значимости *человеческого капитала*³¹, будут выполнены полностью, период проведения социально-демографической политики можно будет считать *периодом реформ*, которые, без сомнения, будут способствовать и даже ускорять экономические реформы. Во многих развитых странах такие реформы уже проводились ранее на рубеже веков. Весьма заметная из них реформа 1996 г., проведенная администрацией Клинтона и радикально изменившая систему выплат пособий нуждающимся семьям. Следует подчеркнуть, что «Закон о примирении принципа личной ответственности с возможностями занятости»³² связывает предоставление социальной помощи и пособий семьям с малолетними детьми и низкими доходами с необходимостью трудоустройства родителей этих семей. В ряде работ об итогах реформы администрации Клинтона отмечается их влияние на изменение политики в Канаде, Великобритании и на нескольких землях Германии, где с успехом использовались идеи клинтоновской реформы благосостояния [12].

Согласно данным С. Уиншипа, бедность детей в неполных семьях снизилась в США за три года после начала реформы более чем на 10%. Общая бедность среди детей, по его мнению, находится на самом низком уровне за все время реформ. Особенно заметно реформа подействовала на занятость матерей, никогда не состоявших в браке: за 1996–1999 гг. она возросла на 15 п.п., что беспрецедентно для США³³. Отдельные меры, направ-

ленные на оказание помощи бедным российским семьям, верхний порог благополучия которых был определен в полтора прожиточных минимума, выражающиеся в предоставлении права на получение пособия на второго ребенка до достижения им возраста 1,5 лет в размере 6284 руб. 65 коп. (с 1 февраля 2018 г.) и ту же сумму на третьего ребенка уже из средств материнского капитала, не смогли бы столь кардинально изменить доход этих семей, чтобы он «поднял» семью выше черты бедности. Тем более данные меры не могли поднять уровень жизни этих семей на среднероссийский, что достигается посредством социальной поддержки в других странах. Поэтому решения по пособиям, предоставляемым семьям при рождении ребенка в течение только 1,5 лет, недостаточны, и их не следует позиционировать как меры поощрения рождаемости, но они могут помочь уменьшить бедность семьи хотя бы на некоторое время³⁴. Вероятно, осознавая недостаточный охват бедных семей пособиями, введенными в 2017 г.,³⁵ государство с 2020 г. поднимает эту планку до двух прожиточных минимумов³⁶.

Национальный проект «Демография» включает федеральный проект «Содействие занятости женщин — создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет», задача которого достичь в 2021 г. 100%-ной доступности дошкольного образования для детей в возрасте 1,5–3 года. При этом паспорт проекта выделяет, не поясняя причин, приоритетность регионов Дальнего Востока и Северного Кавказа. Может быть, причиной тому является немного более высокая доля детей в возрасте 0–3 года в этих федеральных округах: 9,26% — в Дальневосточном и 10,93% — в Северо-Кавказском по сравнению с 8,80% в среднем по России³⁷. Но главная цель проекта — обеспечить для матерей, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до трех лет, возможность переобучения и повышения квалификации. При этом Правительство РФ определяет приоритетные для переобучения

³¹ Стоит отметить, что в отличие от Правительства РФ Совет Федерации назвал эту часть национального проекта проектами в социальной сфере (постановление Совета Федерации от 21.12.2018 «О ключевых задачах реализации национальных проектов в социальной сфере»). URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/100104/> (дата обращения: 01.02.2019).

³² The Personal Responsibility and Work Opportunity Reconciliation Act.

³³ За предшествующие 16 лет рост этой занятости составил только 10 п.п. См.: Winship Scott. Welfare Reform Reduced Poverty and No One Can Contest It. *Forbes*, January 11, 2016.

³⁴ Ограничение выплаты этого вида пособия 1,5 годами необходимо поднять хотя бы до 3 лет (подробнее: [7]).

³⁵ Федеральный закон от 28.12.2017. № 418-ФЗ «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей».

³⁶ Сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863>.

³⁷ Рассчитано по: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2018 года (Статистический бюллетень). М.; 2018. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095700094 (дата обращения: 10.01.2019).

регионы в составе Дальневосточного федерального округа. Известно, что этот округ продолжает терять население вследствие миграции жителей в другие регионы. Поэтому решение проблемы недостаточности работников путем создания условий для части молодых женщин раньше выйти на работу, которая будет более высококвалифицированной, а значит, лучше оплачиваемой после повышения квалификации, вполне понятно. Но, *во-первых*, подобное переобучение предусмотрено во всех регионах страны, а *во-вторых*, паспорт национального проекта не приводит критериев выделения регионов внутри этого федерального округа.

По второму федеральному проекту «Содействие занятости женщин — создание условий дошкольного образования для детей возрасте до трех лет» государство намерено привлекать частных и индивидуальных предпринимателей³⁸ для создания учреждений, осуществляющих образовательную деятельность по программам дошкольного образования, присмотру и уходу за детьми дошкольного возраста в негосударственном секторе дошкольного образования. Цель проекта для государственных и негосударственных заведений одна — достижение 100%-ной доступности дошкольных учреждений³⁹, что позволяет удовлетворить спрос на них со стороны семей, имеющих детей в возрасте 1,5–3 лет (это различие в возрастной градуировке дано в паспорте проекта). Но планируемые масштабы переподготовки женщин с детьми до трех лет — от 40 до 50 тыс. чел., которым должны помогать эти учреждения в совмещении выполнения семейных обязанностей и занятости, недостаточны, хотя и увеличены по сравнению с озвученным ранее масштабом (30 тыс.) в министерстве, разработавшем паспорт проекта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Взаимосвязь национальных проектов, разработанных в соответствии с майским 2018 г. указом Президента РФ, особенно видна на примере национальных проектов «Демография» и «Здоровье». Если задача снижения смертности населения старше трудоспособного возраста выделена как одна из основных в национальном проекте «Демография» только лишь потому, что последний

³⁸ Такое различие введено паспортом.

³⁹ Паспорт национального проекта называет их учреждениями дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет и намечает 100%-ный уровень с 2021 г.

включает федеральный проект «Старшее поколение», за который согласно паспорту в основном отвечает Минздрав России, то кто тогда отвечает за еще более важную задачу снижения смертности мужчин в трудоспособном возрасте⁴⁰? Вероятно, разработчикам проекта надо было более полно учитывать взаимообусловленность национальных проектов, относящихся к человеческому капиталу.

В работе [14], анализирующей профиль детской бедности в четырех странах ЕС, авторы пытаются измерить взаимодействие качества жизни, благосостояния детей с занятостью родителей и государственной политикой, т. е. весь тот набор, который присутствует в мерах, принятых на основе серии президентских указов 2012–2018 гг. М. Арканжу и его соавторы определили, что *более щедрая* поддержка материнства и выплат пособий по воспитанию детей, уходу за ребенком и на учебу приводит к более эффективным результатам. Поэтому решение о передаче в регионы России права определения нуждающихся семей и выплаты им пособий должно сопровождаться, как минимум, 50%-ным софинансированием из федеральных источников, а регионам целесообразно иметь собственные бюджетные источники для подобных программ.

Во всех национальных проектах и составляющих их федеральных проектах огромное внимание уделяется проведению разъяснительной работы по телевидению, радио и в сети Интернет. Например, в федеральном проекте «Старшее поколение» предусматриваются в течение 2020–2024 гг. ежегодные демонстрации не менее 2,5 млн рекламных материалов для популяризации системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения. Например, в 2019 г. ставится задача обеспечить не менее 2,5 млн просмотров телевизионных и радиопрограмм, телевизионных документальных фильмов, интернет-сайтов, направленных на поддержку и повышение качества жизни граждан старшего поколения. Возникает вопрос: это вызвано особенностями России или ее пожилых граждан, которым надо разъяснять необ-

⁴⁰ В документах стоит задача снижения смертности населения трудоспособного возраста на 27,8%, не учитывая беспрецедентные различия в уровне смертности мужчин и женщин в этом возрасте, которые сохраняются несколько десятилетий и на которые самый известный в мире российский демограф Б. Ц. Урланис обращал внимание еще в 1974 г. [13, с. 79].

ходимость роста качества их жизни, а не направлять средства, выделенные на разъяснительную работу, напрямую на изменение самого качества жизни посредством повышения уровня пенсий? Полагаем, что подобные рекламные затраты в стране, имеющей далеко не лучшие показатели доли затрат на социальную защиту в ВВП, неуместны.

Представляется не совсем логичным включать в программы национальных проектов, касающихся «человеческого капитала», такие внешние к нему позиции, например увеличение экспорта медицинских услуг. Даже экспорт образовательных услуг был бы более логичен своим присутствием в проекте, так как любое принимающее иностранных студентов государство рассчитывает на то, что хотя бы часть из них останется работать или даже на жительство в стране обучения⁴¹.

⁴¹ Внешнеэкономическая политика России в условиях глобальных рисков. Монография. М.: КУРС; 2018:294–296.

Авторы национального проекта «Демография», вероятно, придерживаются точки зрения, согласно которой миграционные процессы находятся вне пространства его действия. Поэтому, в отличие от Концепции демографической политики Российской Федерации⁴², ни майский 2018 г. указ, ни паспорт национального проекта «Демография» не содержат задач в области миграции и не упоминают целей, поставленных в Концепции⁴³. Нам это представляется непоследовательной позицией, тем более что Концепция имеет больший срок действия, чем национальный проект, а роль внешней миграции в России всегда была значительной и останется таковой в обозримом будущем.

⁴² Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (ред. от 01.07.2014).

⁴³ Ежегодный миграционный прирост не менее 200 тыс. человек на втором этапе, который завершился в 2015 г., и 300 тыс. чел. на третьем этапе (2016–2025 гг.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Елизаров В. В. Демографическая и семейная политика в России. Демографическое развитие постсоветского пространства. М.: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; 2018:156–168.
2. Елизаров В. В., Архангельский В. Н., Джанаева Н. Г. Сравнительная оценка влияния мер помощи семьям с детьми на принятие решения о рождении ребенка в зависимости от уровня жизни / Семья в современном обществе. Т. 4 из книги «Демография. Социология. Экономика». М.: Экон-Информ; 2018: 21–32.
3. Архангельский В. Н., Иванова А. Е., Рыбаковский Л. Л. Результативность демографической политики России. М.: Экон-Информ; 2016. 307 с.
4. Андреев Е. М., Захаров С. В. Микроперепись-2015 ставит под сомнение результативность мер по стимулированию рождаемости. *Демоскоп Weekly*. 2017;711–712:1–25.
5. Захаров С. В. Скромные результаты пронаталистской политики на фоне долговременной эволюции рождаемости в России. Часть 1. *Демографическое обозрение*. 2016;3(3):6–38.
6. Ткаченко А. А. Демографическое возрождение или *desceptio visus*? *Власть*. 2018;26(1):47–58.
7. Ткаченко А. А. Государственная политика и национальный проект «Демография». *Народонаселение*. 2018;21(4):23–35. DOI: 10.26653/1561–7785–2018–21–4–03
8. Ткаченко А. А. Сколько живут в России? (демографическое эссе). *Власть*. 2013;21(11):34–39.
9. Arcanjo M., Bastos A., Nunes F., Passos J. Child poverty and the reform of family cash benefits. *The Journal of Socio-Economics*. 2013;43(April):11–23. DOI: doi.org/10.1016/j.socsec.2012.11.015
10. Исупова О. Г. Отношение к мерам стимулирования рождаемости по данным микропереписи 2015 г. *Демографическое обозрение*. 2018;5(3):25–56. DOI: doi.org/10.17323/demreview.v5i3.8134
11. Slack K. S., Kim B., Yang M.-Y., Berger L. M. The economic safety net for low-income families with children. *Children and Youth Services Review*. 2014;46(C):213–219.
12. Blank Rebecca M. Evaluating welfare reform in the United States. *Journal of Economic Literature*. 2002;40(4):1105–1166.
13. Ткаченко А. А. К 110-летию со дня рождения Б. Ц. Урланиса. *Вопросы статистики*. 2016;7:73–81.
14. Arcanjo M., Bastos A., Nunes F., Passos J. Child poverty and the reform of family cash benefits. *The Journal of Socio-Economics*. 2013;43:11–23. DOI: doi.org/10.1016/j.socsec.2012.11.015

REFERENCES

1. Elizarov V.V. Demographic and family policies in Russia. Demographic development of the post-Soviet space. Moscow: Lomonosov Moscow State University Press; 2018:156–168. (In Russ.).
2. Archangelskiy V.N., Elizarov V.V., Dzhanaeva N.G. Comparative evaluation of the influence of measures to help families with children on the adoption of the decision on the birth of a child as dependent on the level of life. Family in Modern Society. From: Series “Demography. Sociology. Economics”. Vol. 4 (1). Moscow: Econ-Inform; 2018. 261 p. (In Russ.).
3. Archangelskiy V.N., Ivanova A.E., Rybakovsky L.L. The effectiveness of the demographic policy of Russia. Moscow: Econ-Inform; 2016. 307 p. (In Russ.).
4. Andreev E., Zakharov S. 2015 Microcensus casts doubt on effectiveness of measures to stimulate fertility. *Demoskop Weekly*. 2017;711–712:1–25. (In Russ.).
5. Zakharov S. The modest results of the pronatalist policy against the background of long-term evolution of fertility in Russia. Part 1. *Demograficheskoe obozrenie = Demographic Review*. 2016;3(3):6–38. (In Russ.).
6. Tkachenko A.A. Demographic revival or deceptio visus? *Vlast*. 2018;26(1):47–58. (In Russ.).
7. Tkachenko A.A. State policy and national project demography. *Narodonaselenie = Population*. 2018;21(3):23–35. (In Russ.).
8. Tkachenko A.A. How many live in Russia? (demographic essay). *Vlast*, 2013;21(11):34–39. (In Russ.).
9. Arcanjo M., Bastos A., Nunes F., Passos J. Child poverty and the reform of family cash benefits. *The Journal of Socio-Economics*. April 2013;43:11–23. DOI: doi.org/10.1016/j.socec.2012.11.015
10. Isupova O.G. Attitudes to pronatalist policy measures according to the data of the 2015 micro-census. *Demograficheskoe obozrenie = Demographic Review*. 2018;5(3):25–56. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.17323/demreview.v5i3.8134
11. Slack K.S., Kim B., Yang M.-Y., Berger L.M. The economic safety net for low-income families with children. *Children and Youth Services Review*. 2014;46(C):213–219.
12. Blank Rebecca M. Evaluating welfare reform in the United States. *Journal of Economic Literature*. 2002;40(4):1105–1166.
13. Tkachenko A.A. On the 110th anniversary of the birth of Boris Ts. Uralnis. *Voprosy statistiki*. 2016;7:73–81. (In Russ.).
14. Arcanjo M., Bastos A., Nunes F., Passos J. Child poverty and the reform of family cash benefits. *The Journal of Socio-Economics*. 2013;43:11–23. DOI doi.org/10.1016/j.socec.2012.11.015

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Александрович Ткаченко — доктор экономических наук, зам. директора Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет, Москва, Россия
alaltkachenko@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Tkachenko Alexander A. — Dr. Sci. (Econ.), Dep. Dir., Institute for International Economic Relations Research, Financial University, Moscow, Russia
alaltkachenko@gmail.com

Статья поступила 01.02.2019; принята к публикации 02.04.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 01.02.2019; accepted for publication 02.04.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-19-30
УДК 614.2(045)
JEL I18, H51

Системный подход к достижению общенациональной цели по увеличению ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2024 году

Г.Э. Улумбекова^а, Н.Ф. Прохоренко^б, А.В. Калашникова^с, А.Б. Гинойн^д

^{а, б, с, д} Высшая школа организации и управления здравоохранением

^д Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0003-0986-6743>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-9636-6178>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-7519-7405>; ^д <https://orcid.org/0000-0003-4513-3635>

АННОТАЦИЯ

В статье определены условия, при реализации которых можно достичь национальной цели по увеличению ожидаемой продолжительности жизни населения Российской Федерации до 78 лет к 2024 г., поставленной в Указе Президента РФ от 07.05.2018 № 204. Проанализированы меры, предложенные в национальных проектах «Здравоохранение» и «Демография» и предложены дополнительные направления для действий с точки зрения улучшения здоровья населения. Показано, что вследствие недостаточных расходов государства на лекарства в амбулаторных условиях население Российской Федерации вынуждено нести в четыре раза большую финансовую нагрузку по расходам на них, чем государство. Выявлено, что для достижения ожидаемой продолжительности жизни 78 лет к 2024 г. при условиях, что прирост ВРП на душу населения страны в 2019 г. составит 1,7%, в 2020 г. – 3%, а за период 2021–2024 гг. – 4%, потребление крепких алкогольных напитков снизится на 45% в расчете на душу населения, госрасходы на здравоохранение на душу населения должны ежегодно расти на 15% в постоянных ценах. В национальном проекте «Здравоохранение» заложен темп прироста расходов на здравоохранение не более чем 10% в текущих ценах. В статье *сделан вывод*, что для достижения названной цели потребуются дополнительные увеличение государственных расходов на здравоохранение (в том числе в рамках национального проекта «Здравоохранение»). Эти средства необходимо также направить на расширение доступности лекарственных препаратов для населения в амбулаторных условиях, программы по снижению смертности от инфекционных болезней и увеличение оплаты труда медицинских работников первичного звена. В части реализации национального проекта «Демография» необходимо поставить к 2024 г. конкретные цели по снижению потребления алкоголя на 45% и сокращения доли курящих в два раза, а также предпринять дополнительные меры по реализации антиалкогольной и антитабачной политики, формированию у населения мотивации к здоровому образу жизни.

Ключевые слова: продолжительность жизни; национальный проект «Здравоохранение»; национальный проект «Демография»; детерминанты здоровья; ожидаемая продолжительность жизни

Для цитирования: Улумбекова Г.Э., Прохоренко Н.Ф., Калашникова А.В., Гинойн А.Б. Системный подход к достижению общенациональной цели по увеличению ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2024 году. *Экономика. Налоги. Право.* 2019;12(2):19-30. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-19-30

A System Approach to Achieving the National Goal of Increasing Life Expectancy to 78 years by 2024

G. E. Ulumbekova^а, N. F. Prokhorenko^б, A. V. Kalashnikova^с, A. B. Ghinoyan^д

^{а, б, с, д} Higher School of Health Care Organization and Management, Moscow, Russia

^д Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0003-0986-6743>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-9636-6178>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-7519-7405>; ^д <https://orcid.org/0000-0003-4513-3635>

ABSTRACT

The paper defines conditions to achieve the national goal of increasing the lifetime in the Russian Federation to 78 years by 2024 as set in Presidential Decree No. 204 of May 7, 2018. The measures proposed in the Healthcare and Demography national projects are analyzed and additional measures to improve public health are proposed. It is shown that because

of inadequate government expenditures on medicines for outpatients, the financial burden of their acquisition by people is four times as much compared to the government spending. It was revealed that to achieve life expectancy of 78 years by 2024, the public healthcare per capita expenditures should grow by 15% annually in constant prices, providing that the country's GRP per capita increases by 1.7% in 2019, by 3% in 2020 and by 4% in the period of 2021–2024, while the consumption of strong alcoholic beverages decreases by 45% per capita. In the Healthcare national project the healthcare expenditure growth rates are defined to be below 10% at current prices. The paper concludes that the achievement of this goal requires additional government expenditures (including those in the framework of the Healthcare national project). The funds should also be directed to expanding the availability of medicines for outpatients, programs for reducing mortality from infectious diseases, and increasing salaries of lower medical personnel. For the implementation of the Demography national project, particular targets should be set to reduce the alcohol consumption by 45% until 2024, with twofold reduction of the proportion of smokers, along with additional measures to implement the anti-alcohol and anti-tobacco policy and promote healthy living among the population.

Keywords: lifetime; Healthcare national project; Demography national project; health determinants; life expectancy

For citation: Ulumbekova G.E., Prokhorenko N.F., Kalashnikova A.V., Ghinoyan A.B. A system approach to achieving the national goal of increasing life expectancy to 78 years by 2024. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2019;12(2):19-30. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-19-30

ВВЕДЕНИЕ

В Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (далее — Указ № 204) поставлена общенациональная цель — увеличить ожидаемую продолжительность жизни (далее — ОПЖ) с нынешних 72,7 года до 78 лет к 2024 г. и для ее реализации сформировать национальные проекты. В Послании к Федеральному Собранию Российской Федерации 20 февраля 2019 г. еще раз подчеркнуто, что национальные проекты направлены на достижение нового качества жизни для всех поколений, сбережение народа и недопустимость отступления от намеченных рубежей. В части здравоохранения еще раз акцентировано внимание на необходимости повышения доступности первичного звена, в том числе ликвидации дефицита кадров, особенно в сельской местности, а также развитию медико-социальной помощи.

Следует отметить, что Правительству РФ за пять лет (2012–2017 гг.) удалось добиться роста ОПЖ на 2,5 года (с 70,2 до 72,7 лет) благодаря выполнению государственных программ «Развитие здравоохранения» и реализации мер по антиалкогольной и антиалкогольной политике. Это значимый результат, поскольку он достигнут в условиях, когда (за этот же период) государственные расходы на здравоохранение сократились на 18% в постоянных ценах (с 2,3 до 1,9 трлн руб.). Но, несмотря на все усилия государства по увеличению продолжительности жизни, общий коэффициент смертности (далее — ОКС) в последние пять лет стагнирует на уровне 13,0–13,1 случаев на 1 тыс. населения.

Поэтому в соответствии с Указом № 204 были разработаны национальные проекты, направленные на увеличение ОПЖ. На рис. 1 представлены 8 из 12 проектов, непосредственно влияющих на снижение смертности населения, основные из которых — «Здравоохранение» и «Демография».

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ОПЖ ПО ЧЕТЫРЕМ СЦЕНАРНЫМ УСЛОВИЯМ ДО 2024 Г.

По результатам ранее проведенного нами исследования с помощью эконометрического моделирования были определены главные факторы, влияющие на состояние здоровья населения, и дана количественная оценка воздействия этих факторов на ОПЖ при рождении [1]. Для получения более детализированных оценок некоторые исследователи использовали показатели частных и государственных расходов на здравоохранение [2] и на фармацевтические препараты по отдельности [3–6]. В ряде работ были включены переменные, описывающие как плотность населения [2, 7, 8], так и его возрастные характеристики [3, 9–11], чтобы охватить популяционные эффекты. В данной работе среди множества факторов демографического и социально-экономического характера, в том числе образа жизни населения, выбраны три главных фактора [валовой региональный продукт (далее — ВРП) на душу населения, подушевые государственные расходы на здравоохранение (далее — ГРЗ) и потребление

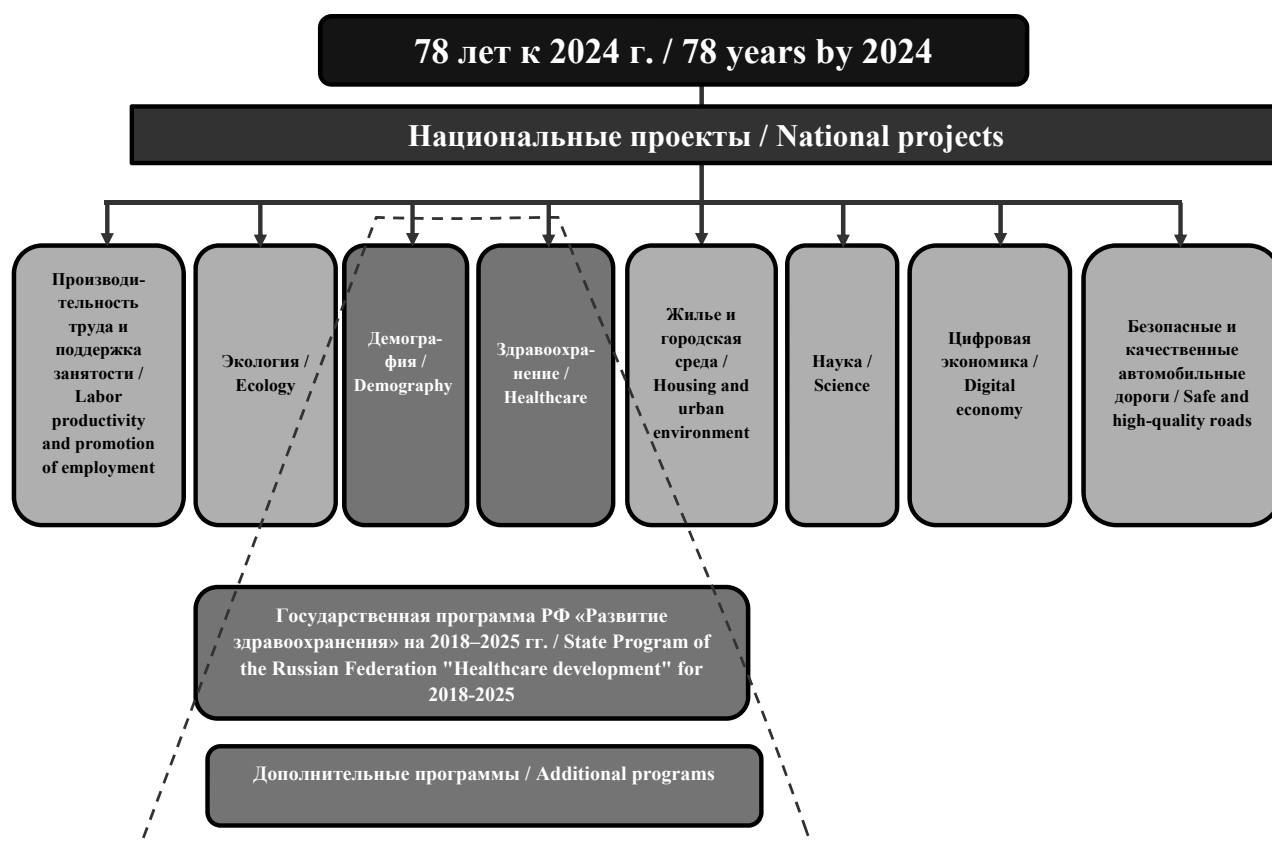

Рис. 1 / Fig. 1. Схема национальных проектов, направленных на достижение ОПЖ 78 лет / Scheme of National projects aimed for the achieving of the life expectancy 78 years

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

крепких алкогольных напитков на душу населения]¹ и построены прогнозы по различным сценариям. Уравнение регрессии, которое оценивало влияние выбранных нами независимых переменных на ОПЖ при рождении, имеет следующий вид:

$$\log(\text{ОПЖ})_{it} = \beta_0 + \beta_1 \log(\text{ВРП})_{it} + \beta_2 \log(\text{ГРЗ})_{it} + \beta_3 \log(\text{АЛК})_{it} + \mu_i + \varepsilon_{it},$$

где μ_i — фиксированный эффект конкретного региона; ε_{it} — остаточный член. Данные по ВРП на душу населения и потреблению крепких алкогольных напитков на душу населения² были взяты из баз данных Федеральной службы государственной ста-

тистики³, данные по государственным расходам на здравоохранение на душу населения — из информации Федерального казначейства⁴. Показатели ВРП на душу населения и государственных расходов на здравоохранение на душу населения были переведены в постоянные цены 2011 г. двумя способами: первый — с использованием индексов физического объема ВРП на душу населения, второй — с помощью дефлирования, используя для этого индексы потребительских цен на товары и услуги в субъектах Российской Федерации. Результаты оценки уравнения регрессии представлены в табл. 1.

³ Валовой региональный продукт на душу населения. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://fedstat.ru/indicator/42928>; Продажа алкогольных напитков в расчете на душу населения (в натуральном выражении). URL: <https://fedstat.ru/indicator/31432>.

⁴ Государственные расходы на здравоохранение включают расходы на здравоохранение консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации и территориальных государственных внебюджетных фондов. URL: <http://www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov>.

¹ В отличие от статьи [1], которая охватывала 2011–2014 гг. и 83 региона Российской Федерации, оценки данной работы охватывают период времени 2011–2016 гг. и 85 регионов (включая Республику Крым и г. Севастополь).

² Крепкие алкогольные напитки включают: водку; коньяки, коньячные напитки (в том числе бренди, кальвадосы) и ликеро-водочные изделия с содержанием этилового спирта свыше 25%.

Таблица 1 / Table 1

Количественная оценка влияния на ОПЖ при рождении основных факторов, воздействующих на состояние здоровья населения, 2011–2016 гг. / Quantitative assessment of main factors' affecting the health status of the population in the Russian Federation impact on life expectancy (LE) at birth, 2011–2016

Зависимая переменная / Dependent variable: ОПЖ при рождении / LE at birth	
Независимые переменные / independent variables	ОМНК (ФЭ) / GLS (FE)
Валовой региональный продукт на душу населения / Gross regional product per capita	0,051*** (0,005)
Госрасходы на здравоохранение на душу населения / Public health expenditure per capita	0,035*** (0,004)
Потребление крепких алкогольных напитков на душу населения / Strong-alcoholic beverages consumption per capita	-0,040*** (0,001)
Постоянная / Constant	2,521*** (0,106)
Коэффициент детерминации (R ²) / Determination coefficient	0,96
Число наблюдений / Number of observations	499

Примечание / Note. Устойчивые стандартные ошибки в скобках; *** – значим на уровне 1% / Standard errors in parentheses; *** – significant at the 1% level;

ОМНК (ФЭ) – обобщенный метод наименьших квадратов с фиксированными эффектами / GLS (FE) – Generalized least square with fixed effects.

Источник / Source: расчеты авторов / authors' calculations.

Как следует из табл. 1, коэффициенты эластичности всех независимых переменных являются статистически значимыми на 1%-ном уровне, а коэффициент детерминации равен 0,96 (96%), и это свидетельствует о том, что зависимая переменная (ОПЖ) довольно точно описывается построенной моделью.

Далее на основе полученных результатов были построены сценарные условия для прогнозирования ОПЖ при рождении в Российской Федерации до 2024 г. и определены условия, при реализации которых можно достичь целевого значения показателя ОПЖ – 78 лет к 2024 г. В качестве базовых условий для прогнозирования сделаны несколько предположений относительно развития будущих событий, связанных с независимыми переменными. Так, предположено, что темп прироста ВРП на душу населения в 2019 г. составит 1,7%, в 2020 г. – 3%, а за период 2021–2024 гг. – 4%, а также то, что значения потребления крепких алкогольных напитков на душу населения в субъектах Российской Федерации будут снижаться по функции экспоненциального роста (минимальный порог – 3,2 л), что соответствует снижению этого показателя для всей страны на 45%. Далее были построены четыре сценария в зависимости от изменения показателя объема государственных расходов на здравоохранение (далее – ГРЗ) на душу населения в период 2019–2024 гг. (рис. 2):

- ГРЗ остаются на уровне 2018 г.;
- ежегодный темп прироста ГРЗ – 5%;
- ежегодный темп прироста ГРЗ – 10%;
- ежегодный темп прироста ГРЗ – 15%.

Результаты расчетов по четырем сценарным условиям показывают (см. рис. 2), что в Российской Федерации для достижения ОПЖ при рождении, равной 78 годам к 2024 г., наряду с проведением целенаправленной политики, направленной на снижение потребления крепких алкогольных напитков (принятию других мер по формированию у населения здорового образа жизни), необходимо ежегодно увеличивать государственные расходы на здравоохранение на душу населения примерно на 15% (в постоянных ценах). При этом принципиально важно, чтобы средства, направленные на охрану здоровья, были потрачены на приоритетные меры, доказавшие свою эффективность.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ЗДРАВООХРАНЕНИЕ»

Национальный проект «Здравоохранение» включает восемь взаимосвязанных федеральных проектов – три клинических и пять организационных.

Клинические федеральные проекты:

– «Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи» (далее – ПМСП) –

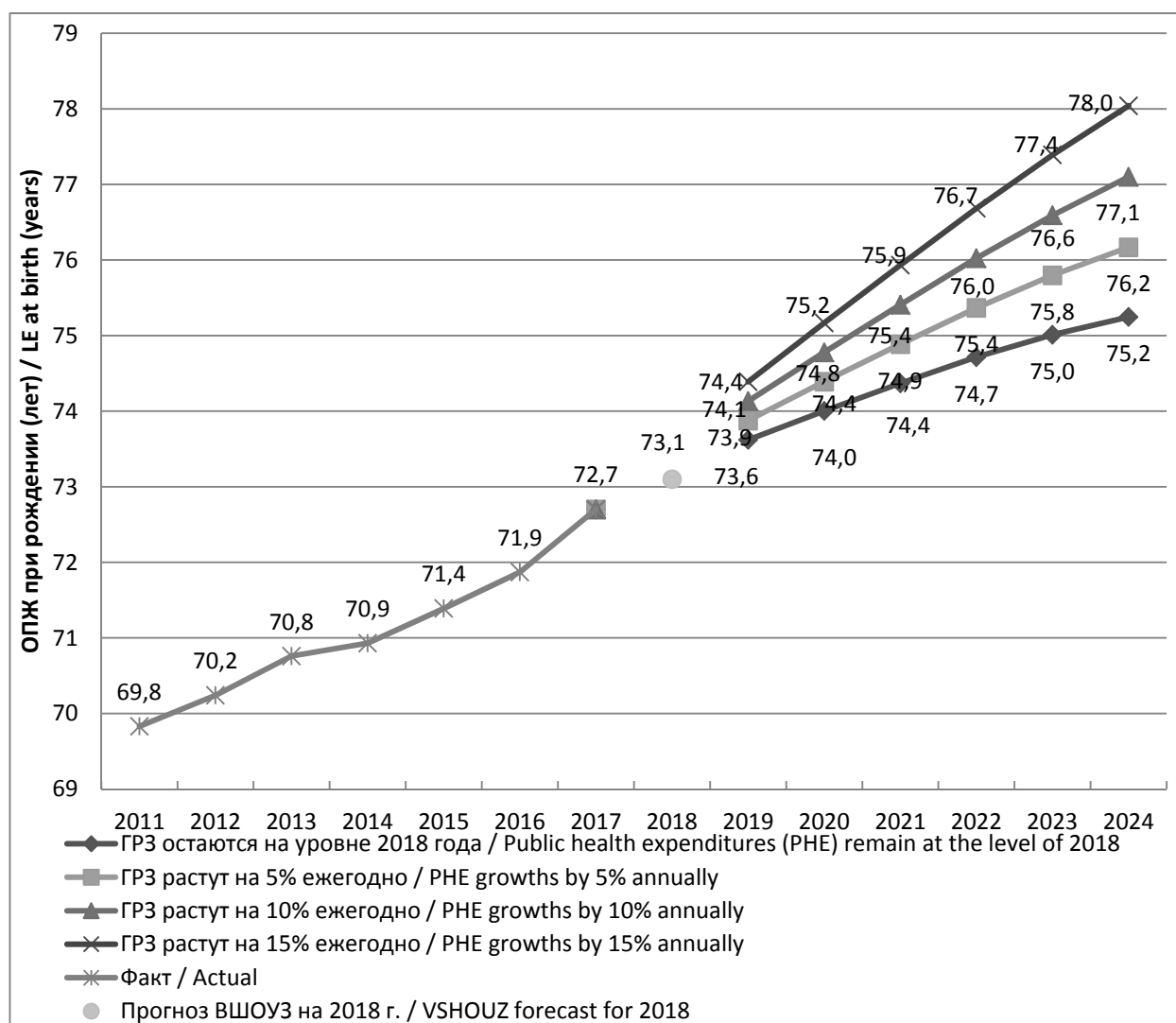

Рис. 2 / Fig. 2. Динамика ОПЖ и его прогнозные значения по четырем сценарным условиям до 2024 г. / The dynamic of LE and its predicted values according to four scenario conditions until 2024

Источник / Source: Федеральная служба государственной статистики и расчеты авторов / Russian Federal State Statistics Service and authors' calculations.

обеспечение инфраструктуры (сети) медицинских организаций ПМСП и организационных процессов в них («бережливая поликлиника»), диспетчеризация скорой помощи, увеличение числа выездов скорой помощи;

— «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями» — профилактика развития сердечно-сосудистых заболеваний, оснащение сосудистых центров и первичных сосудистых отделений;

— «Борьба с онкологическими заболеваниями» — организация тотальной онкологической настороженности, создание центров амбулаторной онкологической помощи.

Организационные федеральные проекты:

— «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям» — развитие профилактического направления в педиатрии, улучшение материально-технической базы детских поликлиник, повышение квалификации кадров;

— «Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами» — устранение дефицита медицинских работников первичного звена, повышение профессионального уровня специалистов в отрасли;

— «Завершение формирования сети Национальных медицинских исследовательских центров (далее — НМИЦ), внедрение инновационных медицинских технологий, включая систему ранней диагностики и дистанционный мониторинг состояния здоровья пациентов, внедрение клинических рекомендаций и протоколов лечения» — внедрение клинических рекомендаций и системы контроля качества медицинской помощи, методическое управление качеством оказания медицинской помощи в субъектах Российской Федерации;

— «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы здравоохранения» — внедрение МИС во всех медицинских организациях, организация централизованных сервисов, организация телемедицинских консультаций;

— «Развитие экспорта медицинских услуг».

В национальном проекте «Здравоохранение» также предусматривается решение актуальных задач по улучшению организационных процессов — завершение организации диспетчеризации службы скорой помощи, внедрение системы научной организации труда в поликлиниках («бережливая поликлиника»), информатизация медицинских организаций и осуществление обмена данными между ними на основе Единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (далее — ЕГИСЗ). Решение задачи по улучшению лечебных процессов планируется осуществлять путем внедрения клинических рекомендаций (протоколов) и организации системы НМО (непрерывного медицинского образования).

Общее финансовое обеспечение проекта за шесть лет составит 1,73 трлн руб., из них 79% — за счет средств федерального бюджета (рис. 3).

В среднем увеличение расходов на национальный проект «Здравоохранение» ежегодно составит около 290 млрд руб. в текущих ценах⁵. Это около 9% к объемам государственного финансирования здравоохранения в 2018 г. (3315 млрд руб.). Причем эти 290 млрд руб. ежегодно будут подвергаться инфляции в среднем на 4% (согласно прогнозам Минэкономразвития России). Это означает, что предусмотренное увеличение расходов на здравоохранение ниже, чем получено в вышеприведенных сценарных расчетах, где показано, что для достижения ОПЖ 78 лет к 2024 г. потребуется увеличение государственных расходов

на здравоохранение не менее чем на 15% ежегодно в постоянных ценах.

Более того, как следует из рис. 3, большая часть средств (64%), предусмотренных в национальном проекте «Здравоохранение», пойдет на увеличение расходов по программе «Борьба с онкологическими заболеваниями». Увеличение расходов по этой статье — важнейшее направление действий, однако расходы по таким программам, как борьба с болезнями системы кровообращения и развитие детского здравоохранения, также требуют дополнительных финансовых средств, особенно в части обеспечения населения бесплатными лекарствами в амбулаторных условиях.

Следует отметить, что в Российской Федерации расходы государства на лекарственное обеспечение населения в амбулаторных условиях недостаточны — они в 2,8 раза ниже в расчете на душу населения, чем в странах ЕС, близких к России по уровню экономического развития⁶. Вместе с тем на опыте развитых стран доказано, что значительный эффект в продлении ОПЖ был достигнут за счет внедрения системы всеобщего лекарственного обеспечения, которая позволила сделать современные лекарства доступными для всех граждан в амбулаторных условиях [12–14]. Вследствие недостаточных расходов государства на лекарства в амбулаторных условиях население Российской Федерации вынуждено нести в четыре раза большую финансовую нагрузку по расходам на них, чем государство. Так, в России расходы населения на лекарства в амбулаторных условиях составляют 81%, а расходы государства — только 19%. В странах ЕС расходы населения на лекарства в амбулаторных условиях составляют 62%, а государства — 38%. Доля населения среди опрошенных ВЦИОМ, которые не смогли купить необходимое лекарство из-за высокой цены⁷, с 2013 по 2017 г. увеличилась на 20% (с 39 до 47%)⁸.

Что же касается решения проблемы первичного медицинского звена, то главная задача состоит в сокращении дефицита медицинских кадров. Сегодня дефицит врачей участковой службы (врачей-терапевтов участковых, врачей-педиатров участковых и врачей

⁶ Имеются в виду «новые» восемь стран ЕС: Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения, Чехия и Эстония.

⁷ Формулировка вопроса: «Сталкивались ли вы за последние полгода со следующими ситуациями или нет: не смог купить необходимое лекарство из-за высокой цены?». Данные по ответам «часто сталкивался» и «сталкивался 1–2 раза».

⁸ Сайт ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1008&q_id=69311&date=01.02.2015; https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1161&q_id=77912&date=22.02.2017.

⁵ 1,73 трлн руб. на 6 лет = 290 млрд руб. в год.

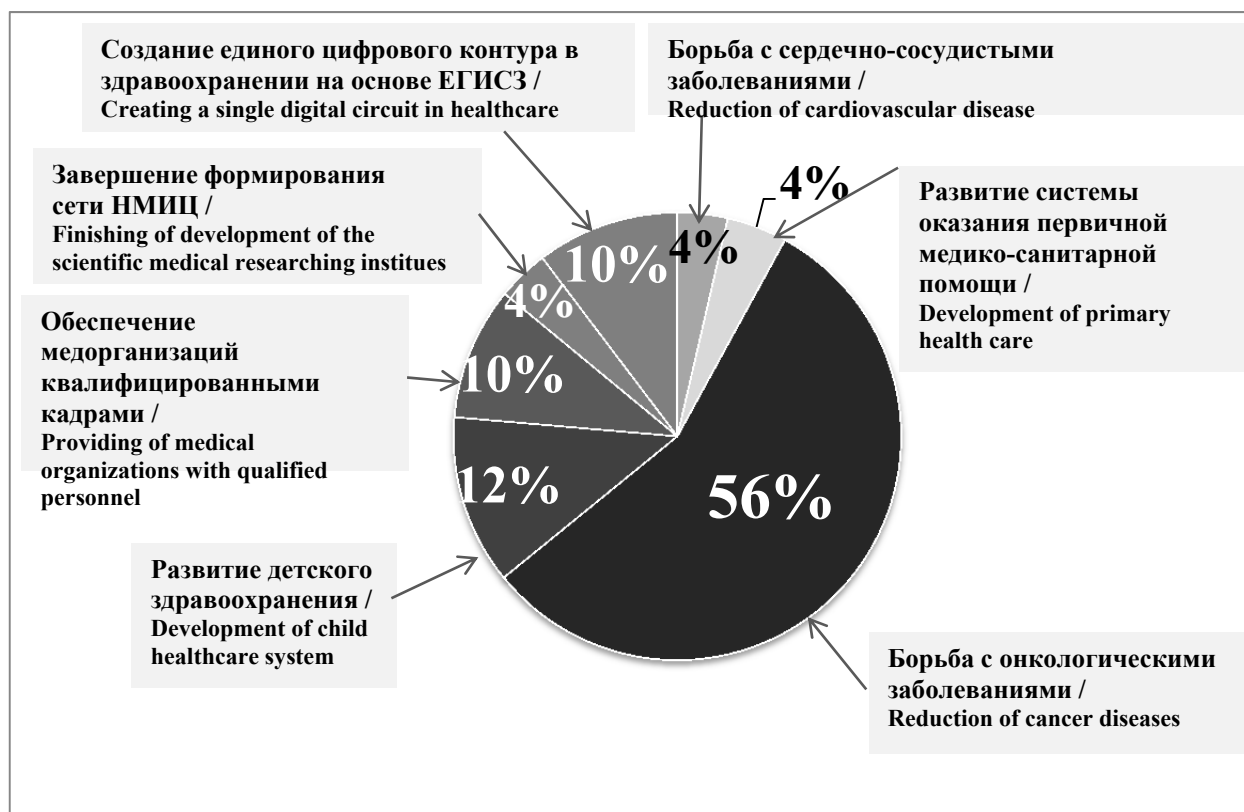

Рис. 3 / Fig. 3. Структура финансового обеспечения национального проекта «Здравоохранение» на 2019–2024 гг. за счет всех источников / Financing structure of the National project “Healthcare system” during the years 2019–2024 by all providers

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

общей практики — ВОП) составляет 41 тыс. человек, или 58% от их необходимого числа. Дефицит посчитан как разница между установленным нормативом и физическим числом врачей, при условии, что врачи не совмещают должности. Общий дефицит участковых медсестер, работающих с врачами участковой службы, составляет 64 тыс. (76%). Дефицит фельдшеров составляет 19,5 тыс. чел. (87%). Подробные расчеты дефицита кадров представлены в работе [15]. Как следствие, все эти медицинские работники перегружены работой и не могут эффективно выполнять трудовые функции и своевременно повышать квалификацию, что в конечном счете отрицательно сказывается на качестве их работы.

В национальном проекте «Здравоохранение» предусмотрены меры по увеличению численности медицинских работников первичного звена. По данным ФОМС (октябрь 2018 г.), дополнительные расходы на увеличение их численности в 2019 г. составят 12,3 млрд руб., в 2020 г. — 34,7 млрд руб., в 2021 г. — 50,4 млрд руб., т.е. всего около 100 млрд руб. за три

года. За счет этих средств за данный период планируется дополнительно принять на работу 21,4 тыс. врачей, 40,2 тыс. средних медицинских работников⁹. По нашим расчетам, потребуются не только выделение дополнительного фонда оплаты труда для увеличения численности медицинских работников первичного звена, но и дополнительные средства на его повышение для имеющих и вновь привлеченных работников. Всего за шесть лет на эти цели необходимо будет направить около 1,5 трлн руб.

Серьезную озабоченность вызывает рост смертности от инфекционных болезней в Российской Федерации — на 10% в период 2012–2017 гг. Хотя смертность от инфекционных болезней составляет всего 2% в структуре всех смертей, основное их бремя приходится на трудоспособный возраст — 83% (29,1 из 35 тыс. умерших от инфекционных болезней). При

⁹ Сайт «Медицинской газеты». URL: <http://www.mgzt.ru/content/kadrovyi-defitsit-vrachei-v-pervichnom-zvене-budet-likvidirovan-k-2021-godu>; пояснительная записка к проекту бюджета ФОМС на 2019–2021 гг. (октябрь 2018 г.).

этом большинство этих смертей может быть предотвращено методами медицинской профилактики и лечения. Сложившаяся ситуация требует формирования специальной программы и включения ее с 2019 г. в национальный проект «Здравоохранение».

Таким образом, анализ текущего состояния дел показывает, что для обеспечения прорыва в достижении ОПЖ 78 лет к 2024 г. дополнительно к мерам, предусмотренным в национальном проекте «Здравоохранение», потребуются дополнительные государственные средства (рост на 15% ежегодно), которые необходимо направить на расширение доступности лекарств для населения в амбулаторных условиях, реализацию программ по снижению смертности и заболеваемости от инфекционных болезней и увеличение оплаты труда медицинских работников первичного звена.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ДЕМОГРАФИЯ»

Национальный проект «Демография» включает следующие федеральные проекты: «Старшее поколение» (разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения), «Финансовая поддержка семей при рождении детей», «Содействие занятости женщин — создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет», «Укрепление общественного здоровья» (формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни), «Спорт — норма жизни» (создание для всех категорий и групп населения условий для занятия физкультурой и спортом).

Общее финансирование национального проекта «Демография» на 2019–2024 гг. из всех бюджетных источников составляет 3,1 трлн руб. за шесть лет. Из них средства федерального бюджета составляют 96%. Непосредственное влияние на увеличение ожидаемой продолжительности жизни будут оказывать следующие проекты: «Старшее поколение», «Укрепление общественного здоровья» и «Спорт — норма жизни».

Следует отметить, что оценить количественное влияние факторов риска в рамках национального проекта «Демография» можно лишь при проведении международных масштабных эпидемиологических исследований, таких как исследование глобального бремени болезней, травм и факторов риска¹⁰. Конкретные мероприятия по противодействию

факторам риска на индивидуальном и популяционном уровнях с целевыми показателями и их научным обоснованием наиболее системно изложены в Европейских рекомендациях по профилактике сердечно-сосудистых заболеваний в клинической практике (пересмотр 2016 г.)¹¹. Необходимость следования этим мерам в Российской Федерации уже давно предусмотрена в стратегиях и концепциях развития. Так, благодаря реализации антитабачного законодательства (Федеральный закон от 23.02.2013 № 15-ФЗ) распространенность потребления табака среди взрослого населения с 2012 по 2017 г. снизилась на 16% (до 29%)¹², а проведение антиалкогольной политики (распоряжение Правительства РФ от 30.12.2009 № 2128-р) привело к уменьшению потребления алкоголя с 2010 по 2017 г. почти на 30% (до 12,2 л чистого спирта на гражданина старше 15 лет в год).

Однако сегодня потребление алкоголя в Российской Федерации (литры чистого спирта на душу населения старше 15 лет) на 26% выше, чем в «старых» странах ЕС, и в 1,4 раза больше, чем в США. Доля ежедневно курящего населения старше 15 лет в Российской Федерации выше по сравнению со странами ЕС и в 2,7 раза больше, чем в США.

В этой связи пристального внимания заслуживают условия, которые необходимо обеспечить для выполнения поставленных задач.

Выделим наиболее важные из них:

1) *постановка целей*. К сожалению, среди целей национального проекта «Демография» и соответствующих федеральных проектов не выделены конкретные целевые значения показателей по снижению распространенности табакокурения и потребления алкоголя. Так, по нашим расчетам, для достижения

¹¹ 2016 European Guidelines on cardiovascular disease prevention in clinical practice: The Sixth Joint Task Force of the European Society of Cardiology and Other Societies on Cardiovascular Disease Prevention in Clinical Practice (constituted by representatives of 10 societies and by invited experts) Developed with the special contribution of the European Association for Cardiovascular Prevention & Rehabilitation (EACPR). *European Heart Journal*. 2016;37:2315–2381. DOI: 10.1093/eurheartj/ehw106

¹² Доклад министра здравоохранения В. И. Скворцовой на коллегии Минздрава России «Об итогах работы министерства в 2017 году и задачах на 2018 год» с приложениями. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/open/kollegiya-ministerstva-zdravoohraneniya-rossiyskoy-federatsii/materialy-kollegii-ministerstva-zdravoohraneniya-rossiyskoy-federatsii/kollegiya-ministerstva-zdravoohraneniya-rossiyskoy-federatsii-ob-itogah-raboty-ministerstva-v-2017-godu-i-zadachah-na-2018-god>.

¹⁰ Сайт Healthdata. URL: <http://www.healthdata.org/gbd> (Global Burden of Disease Study).

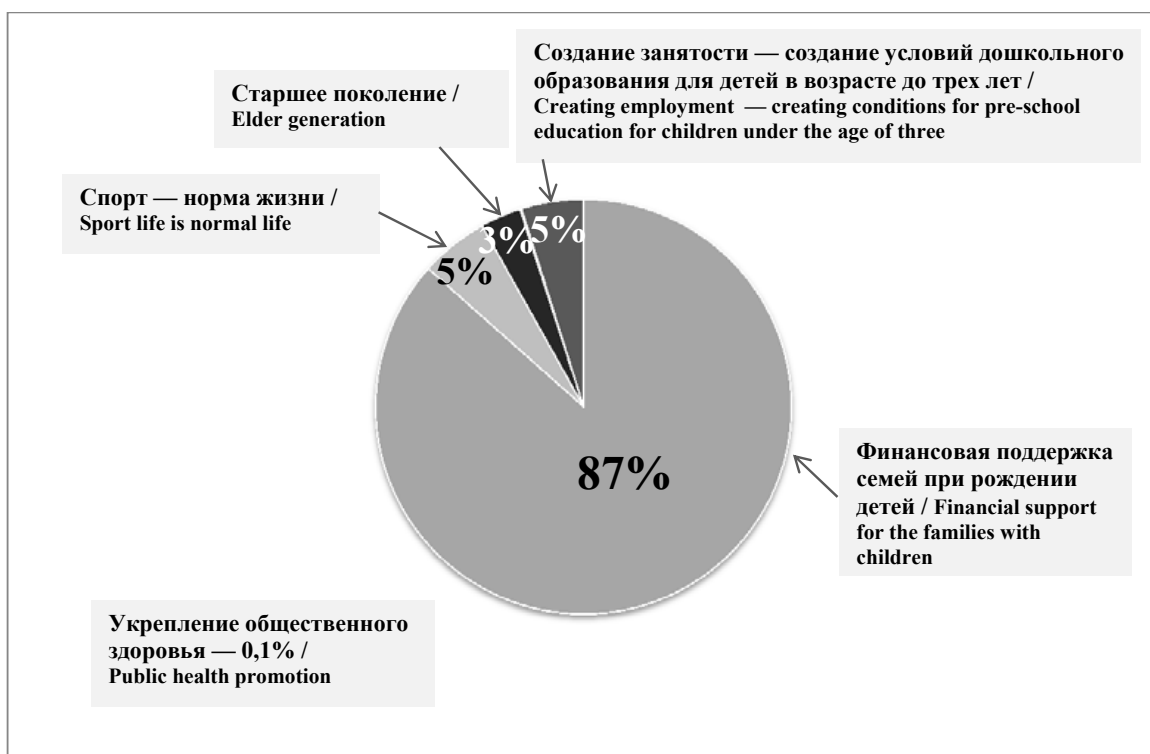

Рис. 4 / Fig. 4. Структура финансирования национального проекта «Демография» на 2019–2024 гг. за счет всех источников / Financing structure of the National project “Demography” during the years 2019–2024 by all providers

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

к 2024 г. ОПЖ 78 лет потребуется сократить потребление алкоголя как минимум на 45%, а доля курящего взрослого населения должна уменьшиться в два раза;

2) *информирование*. Показателями выполнения данной задачи должны стать:

- осведомленность населения, сотрудников подразделений первичной медико-санитарной помощи медицинских организаций, социальных служб, а также исполнительной и законодательной власти. При этом оцениваться она должна только по полноте и корректности представлений о факторах риска и доказанных способах уменьшения их негативного влияния;

- отсутствие «мифов» безвредности потребления алкогольной и табачной продукции (например, пользы небольших доз алкоголя, безвредности тонирующих слабоалкогольных напитков, суррогатов табака, безвредности «пассивного» табакокурения и других по мере их появления в медийном пространстве) без адресного аргументированного и активного информационного противодействия;

- проведение информационных кампаний по наиболее эффективным коммуникационным ре-

сурсам (онлайн: телевидение, социальные сети, тематические сайты, мессенджеры, популярные мобильные приложения; оффлайн: брендрование городского транспорта, городские видеоэкраны, билборды), интенсивных (частых и многообразных):

- мотивирующих приверженность к здоровому образу жизни;

- создающих четко сформированное чувство ответственности за свое здоровье и за здоровье своих близких;

- однозначно связывающих успешность в жизни со здоровьем;

- осуждающих неграмотность в этой сфере, причем доказательных в отношении очевидных и неотвратимых негативных последствий при невыполнении рекомендаций;

- создающих отрицательный имидж лиц, следующих вредным привычкам;

3) *принятие меры по ограничению потребления алкогольной и табачной продукции*:

- должно оказываться активное и результативное информационное противодействие лоббизму и всем

другим формам реализации заинтересованности бенефициаров оборота алкогольной и табачной продукции всех уровней, противоречащим действиям и интересам общественного здравоохранения;

- ценовая политика сферы оборота алкогольной и табачной продукции должна оказывать активное управляющее воздействие, содействуя отказу населения от алкогольной и табачной продукции (постоянный рост акцизов, косвенных налогов и сборов всех звеньев цикла оборота алкогольной и табачной продукции, ее продвижения — динамика совокупной ценовой нагрузки, выраженной в динамике розничных цен, не менее 30% в год с доведением доли акцизов в цене конечной продукции не менее 70%);

- законодательные запреты в отношении пунктов реализации алкогольной и табачной продукции:

- на размещение в жилых домах и «спальных» районах (для этого необходима дефиниция «спального» района);

- на совместную реализацию с другими товарами (специализированная торговая точка с отдельным помещением, оборудованным средствами видеорегистрации и звукозаписи у кассовых аппаратов с удаленным доступом служб контроля и надзора за выполнением требований отпуска алкогольной продукции);

- на деятельность торговых точек с круглосуточной продажей пива и пивных напитков, рюмочных и им подобных;

- на реализацию в дни национальных праздников и событий детской и социальной тематики (например, 1 сентября, «последний» звонок, день семьи, день детей), а также в последующем в выходные дни один раз в месяц; последовательное ограничение реализации в другие дни до временного интервала с 14:00 до 17:00;

- на приобретение алкогольной и табачной продукции до 21 года;

4) *обеспечение условий занятия повседневной физической активностью.* Для этого необходимо:

- внедрить в информационную среду расширенное толкование физической активности, подразумевающее под этим термином не только физкультуру и спорт, но и ходьбу, работу по дому, в саду, на огороде, плавание, езду на велосипеде, самокате, активные игры, т.е. все формы периодической социально-позитивной активности, требующие повышенной

траты энергии по сравнению с обычным состоянием покоя;

- расширить требования к рекреационным нормативам градостроения и внегородского зонирования, строительства и создания соответствующей инфраструктуры с обязательным наличием:

- протяженных и непрерывных зеленых зон (необходима их дефиниция) с пешеходными и велосипедными дорожками, искусственными водными объектами, соединяющими жилые районы, микрорайоны, пригородные зоны, культурно-развлекательные и торгово-промышленные объекты друг с другом и другими объектами инфраструктуры повышенного спроса населения;

- достаточного количества и качества дворовых тренажеров (необходима их дефиниция) и плоскостных спортивно-физкультурных сооружений (площадки, секторы, локальные зоны) с информацией об их размещении, правилах использования, рекомендуемых комплексах упражнений, технике безопасности и контактных данных ответственных за техническое состояние и эксплуатацию объекта;

5) *обеспечение здорового питания.* Необходимо:

- добиваться единообразия универсальных рекомендаций по употреблению нежелательных (подлежащих ограничению легкоусвояемых углеводов, насыщенных жирных кислот, трансненасыщенных жирных кислот, поваренной соли) и рекомендуемых (не менее норматива — пищевые волокна, овощи, фрукты, рыба, несоленые орехи) компонентов пищи;

- внедрить обязательную систему яркой фронтальной маркировки продуктов питания по относительному содержанию нежелательных и рекомендуемых компонентов пищевых продуктов (условным уровням вреда/пользы для организма) и калорийности;

- разработать меры по повышению ответственности недобросовестных производителей и поставщиков продуктов питания, а также сотрудников контролирующих органов, пропустивших нарушения.

Только этими последовательными системными мерами без исключений и отказа от уже принятых и реализованных в Российской Федерации мер можно обеспечить требуемый эффект по повышению ОПЖ и увеличению здоровых лет жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Улумбекова Г.Э., Гинойн А.Б., Чабан Е.А. Количественный анализ факторов, влияющих на состояние здоровья населения в Российской Федерации. *Медицинское образование и профессиональное развитие.* 2016;(2):107–120.

- Ulumbekova G.E., Ginoyan A.B., Chaban E.A. Quantitative analysis of the factors influencing the state of health of the population in the Russian Federation. *Meditsinskoe obrazovanie i professional'noe razvitie = Medical education and professional development*. 2016;(2):107–120. (In Russ.).
2. Crémieux P.Y., Mieilleur M.C., Ouellette P., Petit P., Zelder P., Potvin K. Public and private pharmaceutical spending as determinants of health outcomes in Canada. *Health Econ*. 2005;14:107–116.
 3. Babazono A., Hillman A.L. A comparison of international health outcomes and health care spending. *Int J Technol Assess Health Care*. 1994;10:376–381.
 4. Lichtenberg F. Sources of U.S. longevity increase, 1960–1997. National Bureau of Economic Research, working paper 8755, Cambridge, MA.
 5. Miller R.D., Frech H.E. The productivity of health care and pharmaceuticals: quality of life, cause of death, and the role of obesity. Mimeo, University of California at Santa Barbara. 2002.
 6. Shaw J.W., Horrace W.C., Vogel R.J. The productivity of pharmaceuticals in improving health: an analysis of the OECD health data. WUSTL economics working paper archive, HEW series0206001, University Library of Munich, Germany, revised 11 May 2003.
 7. Cochrane A.L., St Ledger A.S., Moore F. Health service 'input' and mortality 'output' in developed countries. *J Epidemiol Community Health*. 1978;32:200–205.
 8. Crémieux P.Y., Ouellette P., Pilon C. Health care spending as determinants of health outcomes. *Health Econ*. 1999;8:627–639.
 9. Hitiris T., Possnett J. The determinants and effects of health expenditure in developed countries. *J Health Econ*. 1992;6:173–181.
 10. Leu R.E. The public-private mix and international health care costs. In: Culyer A.J., Jönsson B., eds. *Public and private health services*. Blackwell Basil: Oxford; 1986:41–63.
 11. Wolfe B.L., Gabay M. Health status and medical expenditures: more evidence of a link. *Sot. Sci. Med*. 1987;25(8):883–888.
 12. Kesselheim A.S., Huybrechts K.F., Ranabhat CL., Atkinson J., Prescription drug insurance coverage and patient health outcomes: a systematic review. *Am J. Public Health*. 2015;105(2):17–30. DOI: 10.2105/AJPH.2014.302240
 13. Park M.B., Kim C.B. and Jakovljevic M. The Influence of universal health coverage on life expectancy at birth (LEAB) and healthy life expectancy (HALE): A multi-country cross-sectional study. *Frontiers in Pharmacology*. 2018;9:960. DOI: 10.3389/fphar.2018.00960
 14. Michael T.E., Christopher L.C. How patient cost-sharing trends affect adherence and outcomes: A literature review. *Pharmacy and Therapeutics*. 2012;37(1):45–55.
 15. Улумбекова Г.Э., Калашникова А.В. Концепция федерального проекта «Обеспечение шаговой доступности медицинской помощи». *ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ*. 2018;3(13):21–40.
- Ulumbekova G.E., Kalashnikova A.V. The concept of the federal project «Increasing the accessibility of nearby medical care». *ORGZDRAV: novosti, mneniya, obuchenie. Vestnik VShOUZ = Healthcare management: news, views, education. Bulletin of VSHOUZ*. 2018;3(13):21–40. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гузель Эрнстовна Улумбекова — доктор медицинских наук, диплом МВА Гарвардского университета (Бостон, США), руководитель Высшей школы организации и управления здравоохранением, председатель правления Ассоциации медицинских обществ по качеству медицинской помощи и медицинского образования, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения, экономики здравоохранения педиатрического факультета Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова, Москва, Россия
vshouz@vshouz.ru

Николай Федорович Прохоренко — кандидат экономических наук, первый проректор Высшей школы организации и управления здравоохранением, сомодератор направления «Демография» и эксперт центрального штаба Общероссийского народного фронта, Москва, Россия
medsovet@lenta.ru

Аргисhti Багратович Гинойн — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет; ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по анализу деятельности системы здравоохранения, Высшая школа организации и управления здравоохранением, Москва, Россия
agrio1q89@hotmail.com

Александра Владимировна Калашникова — научный сотрудник Научно-исследовательского центра по анализу деятельности системы здравоохранения, Высшая школа организации и управления здравоохранением, Москва, Россия
divine8585@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Ulumbekova Guzel E. — Dr. Sci. (Medicine), MBA from Harvard University (Boston, USA), Head of the Graduate School of Healthcare Organization and Management (VSHOUZ), Chairman of the Board of the Association of Medical Societies for Quality (ASMOK), Assoc. Prof. at the Public Health and Healthcare, Healthcare Economics Department at the Pediatric Faculty, the Pirogov Russian National Research Medical University under the Russian Ministry of Healthcare, Moscow, Russia
vshouz@vshouz.ru

Prokhorenko Nikolay F. — Cand. Sci. (Econ.), First Vice-Rector of the Higher School of Healthcare Organization and Management, Co-moderator of the Demography project and Expert of the Central Staff of the All-Russian Popular Front, Moscow, Russia
medsovet@lenta.ru

Ghinoyan Argishti B. — Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, the Institute for International Economic Relations Research, Financial University; Leading Researcher at the Research Center for Health System Analysis of the Graduate School of Healthcare Organization and Management, Moscow, Russia
agrio1q89@hotmail.com

Kalashnikova Alexandra V. — Researcher at the Research Center for Health System Analysis of the Graduate School of Healthcare Organization and Management (VSHOUZ), Moscow, Russia
divine8585@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Улумбекова Г.Э. — научное руководство исследованием; подразделы статьи «Введение» и «Национальный проект „Здравоохранение“».

Прохоренко Н.Ф. — подраздел статьи «Национальный проект „Демография“».

Гинойн А.Б. — подраздел статьи «Факторы, влияющие на состояние здоровья населения Российской Федерации и прогнозирование ОПЖ по четырем сценарным условиям до 2024 г.».

Калашникова А.В. — сбор и обобщение статистических материалов; интерпретация полученных результатов.

Author contribution statement:

Ulumbekova G.E. — scientific research management; sections “Introduction” and “Healthcare National Project” of the paper.

Prokhorenko N.F. — section “Demography National Project”.

Ghinoyan A.B. — section “Factors Influencing the Health Status of the Russian Population and Four Scenario Forecasting of Life Expectancy until 2024”

Kalashnikova A.V. — collection and synthesis of statistical data; interpretation of the results.

Статья поступила 22.01.2019; принята к публикации 27.03.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 22.01.2019; accepted for publication 27.03.2019.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-31-39

УДК 314.1(045)

JEL H56, J11, J13, R23

Влияние демографической политики на обеспечение экономической безопасности России

В.Н. Миронова

Финансовый университет,

Москва, Россия

<http://orcid.org/0000-0003-4054-2739>

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – демографические процессы, отражающиеся в динамике численности населения, показателях рождаемости, смертности, состоянии миграции в целях компенсации естественной убыли населения. *Цели работы* – установление основных угроз экономической безопасности государства вследствие несвоевременного решения демографических проблем и предложение мер, направленных на преодоление негативных трендов.

Исследование проводилось на основании рассмотрения демографических процессов в России и ряде других стран, что позволило убедиться в том, что наша страна в целом находится в русле изменений, проходящих в развитых экономиках. Однако существуют определенные отклонения по ряду показателей, что свидетельствует о демографическом кризисе, который не преодолен и, скорее всего, будет усугубляться. Исследование позволило установить, что демографическая ситуация в России обострялась, постепенно перемежаясь с короткими периодами улучшения демографических показателей. Определено, что государственная демографическая политика является важнейшим механизмом, с помощью которого представляется возможным преодолеть демографический кризис при соблюдении прочих условий. В развитие этого положения рассмотрена Концепция демографической политики согласно майскому 2018 г. указу Президента Российской Федерации. Отмечено, что на основе политических решений разрабатываются инструменты, способные смягчить наметившиеся угрозы национальной экономической безопасности.

Сделаны выводы о том, что многочисленные меры, периодически принимаемые государством, значительные финансовые вливания для поддержки рождаемости и преодоления высокого уровня смертности необходимы и важны. Этот вывод дополняется мнением о том, что современные демографические проблемы невозможно решить только посредством финансовой поддержки недостаточно обеспеченных в материальном плане семей и требуется продуманный системный подход. Фрагментарные меры по улучшению демографической ситуации в стране могут дать некоторый временный позитивный эффект, но не в состоянии кардинально изменить ситуацию.

Ключевые слова: экономическая безопасность; угрозы; демографическая политика; демографический кризис; рост населения; уровень рождаемости; уровень смертности; миграция; уровень жизни

Для цитирования: Миронова В.Н. Влияние демографической политики на обеспечение экономической безопасности России. *Экономика. Налоги. Право.* 2019;12(2):31-39. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-31-39

The Impact of the Demographic Policy on the Economic Security of Russia

V.N. Mironova

Financial University,

Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0003-4054-2739>

ABSTRACT

The subject of the research is demographic processes reflected in the population dynamics and fertility and mortality indices as well as the state of migration that might compensate for the natural population decline. *The purposes of the research* were to reveal the main threats to the economic security of the country due to ill-timed resolution of demographic problems and propose measures to overcome the negative trends.

The research was based on studying the demographic processes in Russia and a number of other countries to make sure the country is in the mainstream of the changes taking place in developed economies. However, there are certain deviations in a number of indices demonstrating a demographic crisis that has not been overcome and tends to aggravate. The research makes it clear that the demographic situation in Russia has been gradually deteriorating alternating with short periods of improvement of demographic indicators. It has been established that the state demographic policy is the most important mechanism to combat the demographic crisis, providing other relevant conditions are observed. In furtherance of the above-mentioned, the Concept of the Demographic Policy developed under the Presidential Decree of May 2018 was examined. It is noted that based on political decisions, tools are being developed to mitigate the emerging threats to the national economic security.

It is concluded that the importance of numerous measures taken periodically by the government including substantial financial injections to support fertility and overcome high mortality rates cannot be overestimated. Along with that, current demographic problems cannot be solved only by financial support of low-income families, hence a well-thought-out system approach is required. Fragmentary measures to improve the demographic situation in the country can yield a temporary positive effect but are unable to change the situation totally.

Keywords: economic security; threats; demographic policy; demographic crisis; population growth; fertility rate; mortality rate; migration; living standard

For citation: Mironova V.N. The impact of demographic policy on the economic security of Russia. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2019;12(2):31-39. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-31-39

ВВЕДЕНИЕ

Теоретически обосновано и практически подтверждено, что процесс воспроизводства населения в глобальном масштабе проходит четыре этапа. Для первого этапа демографического развития характерны одинаково высокие коэффициенты рождаемости и смертности и, как следствие, незначительный рост численности населения, очень низкая средняя продолжительность жизни. Второй этап характеризуется снижением коэффициента смертности при сохраняющемся высоком коэффициенте рождаемости. Феномен стремительно увеличивающихся темпов роста численности населения получил образное название «демографический взрыв». На третьем этапе коэффициент смертности стабилизируется на низком уровне, но несколько снижается коэффициент рождаемости: рост населения замедляется (например, в США и Франции). На четвертом этапе снижаются и стабилизируются как смертность, так и рождаемость, заметно увеличивается средняя продолжительность жизни людей.

В рамках отдельной страны демографические перемены традиционно связывают с социальными и экономическими условиями жизни населения, на основе изучения которых даются рекомендации по проведению той или иной демографической политики государства. Для развитых стран характерны падение уровня рождаемости, снижение уровня смертности, увеличение продолжительности жизни и рост стареющего населения. Невозможность обеспечения должного воспроизводства населения

обуславливает необходимость замещения экономически активной его части и в ближайшей перспективе отразится на показателях социально-экономического развития.

В это же время продолжается рост и омоложение населения в других частях света (в Сомали медианный возраст составляет около 16 лет, Нигерии — 17 лет, Сирии — 20 лет), что вряд ли можно объяснить эффективной государственной экономической и социальной политикой и улучшением качества жизни людей.

Разная демографическая ситуация в развитых и развивающихся странах не имеет, как представлялось раньше, детерминированного линейного характера и не объясняется исключительно простыми причинно-следственными связями.

Динамику темпов роста населения все чаще обосновывают сменой ценностных ориентиров, появлением новых и более сложных представлений о потребностях. Стремление к высокому уровню жизненных стандартов не всегда возможно реализовать, и разрыв между притязаниями и возможностями увеличивается, что особенно характерно для современной молодежи вне зависимости от места ее постоянного проживания.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В российской научной литературе имеются больше 20 трактовок понятия «экономическая безопасность». Наиболее часто приводится определение академика Л.И. Абалкина, сделавшего акцент

на «совокупности условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и самосовершенствованию, реализацию национальных интересов, противостояние внутренним и внешним угрозам» [1].

Академик В. К. Сенчагов отмечал, что экономическая безопасность — «это не только защищенность национальных интересов, но и готовность и способность институтов власти создавать механизмы реализации и защиты национальных интересов, развития отечественной экономики, поддержания социально-политической стабильности общества» [2].

В одной из недавних публикаций С. Ю. Глазьев высказал мнение о том, что условием выживания России является создание современной системы управления, без которой безопасность национальной экономики не может быть гарантирована [3].

В западных исследованиях также отсутствует единый подход к определению понятия «экономическая безопасность». Разброс мнений варьируется от отрицания правомерности существования этого понятия до проблематичности его определения в силу разных подходов к анализу явлений и значительного влияния конъюнктурных факторов [4].

Подробный анализ содержания экономической безопасности не является предметом рассмотрения данной статьи. Для подтверждения многообразия оценок данного понятия целесообразно суммировать трактовки данного понятия, которые наиболее часто используются. Исследователи, отмечая разные и важные аспекты функционирования национальной экономики, сводят их к сущности определения экономической безопасности. Выделяются в качестве обоснования экономической безопасности суверенитет государства; обеспечение национальных интересов; защищенность от внутренних и внешних угроз; экономическая независимость; устойчивость национальной экономики и ее социально-экономическое развитие; институциональные аспекты, понимаемые как способность государственных институтов защитить экономику; фактор конкурентоспособности национальной экономики; взаимосвязь и взаимообусловленность микро-, мезо- и макроуровня экономики с учетом их особенностей с точки зрения восприятия экономической безопасности субъектами хозяйственной деятельности.

Таким образом, экономическая безопасность трактуется многосторонне, и внимание ученых акцентируется на исследовании понятий, которые находятся в разной плоскости анализа и не всегда взаимообусловлены, что служит «свидетельством сложности и динамичности исследуемого феномена в пространственно-временном, структурно-уровневом и функциональном аспектах» [5].

Множество разноплановых и разноуровневых характеристик создает в целом положительное восприятие понятия «экономическая безопасность», но при этом отсутствует его внятная общепринятая дефиниция. Трактовки понятия «экономическая безопасность» отражают скорее некие целевые ориентиры и установки, достижение и поддержание которых создает предпосылки и условия для безопасного функционирования экономики, чем раскрывают сущность самого определения.

Прежде всего следует отметить, что экономическая безопасность является абстрактной экономической категорией, которая выражает существенные свойства, связанные с действием законов, на основе которых устанавливаются отношения между различными членами общества, группами, социальными слоями, субъектами хозяйственной деятельности, предметами и явлениями действительности. Реализация этой категории предполагает прохождение определенной дистанции, включающей ряд промежуточных этапов.

В то же время экономическая безопасность представляет собой единое целевое понятие, состоящее из многочисленных, соответствующих образом структурированных элементов, связей, институциональных факторов. Это не статичное образование, находящееся в вакуумной среде, а динамичная, эволюционирующая система под влиянием комплекса условий и обстоятельств.

Коль скоро речь идет именно об экономической безопасности, представляется, что она основывается на процессе расширенного воспроизводства, который развивается согласно законами производства, распределения, обмена и потребления. Система воспроизводства на уровне национальной экономики постоянно совершенствуется, охватывая и вовлекая новые составляющие, усиливая их взаимодействие и взаимодополняемость. Внутренние и внешние факторы, события могут генерировать угрозы, препятствующие экономическому росту и развитию.

Процесс расширенного воспроизводства материальных благ осуществляется на основе эффективного распределения и использования производственных, финансово-хозяйственных, научно-технологических, природных, информационных, человеческих ресурсов и институциональных и прочих факторов. При этом производство и распределение являются основными условиями поступательного развития, в котором человеческий потенциал играет решающую роль, как бы ни были совершенны средства производства. В результате человеческий капитал, сопряженный с социальной политикой, превратился в важнейший производственный фактор, определяющий уровень и качество развития экономики.

Примером тому является Япония, которая входит в пятерку стран по внедрению промышленных роботов. Одобрен пятый базовый научно-технический план развития Японии (*The Fifth Science and Technology Basic Plan*). Одним из ключевых положений этого плана является необходимость развития человеческого капитала как самого важного стратегического ресурса и создания сверхинтеллектуального общества (*Super Smart Society 5.0*)¹.

РЕШЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В РОССИИ

Демографическая ситуация в России обсуждается сегодня на разных политических и экспертных уровнях. Ученые приходят к выводу, что показатели рождаемости, смертности, миграционные потоки, которые влияют на динамику роста населения, его трудоспособность, приобрели отрицательные тренды.

Население России увеличивается или уменьшается неодинаково в разные периоды времени. Уменьшение количества населения происходит практически постоянно начиная с 1992 г., слабо перемежаясь с некоторыми позитивными изменениями. В период 1995–2015 гг. численность населения сократилась на 5 млн человек, а в 2000 г. его убыль составила 1 млн человек, что стало поистине катастрофическим событием².

¹ Report on The 5th Science and Technology Basic Plan Council for Science, Technology and Innovation Cabinet Office, Government of Japan December 18, 2015. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeikaku/5basicplan_en.pdf (дата обращения: 13.01.2019).

² Сайт Правительства РФ. URL: <http://www.government.ru/info/271581> (дата обращения: 15.01.2019).

Согласно данным ООН с 1992 г. потери населения еще более значимы и составили 12 млн человек, компенсируя 3,5 млн человек за счет притока мигрантов³.

Однако в 2013–2015 гг. наблюдался небольшой естественный прирост с последующим снижением роста населения, который в 2016 г. составил 2,3%. В 2017 г. россиян стало меньше на 134,4 тыс. человек⁴.

Одним из основных показателей демографической ситуации является суммарный коэффициент рождаемости (далее — СКР). По данным Росстата СКР упал на 8% в 2017 г. по сравнению с предыдущим годом и сейчас составляет 1,62 ребенка на одну женщину. Это означает, что 100 матерей рожают в среднем 162 ребенка. Для воспроизводства населения СКР должен быть не меньше 2,1. Это означает, что одна женщина должна рожать больше двух детей, чтобы не вызывать снижения численности населения страны.

В соответствии с информацией Росстата в 2017 г. родилось на 203 тыс. меньше младенцев, чем годом ранее, и этот тренд характерен для всех регионов страны, за исключением Чечни. Количество родившихся детей в январе–мае 2018 г. сократилось на 28,1% по сравнению с аналогичным периодом 2017 г.⁵

Низкий уровень рождаемости сочетается с достаточно высокой смертностью населения, которая рассматривается как главный демографический и гуманитарный вызов. Согласно данным Росстата естественная убыль за январь–май 2018 г. составила 147,2 тыс. человек, что свидетельствует об ухудшении ситуации по сравнению с аналогичным периодом 2017 г. (111, 8 тыс.).

Эксперты Всемирного банка в ходе всестороннего анализа ситуации пришли к выводу, что падение роста населения характерно как для богатых регионов России, так и бедных [6].

Продолжительность жизни у мужчин на 13 лет, а у женщин на 7 лет меньше относительно показателей европейских стран. По уровню смертности Россия отстает от развитых стран на 27%,

³ Demographic policy in Russia: from reflection to action. URL: <http://www.unrussia.ru/en/un-in-russia/new> (дата обращения: 17.01.2019).

⁴ Обзор мирового населения. URL: <http://www.worldpopulationreview.com/countries/russ> (дата обращения: 13.01.2019).

⁵ Сайт Росстата. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 21.01.2019).

а по показателю ожидаемой продолжительности жизни — в среднем на 7–10 лет⁶. Согласно данным Международной организации здравоохранения Россия занимает в международном рейтинге 125-е место по смертности мужчин и 85-е место по смертности женщин [7].

В соответствии с демографическим прогнозом Росстата естественная убыль населения будет нарастать и с 2025 г. будет превышать ежегодно 400 тыс. человек⁷.

Данная негативная ситуация усугубляется тем, что не удастся обеспечить расширенное воспроизводство населения, как это еще недавно было возможным в отдельные периоды времени, когда миграционный прирост компенсировал более половины естественной убыли населения России [8].

Сегодня миграция, вызванная переездом на постоянное место жительства в Россию, все в меньшей степени восполняет естественную убыль населения. Количество приезжающих мигрантов снижается. В 2017 г. в Россию прибыли 212 тыс. мигрантов против 262 тыс. в 2016 г. и 246 тыс. в 2015 г.⁸

За первые три квартала 2018 г. миграционный прирост населения России снизился по отношению к соответствующему периоду прошлого года на 66,3 тыс. человек, или на 42,5%. Это произошло в результате небольшого снижения числа прибывших в Россию мигрантов и существенного на 22% роста числа выбывших. Число выбытий из России во II и III кварталах 2018 г. было самым значительным за все текущее десятилетие⁹.

Сокращается количество мигрантов из Украины и стран Центральной Азии. Для формирования положительного эффекта прироста населения количество мигрантов, проживающих в России, должно вырасти почти в три раза [9].

Таким образом, демографическое положение России характеризуется следующими опасными для национальной экономики вызовами, которые уже переросли в угрозы экономической безопасности:

⁶ Сайт Правительства РФ. URL: <http://www.government.ru/info/271581> (дата обращения: 17.01.2019).

⁷ Сайт РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/29/01/2018/5a6ef6f59a7947507175ce75> (дата обращения: 25.01.2019).

⁸ Сайт «Экономика». URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/97987> (дата обращения: 21.01.2019).

⁹ Миграционный прирост в РФ — самые низкие показатели за постсоветский период 03.01.2019. URL: <https://www.finam.ru/analysis/forecasts/migracionnyiy-prirost-v-rf-samyie-nizkie-pokazateli-za-postsovetskiiy-period-20190103-152152/> (дата обращения: 27.01.2019).

1) устойчивое сокращение численности населения. На протяжении нескольких десятилетий уровень рождаемости в России не может обеспечить простое воспроизводство населения;

2) уровень смертности превышает рождаемость;

3) сохранение текущих репродукционных трендов (низкая рождаемость и высокая смертность) приведет к значительному падению количества населения. По итогам 2017 г. абсолютная рождаемость в России стала наименьшей за десять лет. Страна вошла в фазу убыли населения, которая достигла 134 тыс., став наихудшей с 2012 г.;

4) депопуляция сопровождается процессом старения населения, что ведет к сокращению работоспособного населения почти на 1 млн человек ежегодно. Эта приводит к ограничению роста производительности труда, снижению уровня инновационной активности, замедлению темпов распространения технологий, повышению возраста выхода на пенсию.

Сложно назвать сферу жизнедеятельности общества, которая находилась бы вне влияния демографии. Экономический рост, инвестиции, потребление, рынок рабочей силы, налоги, система здравоохранения и образования, место и роль страны в мировой экономике, ее конкурентоспособность зависят от состояния демографии и условий формирования и качества трудовых ресурсов.

Согласно расчетам Всемирного банка старение населения затормозит потенциал роста экономики России на ближайшие 15 лет до 1,3%. Политика повышения занятости молодых и пожилых людей способна увеличить этот потенциал в 1,5 раза — до 1,9%. Реформы по решению демографических проблем повлияют на долгосрочный рост ВВП больше, чем рост цены нефти до 120 долл./барр. [10].

Международные организации делают прогнозы относительно численности населения России на ближайшую перспективу. В целом они негативны. Так, по расчетам одного из крупнейших в мире образовательных центров население России уменьшится до 111 млн человек к 2050 г., что означает потерю более 30 млн человек [11].

Пожалуй, ни одна страна в мире не переживала за последние десятилетия таких глубоких потрясений, как Россия. Вторая мировая война сопровождалась колоссальными людскими потерями, которые по цепочке демографических изменений распространились и на последующие годы. Распад СССР в 1990-е гг. привел к появлению «демографической ямы» как

следствие падения уровня жизни, моральных и психологических шоков. Финансово-экономический кризис 1998 г., влияние мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., санкционная политика западных стран с 2014 г. и ее последствия ухудшили социально-экономическое положение страны.

Однако эти события, как бы они ни были значимы, не являются единственной причиной усугубления демографического положения России. Воздействие внешних факторов, на которые достаточно сложно влиять, усиливается в условиях проведения слабой экономической политики.

Не так давно меры демографической политики рассматривались исключительно через призму обременения государства ростом социальных расходов. Сегодня кризисная ситуация вынудила пересмотреть роль демографии и оценить ее как один из элементов сложной системы устойчивого развития экономики и показатель политической зрелости государства.

Государственные органы власти, социальные институты призваны осуществлять регулирование процесса естественного воспроизводства населения, его численности, рождаемости, смертности, внутренней и внешней миграции, контролировать изменения структуры и качественных показателей населения.

В настоящее время проводится политика, направленная на решение демографических проблем, основные положения которой сформулированы в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 09.10.2007 № 1351. В ней обозначены основные цели демографической политики до 2025 г., которые включают обеспечение стабильной численности населения к 2015 г. на уровне 142–143 млн человек; создание условий для роста населения к 2025 г. до 145 млн человек; улучшение качества и продолжительности жизни людей.

Концепция демографической политики России сформирована исходя из следующих принципов:

- комплексность, рассчитанная на охват всех направлений демографического развития (рождаемость, смертность и миграция) с учетом их взаимосвязи;
- оперативное реагирование на демографические тенденции;
- учет региональных нюансов и разграниченный подход к разработке и реализации необходимых региональных демографических программ;

- согласование органами государственной власти, институтами гражданского общества;
- координированные действия законодательных и исполнительных органов государственной власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

В соответствии с вышеуказанной Концепцией реализация демографической политики осуществляется в три этапа: первый — 2007–2010 гг., второй — 2011–2015 гг. и третий — 2016–2025 гг.

Второй этап демографической политики был нацелен на стабилизацию численности населения на уровне 142–143 млн человек, увеличение продолжительности жизни до 70 лет, повышение в 1,3 раза по сравнению с 2006 г. суммарного коэффициента рождаемости и на треть (примерно на 33,3%) снижение уровня смертности населения.

Эти показатели в целом достигнуты и свидетельствуют о положительном тренде. Некоторые успехи в системе здравоохранения, реализация программы по стимулированию рождения в семьях второго и последующего ребенка повлияли на демографические показатели.

План по воплощению концепции в реальность на 2016–2020 гг. включает проведение 50 мероприятий, направленных на снижение смертности путем повышения качества и доступности медицинской помощи, пропаганды здорового образа жизни, повышения безопасности на производствах, предоставления льгот и выгодных условий семьям с детьми, развития дошкольного образования и т.д.

Вместе с тем демографическая ситуация, сложившаяся в регионах России, весьма неоднозначна.

Серьезную угрозу экономической безопасности представляет отток населения из некоторых приграничных районов и прежде всего дальневосточных на территорию внутренних субъектов России [12].

По мнению экспертов, геополитические риски, связанные с оттоком населения из регионов Дальнего Востока и высоким уровнем смертности в этом регионе по сравнению с общероссийскими показателями, не могут быть устранены даже при достижении целевых показателей, предусмотренных в вышеуказанной Концепции. Поэтому потребовалась разработка специальной Концепции демографической политики для Дальнего Востока до 2030 г.

Национальные проекты имеют статус федеральных программ. На их основе регионы разработают

собственные программы, учитывая целевые показатели. Особое внимание в рамках намечаемых проектов предполагается уделять показателю смертности населения и соответственно показателю продолжительности жизни.

На заседании Координационного совета по реализации национальной стратегии действий в интересах детей в ноябре 2017 г. В.В. Путин выделил шесть основных мер в качестве «перезагрузки» демографической политики¹⁰.

Прежде всего предусматривается:

- предоставление ежемесячной денежной выплаты при рождении первого ребенка и до полутора лет, исчисляемой из размера прожиточного минимума ребенка в субъекте Российской Федерации. В среднем она составит в 2019 г. 10 836 руб.;

- продление программы материнского капитала до 31 декабря 2021 г.;

- расширение числа регионов, которые получают софинансирование из федерального бюджета на выплату пособия на третьего ребенка. Эти пособия уже выплачиваются с 2013 г. и право на них имеют дети до трех лет;

- решение жилищного вопроса посредством запуска специальной программы ипотечного кредитования. Покупая жилье или рефинансируя ранее полученные ипотечные кредиты, семьи могут рассчитывать на субсидирование государством процентной ставки сверх 6% годовых.

- ликвидация очередей в ясли для детей от двух месяцев до трех лет;

- повышение качества медицинского обслуживания и расширение его доступа.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» Правительство РФ должно обеспечить достижение целей, связанных с демографической тематикой¹¹:

а) обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации;

б) повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 г. — до 80 лет);

¹⁰ Сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56228> (дата обращения: 27.01.2019).

¹¹ Сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56228> (дата обращения: 27.01.2019).

в) обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также увеличение уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции;

г) снижение в два раза уровня бедности в Российской Федерации;

д) улучшение жилищных условий не менее 5 млн семей ежегодно.

Правительство РФ также наметило четыре национальных проекта осуществления разных программ, на которые, по предварительным расчетам, планируется выделить 6,6 трлн руб. Наибольшую часть этой суммы в 3,8 трлн руб. предложено использовать на решение демографических проблем.

Если рассуждать об эффективности предлагаемых мер государственной политики, то, по мнению некоторых исследователей, наиболее полезными и важными являются жилищные субсидии на льготных условиях и материнский капитал [13].

Принимаемые меры сами по себе обоснованы и необходимы. Однако некоторые из них, по нашему мнению, вызывают сомнения. Например, одним из критериев помощи является ее адресность, которая учитывает только низкие доходы семьи. Поддержка семей по такому принципу распространяется на малообеспеченные слои населения и вряд ли принесет положительный эффект в целом. Еще один ребенок увеличивает риск для семьи оказаться в бедности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исправление демографической ситуации связано с решением многих комплексных проблем и является сложной задачей. Государственная политика по стимулированию рождаемости посредством инвестирования в создание приемлемых материальных условий воспитания детей должна учитывать другие процессы в обществе.

Рост демографических проблем обусловлен политической ситуацией, социально-экономическим положением, экологическими и климатическими условиями жизни, которые пока не улучшаются [14].

Значительное влияние на демографическую ситуацию в стране оказывают изменения в общественном сознании людей, связанные с менталитетом, культурой, психологией, системой передачи знаний, поведенческими приоритетами различных социальных групп населения. В России, так же как во многих других странах, демографический спад вызван моральным кризисом в современном обществе, уменьшением значения духовных и нравственных ценностей в пользу созда-

ния комфорта, свободного времяпровождения. Люди стали по-новому планировать свою жизнь, в которой все меньшее место занимают дети.

Нельзя не согласиться с тем, что эффективность демографической политики предполагает укрепление института семьи по всем направлениям жизнедеятельности [15].

Периодически озвучиваются разные подходы и предложения к улучшению сложившегося положения. Одной из возможностей может быть введение принципа социального нормирования, который предполагает обеспечение детей в нуждающихся семьях продовольствием, одеждой, медициной, образованием.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абалкин Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение. *Вопросы экономики*. 1994;(12):4–13.
2. Сенчагов В. К. Новые угрозы экономической безопасности и защита национальных интересов России. *Проблемы теории и практики управления*. 2013;(10):8–18.
3. Глазьев С. Последняя мировая война. США начинают и проигрывают. М.: Книжный мир; 2016:417–423.
4. Andruseac G. Economic security-new approaches in the context of globalization. CES Working Papers. 2014;7(2):332–340.
5. Игонина Л. Л. Экономическая безопасность России в системе макроэкономических инвестиционных критериев. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2013;9(2):49–57.
6. Matytsia M. L. From demographic dividend to demographic burden? Regional trends of the population ageing in Russia Policy. Research working papers. 2015;23(1). URL: <http://www.worldbank.org> (дата обращения: 13.01.2019).
7. Russia life expectancy health profile: Russia. *World health Organization, World Health Ranking*. 2016. URL: <http://www.worldlifeexpectancy.com> (дата обращения: 15.01.2019).
8. Бугольцева А. В., Швек Л. Р. Современное состояние и дальнейшее прогнозирование демографической ситуации в России. *Электронный вестник Ростовского социально-экономического института*. 2016;(2):415.
9. Aleksachenko S. The Russia economy in 2050: heading for labour based stagnation. 2015. URL: <http://www.brookings.edu> (дата обращения: 15.01.2019).
10. Кувшинова О. Старение населения снижает рост экономик и уровня жизни. URL: <https://www.vedomosti.ru/archive/2016/10/23> (дата обращения: 23.01.2019).
11. Rosenberg M. Population decline in Russia 2019. URL: <http://www.thoughtco.com> (дата обращения: 21.01.2019).
12. Харламов С., Неспелов П. Основы демографической политики Российской Федерации. *Вестник Московского университета МВД России*. 2012;(8):29–32.
13. Курдова М. А. Современная демографическая политика в России и пути ее решения. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2018;(2):51–55.
14. Сергушенко Р. Демографические проблемы в контексте национальной безопасности России. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*. 2015;(2):268.
15. Кунилова Е., Тен Е., Савинова А. Вопросы демографической политики России и пути их решения. *Международный научный журнал Инновационная наука*. 2015;(6):100–102.

REFERENCES

1. Abalkin L. Economic security of Russia: threats and their reflection. *Voprosy Ekonomiki*. 1994;(12):4–13. (In Russ.).
2. Senchagov V. New threats to economic security and the protection of national interest of Russia. *Problemi teorii i praktiki upravleniya = The problems of theory and practice of governance* 2013;(10):8–18. (In Russ.).
3. Glaziev S. The last war. The United States begin and loose. Moscow: Knijni mir; 2016:417–423. (In Russ.).
4. Andruseac G. Economic security-new approaches in the context of globalization. CES Working Papers. 2014;7(2):332–340.

5. Igonina L. Economic security of Russia in the system of macroeconomic investment criteria. *Nazionzlnie interesi: prioriteti i bezopasnost. = National Interest: priority and security*. 2013;9(2):49–57. (In Russ.).
6. Matytsia M. L. From demographic dividend to demographic burden? Regional trends of the population ageing in Russia policy. Research working papers. 2015;23(1). URL: <http://www.worldbank.org> (accessed 13.01.2019).
7. Russia life expectancy health profile: Russia. world health organization, world health ranking. 2016. URL: <http://www.worldlifeexpectancy.com> (accessed 15.01.2019).
8. Bugoltzeva A., Schvek L. Modern condition and future forecast of demographic situation in Russia. *Elektroni vestnik of Rostov Sozialno ekonomicheski institut = Electronic publication of Rostov social and economic institute* 2016;(2):415 (accessed 17.01.2019). (In Russ.).
9. Aleksachenko S. The Russia economy in 2050: heading for labour based stagnation. 2015. URL: <http://www.brookings.edu> (accessed 15.01.2019).
10. Kuvshinova O. Ageing population decreases economic growth and the level of wellbeing. URL: <https://www.vedomosti.ru/archive/2016/10/23> (accessed 23.01.2019). (In Russ.).
11. Rosenberg M. Population decline in Russia. 2019. URL: <http://www.thoughtco.com> (accessed 21.01.2019).
12. Kharlamov S., Nespelov P. The basis of demographic policy of the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo Universiteta MVD Rossia = Publication of Moscow University of MIA*. 2012;(8):29–32.). URL: <http://www.cyberleninca> (accessed 25.01.2019). (In Russ.).
13. Kurdova M. Modern demographic policy in Russia and the ways of its realization. *Economica I biznes: teoria I practica = Economy and business*. 2018;(2):51–55. URL: <http://www.cyberleninca> (accessed 25.01.2019). (In Russ.).
14. Sergushenko R. Demographic problems in the context of national security of Russia. *Gosudarstvenoe i municipalnoe governance = State and municipal governance* 2015;(2):268. URL: <http://www.cyberleninca> (accessed 27.01.2019). (In Russ.).
15. Kunilova E. Ten E. Savinova A. Issues of demographic policy in Russia and its realization. *Mejdunarodni nauchni jurnal Inovazionaya nauka = International scientific journal Innovative science*. 2015;(6):100–102. URL: <http://www.cyberleninca> (accessed 29.01.2019). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Валентина Николаевна Миронова — кандидат экономических наук, доцент Департамента мировой экономики и мировых финансов,
Финансовый университет, Москва, Россия
v-mironova@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Mironova Valentina N. — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., the World Economy and World Finance Department,
Financial University, Moscow, Russia
v-mironova@yandex.ru

Статья поступила 20.01.2019; принята к публикации 25.03.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 20.01.2019; accepted for publication 25.03.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-40-48

УДК 304.4(045)

JEL I32, I30, P46, J30

Социология бедности и социологическая оценка программы по снижению уровня бедности

А. Я. Большунов^а, А. Г. Тюриков^б,

Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0003-0358-1608>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-8388-9543>

АННОТАЦИЯ

Официально черта бедности в России привязана к прожиточному минимуму, но с точки зрения социологии такая привязка является произвольной. *Предмет исследования* – социальные границы, социальное пространство бедности. *Цель работы* – формулировка основ подхода к преодолению бедности как социального феномена. В статье предпринимается попытка показать, как очерчено социальное пространство бедности, являющейся знаком (стигмой), которым человек помещается в специфическое пространство отчуждения, формирующее специфический этос бедности и габитус бедняка, препятствующие осуществлению любых попыток выбраться из этого состояния. Принадлежность к данному пространству конституирует бедных как «вид людей», что находит отражение в специфических механизмах референции и самореференции бедности, выражающихся в дефицитах смысла жизни. «Борьба с бедностью» предполагает создание институтов участия, которыми отношения и процессы социальной дифференциации, социального участия и референции выводятся из-под диктата экономических факторов.

Делаются выводы, что программа борьбы с бедностью должна быть построена с учетом социальной лимологии бедности и включать развитие практик и институтов участия, исключающих стигматизацию бедности и превращение бедных в «вид людей». Такие институты должны предоставить бедным широкие возможности для участия в формировании элит (профессиональных, интеллектуальных, политических). Особенно важно, чтобы к таким практикам и институтам имели доступ дети, подростки и молодежь, потому что каждым поколением осуществляется производство и воспроизводство «социальной топологии», в которой бедность образует специфическое «пространство отчуждения».

Ключевые слова: бедность; лимология бедности; стигма бедности; бедные как «вид людей» (*kinds of people*); социальная дифференциация; референция и самореференция бедности; этос и габитус бедности

Для цитирования: Большунов А.Я., Тюриков А.Г. Социология бедности и социологическая оценка программы по снижению уровня бедности. *Экономика. Налоги. Право*. 2019;12(2):40-48. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-40-48

Sociology of Poverty and Sociological Assessment of the Poverty Alleviation Program

A. Ya. Bolshunov^а, A. G. Tyurikov^б

Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0003-0358-1608>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-8388-9543>

ABSTRACT

Officially, the poverty line in Russia is tied to the subsistence minimum but from the sociological point of view, its linkage to the subsistence minimum is arbitrary. *The subject of the research* is social boundaries, social space of poverty. *The purpose of the research* was to formulate the principles of an approach to overcoming poverty as a social phenomenon. The paper attempts to outline the social space of poverty as an attribute (stigma) by which a person is placed in a specific exclusion space that forms the specific ethos of poverty and the poor man's habitus preventing any attempts to climb out of poverty. Belonging to this space institutionalizes the poor as a "kind of people", which is reflected in specific mechanisms of referencing and self-referencing of poverty expressed in the life-purpose deficits. "Combating poverty" implies the creation of participation institutions through which relations and processes of social differentiation, social participation and reference are withdrawn from the dictate of economic factors.

It is concluded that the poverty alleviation program should take into account the social limology of poverty and include the development of participation practices and institutions that exclude the stigmatization of poverty and the transformation of the poor into the “kind of people”. Such institutions should provide the poor with ample opportunities to participate in the formation of elites (professional, intellectual, and political). It is particularly important that children, teenagers and young people have access to such practices and institutions because each generation produces and reproduces the “social topology” in which poverty forms a specific “exclusion space”.

Keywords: poverty; limology of poverty; stigma of poverty; the poor as the “kinds of people”; social differentiation; reference and self-reference of poverty, ethos and habitus of poverty.

For citation: Bolshunov A. Ya., Tyurikov A.G. Sociology of poverty and sociological assessment of the poverty alleviation program. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2019;12(2):40-48. (In Russ.), DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-40-48

ПРОБЛЕМА БЕДНОСТИ В РОССИИ

Официально черта бедности в России привязана к прожиточному минимуму, составляющему с января 2019 г. 10 451 руб. в месяц на одного человека. Согласно данным Росстата¹ доходы 20 млн россиян (15% населения Российской Федерации) ниже прожиточного минимума. При этом 67% бедных в России имеют работу, что является специфически российским явлением; возраст среднестатистического бедняка — 46–48 лет [1]. Для характеристики состояния проблемы бедности в России существенное значение имеет рост числа «новых бедных» — лиц, оказывающихся за чертой бедности вследствие того, что их доходы отстают от роста необходимых для жизни расходов (преимущественно из-за роста цен и стоимости обслуживания кредитов). «Даже в ...наиболее неблагополучной группе бедных большинство — это люди, ...скатившиеся в нее в течение собственной жизни, т. е. „новые бедные”», — подчеркивается в [2]. В частности, сейчас в зоне риска находится значительное число граждан 26–35 лет, обремененных кредитами, на обслуживание которых не хватает денег. По данным ВЦИОМ за 2018 г. количество россиян, полагающих, что их материальное благополучие в дальнейшем ухудшится, выросло вдвое. Согласно прогнозам в 2019 г. доля бедных может составить около 30% граждан Российской Федерации.

Вызов бедности стоит не только перед Россией. По данным *Oxfam*, 82% созданного за 2017 г. мирового богатства ушло 1% самых богатых людей, а 50% бедных вообще ничего не получили [3, 4].

¹ Черта бедности в России: что говорит Росстат. URL: <http://subsidii.net/ещё-выплаты/новости-о-разном/item/1115-черта-бедности-в-россии.html> (дата обращения: 15.01.2019).

ЧТО ТАКОЕ БЕДНОСТЬ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ?

С точки зрения социологии привязка черты бедности к прожиточному минимуму является произвольной. Несомненно, что бедность является феноменом социальной лимологии (от лат. *limes* — граница). «Социология, — пишет П. Бурдьё, — представляет собой социальную топологию. Так, можно изобразить социальный мир в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения» [5]. Люди заняты очерчиванием (поддержанием, изменением, защитой и пр.) границ, образующих различные социальные пространства. Эта деятельность по очерчиванию границ называется социальной лимологией. Бедность — это очерченное названной деятельностью социальное пространство.

Прежде всего укажем, что «черта бедности», привязанная к прожиточному минимуму, не коррелирует с границами социального пространства бедности. Согласно данным опроса «ВЦИОМ–Спутник» за 2017 г. сами граждане границей бедности считали доход на одного члена семьи в размере 15 506 руб./мес.² Но дело даже не в том, что прожиточный минимум обрекает людей на полуголодное существование. Причина в том, что стандарты, к которым «объективно» и субъективно привязывают черту бедности, отражают свойственный обществу потребления «дух консьюмеризма»³, т. е. потребления. Но, например,

² Сайт ВЦИОМ. Бедность: где грань? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=572> (дата обращения: 10.01.2019).

³ В современном мире термин «консьюмеризм» часто используется как синоним избыточного потребления. Потребление приобретает навязчивый характер, появляются психические отклонения разного рода, связанные со сформировавшейся зависимостью от желания приобретать те или иные блага.

в русской пословице «Богатство — перед Богом грех, а бедность — перед людьми» речь идет, конечно, не о потреблении. Бедность является «грехом» потому, что исключает полноценное участие человека в жизни общины, в осуществлении некоего социального «стандарта» человечности. В традиционной России и богатству, и бедности противопоставляли тороватость⁴ («кормит не богатый, а тороватый»); тороватый же тот, кто в состоянии вносить свой вклад в общее дело (например, жертвовать на храм), помогать нуждающимся, соответствовать нормам гостеприимства и т.д., т.е. тот, кто соразмерен социальному стандарту человечности. Основной тезис настоящей статьи состоит в том, что люди и сейчас, оценивая себя и других в категориях бедности/богатства, имеют в виду не только уровень потребления, но и уровень социального участия в жизни общества. Более того, в культуре и менталитете россиян эта оценка имеет не бинарный (бедность/богатство), а тринарный (бедность/богатство/тороватость) характер.

Даже с экономической точки зрения человек (*homo oeconomicus*) является не исключительно потребителем, а хозяйствующим субъектом; видами же хозяйствования являются производство, потребление, обмен и распределение. Соответственно экономически бедность выражается в ограничениях не только на потребление, но и на участие в производстве, обмене и распределении (т.е. бедность — это невозможность осуществлять хозяйственную деятельность во всех ее аспектах). Бедный лишен достойного места в общественном производстве и, главное, не имеет перспективы получить «хорошую работу» (и это обстоятельство влияет на его самосознание, вносит существенный вклад в формирование психологии бедности). Место бедного в процессе обмена (на рынке) оскорбительно ничтожно. В распределении благ он — иждивенец, что также не способствует росту его самооценки.

Собственно социологический подход к пониманию сущности социологии точно сформулирован А. Туреном: «Предметом социологии является объяснение поведения действующих лиц посредством социальных отношений, в которых они оказываются», и наивно думать, что «мож-

но ...объяснять поведение уровнем заработной платы, типом жилища или состоянием техники. Очевидно, нужно сначала превратить эти „ситуации“ в общественные отношения и прежде всего в уровни участия» [6]. В общественных отношениях эти «ситуации» приобретают социальный смысл, и именно этот смысл опосредствует (а значит, объясняет) поведение и сознание человека (подобно тому, как вещь в отношениях обмена приобретает смысл товара, и действия с вещью как с товаром опосредуются этим смыслом). Суть данного явления состоит в том, что определенные обстоятельства в определенных отношениях приобретают и имеют смысл бедности. Основным обстоятельством «ситуации бедности» является уровень заработной платы, доходов. Задача социолога заключается в том, чтобы выяснить, в каких отношениях доходы приобретают смысл богатства/бедности и в чем состоит этот смысл. По нашему мнению, ключевую роль в этом играют четыре типа отношений.

Во-первых, в рыночных отношениях доходы, заработная плата имеют смысл ответа на вопрос о ценности и достоинстве человека. «Стоимость или ценность человека, — констатировал Т. Гоббс, — подобно всем другим вещам есть его цена, т.е. она составляет столько, сколько можно дать за пользование его силой» [7]. Рыночными отношениями устанавливается, конституируется определенная мера ценности (достоинства) человека. Но вследствие «экзистенциальной безусловности» (по выражению одного из главных представителей экзистенциализма К. Ясперса) и социокультурных диспозиций человек протестует против применения к нему этой меры, не признает ее ни исчерпывающей, ни релевантной. В этом отношении низкая заработная плата воспринимается как пренебрежение достоинством человека, лишение достоинства («доколе за скотов держать нас будете» — типичная претензия низкооплачиваемых работников к работодателям). Впрочем, на острие этого противоречия имеется развилка, связанная с так называемым локусом контроля⁵. Низкая заработная плата может восприниматься как несправедливость, ответственность за которую лежит на работодателе, государстве, людях,

⁴ Тороватый — великодушный, щедрый (В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка).

⁵ Локус контроля — понятие в психологии, характеризующее свойство личности приписывать свои успехи или неудачи только внутренним либо только внешним факторам.

которые «меня не ценят», и иных обстоятельствах. Но она может восприниматься и в ракурсе личной ответственности за свою судьбу (в этом ракурсе восприятия человек стремится повысить свою стоимость посредством образования, каких-либо инициатив и т.п.). В России данная ситуация характеризуется тем, что люди теряют веру в возможность «выкарабкаться» из бедности (повысить свою стоимость) посредством труда и образования. На этом фоне бессмысленности труда и жизненной безысходности (дефицита легитимных способов решения проблемы бедности) бедность сопрягается с девиантным⁶ и даже делинквентным⁷ поведением, в том числе в части способов решения проблем бедности (источником делегитимации, как утверждает Ю. Хабермас [8], является дефицит смыслов, порождающий мотивационный кризис; дефицит осмысленности труда ведет к делегитимации трудовых отношений и труда в целом как средства решения своих жизненных проблем).

Во-вторых, в отношениях социальной дифференциации и принадлежности доходы приобретают значение знака принадлежности к определенным социальным группам и атрибута социального статуса (бедность — это стигма, см. об этом ниже). Отстаиваемый Ж. Бодрийяром [9] тезис о том, что потребление является процессом социальной дифференциации (потребление репрезентирует социальные статусы, создает сам феномен бедности/богатства как значения знака социальной принадлежности статуса), является ключевым для социологического анализа бедности. Люди определяют, что называется, «по одежке» статус и принадлежность человека (человек «нашего» круга, «высшего света» и т.п.). При этом надо отдавать себе отчет в том, что в условиях массмедиа стандарты потребления и знаки социальной дифференциации задаются «демонстративным потреблением» (Т. Веблен) элит, а не жизненными стандартами социологов и управленцев, предполагающих сравнение «себя с соседями».

⁶ Девиантное поведение (также социальная девиация, отклоняющееся поведение) (лат. *deviatio* — отклонение) — это устойчивое поведение личности, отклоняющееся от общепринятых, наиболее распространенных и устоявшихся общественных норм.

⁷ Делинквентное поведение — антиобщественное противоправное поведение индивида, воплощенное в его поступках (действиях или бездействии), наносящих вред как отдельным гражданам, так и обществу в целом.

В-третьих, в отношениях участия и признания доходы приобретают смысл социального условия и социальной меры человечности (см. выше о тороватости). Социальные системы, как утверждал П. Бурдьё, функционируют в логике признания индивида человеком «нашего круга», очерчивающего в своем конечном масштабе «мир людей» (устанавливающего границу между людьми и нелюдьми). «Встречают по одежке — провожают по уму», — гласит пословица. «Одежка» является в данном случае обозначением образуемых потреблением знаков социальной дифференциации и принадлежности, а «ум» указывает на способность человека участвовать в делах и отношениях «мира людей». «Дух консьюмеризма» смещает «меру человечности» в сферу потребления и связанной с потреблением социальной дифференциации, но «серьезные отношения» обнажают иллюзорный характер этой «смещенной меры» (можно влюбиться «по одежке», но в семейных отношениях востребовано участие, а не «одежка»).

В-четвертых, используя понятийный аппарат Н. Лумана, в отношениях референции и особенно самореференции⁸ оппозиция бедность/богатство развернута как своего рода «ордината», значение которой указывает на смысл «происходящего со мной» и на сам факт осмысленности моего

⁸ «Необходимость и контингентность своей „самости“ познаются ею как артикулированное различие самореференции». «Обобщенным результатом постоянного оперирования в условиях двойной контингентности является социальное измерение всякого смысла». «Проблема самореференции... возникает в форме смысла. Всякая смысловая интенция является самореферентной, поскольку одновременно предусматривает свою повторную актуализацию, т.е. воспринимает себя в своей структуре указаний снова как одну из многих возможностей». «Феномен смысла появляется в форме избытка указаний на дальнейшие возможности переживания и действия. Что-то находится в центре внимания, намерения, а иное отмечается лишь маргинально как горизонт „и-так-далее“. Все, что входит в намерение, в такой форме оставляет для себя открытым мир в целом, всегда гарантируя тем самым и актуальность мира в форме его доступности...Смысловая форма посредством своей структуры указаний вынуждает следующий шаг к отбору. Эта принудительность отбора также входит в сознание смысла, а для социальных систем — в коммуникацию об осмысленном, так что чистая фактичность актуального течения жизни не может дать последних гарантий присоединения ни сознанию, ни коммуникации. Используя несколько иную формулировку, можно также отметить, что смысл наделяет когда-либо актуально осуществленное переживание или действие избыточными возможностями» [10].

существования. Поэтому, если семантическое пространство референции и самореференции утрачивает многомерность, банкротство часто ведет к суициду. Очевидцы свидетельствуют, что перед самоубийством Б. Березовский растерянно бормотал: «Я самый бедный человек на свете». Его актив в это время составлял более 200 млн долл., но этого ему катастрофически не хватало для воспроизводства своей «самости» — привычного образа жизни и уровня самоуважения. В отношениях самореференции бедность оборачивается катастрофическим дефицитом смысла существования, выражающегося в невозможности воспроизводства, изменения и развития «самости»⁹. Воспроизводство, изменение и развитие «самости» предполагают вклады (инвестиции) в очерчиваемое некоторым образом «мое» — в себя, свою семью, домашнее хозяйство, бизнес, «мой город», «мою страну» и т.д. Для понимания смысла бедности в отношении референции существенно, что человек, взявшийся своими руками и за свой счет построить церковь в «своей деревне», побуждаем не мотивами социального участия (тороватости), а мотивами самореализации.

БЕДНОСТЬ КАК СТИГМА

Напомним приведенное выше утверждение: «бедность перед людьми — грех». Стигма (от др.-греч. *Στίγμα*) — «знак, клеймо, пятно, отметина (от англ. *stigma* — клеймо, ярлык). И. Гофман [11] под стигмой понимает особенности, свойства человека или произошедшие с ним события, навлекающие на него позор и/или отвращение. Стигма образует «пространство отчуждения», в которое помещаются стигматизированные индивиды. Этим пространством и принадлежностью к нему формируются специфический этос бедности и габитус¹⁰ бедняка, на характер которых указывают ассоциации, сопрягающие бедность с различными пороками и асоциальностью (пьянство, грязь, преступность, заразные

⁹ Категория самости здесь используется в смысле, близком к хайдеггеровскому: «выражением „самость” мы отвечаем на вопрос о присутствии», указывая на его «способность быть самим собой» (Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem; 1997. С. 267).

¹⁰ Габитус — одно из основных понятий в теории Пьера Бурдьё, который трактуется как система приобретенных схем, действующих на практике как категории восприятия и оценивания или как принцип распределения по классам, в то же время как организационный принцип действия.

болезни и т.п.). Эти этос и габитус становятся непреодолимым препятствием к осуществлению попыток «выбраться из бедности». Стигматический характер бедности особенно наглядно проявляется в отношении к таким социальным группам, как бомжи, «попрошайки». Наконец, на стигматический характер бедности указывают нарративы типа «бедность — это судьба» (по сути, то же клеймо).

БЕДНЫЕ КАК «ВИД ЛЮДЕЙ»

Под «видом людей» подразумевается введенное Я. Хакингом и его последователями понятие *kinds of people, interactive kinds* [12, 13]. Четыре признака указывают на превращение социальной группы в «вид людей»:

- формирование закрытой, замкнутой коммуникативной и интерактивной сферы;
- создание механизмов прямого социального самовоспроизводства группы (бедные женятся на бедных и рожают бедных);
- формирование в общественном сознании устойчивого представления о группе (бедные воспринимаются как социально несостоятельные, девальвированные люди);
- группа идентифицируется как «они» и сама себя идентифицирует как «мы»; это обстоятельство выражается в появлении «сленговых» названий и самоназваний группы (чтобы убедить в существовании таковых, достаточно заглянуть в аккаунты представителей наших «элит» — «нищоброды», «быдло», «генетическое отребье» и пр.); параллельно «в группе хронических бедных как „ядро” российской бедности ...идет ...активное формирование идентичности представителей „социальных низов”» [2].

«Они [бедные] все больше отрываются от остального общества. Их социальный капитал, их связи, как правило, завязаны на такие же бедные семьи. В итоге эта группа замыкается на себе и начинает самовоспроизводиться», — утверждает С. В. Мареева [14].

Превращение бедных в «вид людей» ведет к деконструкции человеческих отношений с этой группой вплоть до элиминации нравственных обязательств по отношению к ней («они же недолго и по-человечески к ним относиться бессмысленно»). Иллюстрацией к этому тезису является «наивная простота» нашумевших высказываний

чиновников о бедных¹¹, собранных в публикации «Макарошки, кора дуба и белоручки. 10 самых скандальных высказываний чиновников в 2018 году» [16].

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ ПО СНИЖЕНИЮ УРОВНЯ БЕДНОСТИ

С 2019 г. в восьми пилотных регионах России реализуется правительственная программа снижения уровня бедности «Социальная поддержка граждан». Каковы перспективы этой программы с точки зрения социологии бедности?

1. Программой предусматривается разработка «траекторий выхода из малообеспеченности»¹² для семей, живущих за чертой бедности. При этом критерием эффективности такой «траектории» устанавливается факт преодоления черты бедности, привязанной к прожиточному минимуму. Но очевидно, что изменение доходов семьи с 9 тыс. руб. на человека в месяц до 11 или даже 15 тыс. руб. не выведет семью из социального пространства бедности, разве что «макарошек» станет количеством побольше. Иными словами, место в социальной дифференциации, в отношениях социального участия и референции превышением доходов черты прожиточного минимума не изменится, если даже ориентироваться на «стандарт потребления», предусматривающий всего лишь рациональное (здоровое) питание, доходы в 11–15 тыс. руб. его не обеспечат. Общество это осознает, свидетельством чему являются многочисленные публикации типа «Борьба правительства с бедностью в России закончится победой бедности» [15].

2. Программой предусматривается заключение с бедными некоего «социального контракта»,

¹¹ «Когда чиновник заявляет, что в нашей стране вполне можно прожить на 3500 рублей в месяц, кажется, он потерял всякий стыд», — замечает Л. Овчарова, проректор ВШЭ, директор Института социальной политики [15].

¹² М.А. Топилин в ходе заседания Российской трехсторонней комиссии по социально-трудовым отношениям заявил, что подготовлен первый драфт мероприятий по исполнению национальной цели по снижению в два раза уровня бедности. Сейчас договорились с рядом регионов провести на их территориях эксперимент по персонализированному выявлению семей с низкими доходами, с тем чтобы построить для них траектории выхода из малообеспеченности. URL: <https://proshkolu.ru/user/NIKA1907/blog/577099>.

которым, по мнению А.Л. Кудрина, бедным будет гарантировано привлечение к «общественным работам»¹³. Эффективно «социальный контракт» будет функционировать только в «логике признания» в случае его заключения в обмен на доступ к общественным работам и готовность вести образ жизни, соответствующий каким-то требованиям. Но «социальный контракт» в понимании А.Л. Кудрина не включает достаточно сильных стимулов (мотивов) его выполнения. С большой долей вероятности можно предполагать, что «социальный контракт» не будет благоприятно воспринят обществом.

3. Вряд ли общество поверит, что власти не осознают, что не решают проблемы бедности. В лучшем случае кто-то подумает, что Правительство РФ намерено задействовать испытанный механизм общественных работ для преодоления или хотя бы для сглаживания экономического кризиса (т.е. имеет экономический смысл). Так или иначе общество решит, что власть затеяла «игру», целью которой является создание иллюзии действий, рассчитывая подменить новый общественный договор неким соглашением, пытаясь уйти от реальных реформ, направленных на перераспределение доходов (национального богатства).

4. На Российском инвестиционном форуме в Сочи в 2019 г. Д.А. Медведев призвал:

1) «подумать о пересмотре наших взглядов на то, как мы относим людей к категории бедных: исходить в большей степени из расходов человека, как это стараются делать во всем мире»;

2) «составить более подробный социальный портрет бедности в нашей стране» [17].

Сблизят ли эти предложения программу «Социальная поддержка граждан» с социологией бедности, обоснованно можно будет судить только после того, когда станет ясно, как конкретно будут реализованы эти предложения. Настоящую статью можно рассматривать как вклад в составление социального портрета бедности.

¹³ А.Л. Кудрин пояснил, что социальный контракт, заменяя пособие по безработице, представляет собой минимально оплачиваемые ставки, чтобы гражданин не просто сидел и получал пособие по безработице, а работал. В частности, глава Счетной палаты заявил, что речь идет об общественных работах, где не требуется высокая квалификация сотрудника. Зарплата может варьироваться от 10 до 20 тыс. руб. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5832712> (дата обращения: 12.01.2019).

КАК БОРОТЬСЯ С БЕДНОСТЬЮ?

Конечно, повышать уровень доходов и обеспечивать более приемлемый уровень потребления надо. Но этого недостаточно.

Во главу угла должны быть поставлены институты участия, обеспечивающие высокий уровень социальной интеграции, исключающей стигматизацию бедности и превращение бедных в «вид людей». Понятно, что в таких институтах отношения и процессы социальной дифференциации, социального участия и референции должны быть выведены из-под диктата экономических факторов (таких как уровень потребления, доходы) и консьюмеризма. Они должны противопоставить стоимостной оценке достоинства и ценности человека иные критерии социального, социокультурного и экзистенциального характера. Характеризуя демократизм афинской социально-политической системы, Перикл в знаменитой речи подчеркнул: «Наш государственный строй называется народоправством ... На почетные государственные должности выдвигают каждого по достоинству, поскольку он чем-либо отличился не в силу принадлежности к определенному сословию, но из-за личной доблести. *Бедность не мешает занять почетную должность. ... Признание в бедности у нас ни для кого не является позором*, но больший позор мы видим в том, что человек сам не стремится избавиться от нее трудом ... Каждый ... может с легкостью и изяществом проявить свою личность в самых различных жизненных условиях» [18]. На современном языке суть сказанного в том, что в Афинах *бедные принимают участие в формировании элит*¹⁴.

Особенно важно *снижать уровень детской бедности. И суть дела состоит не в абстракции «равных возможностей», а в воспроизводстве в каждом поколении социальной системы, в которой бедности отводится место, оппозиция бедности/богатства приобретает тот или иной социальный смысл. Именно для детей должны быть созданы общественные институты участия и социальной интеграции, предотвращающие превращение бедности в стигму, а бедных — в «вид людей».*

Существенно при этом, что общественные практики и институты участия должны быть

¹⁴ Конечно, очерченный Периклом образ греческой демократии на проверку оказался иллюзорным, но это не отменяет ценности тех артикуляций, которые присутствуют в речи Перикла.

конкурентоспособными. Например, нужна конкурентоспособная государственная массовая школа (не школа «для бедных» — для тех, у кого нет возможностей оплатить элитарное образование). В качестве примера можно привести вокальный конкурс «Ты супер!» для детей, оставшихся без попечения родителей. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» предполагает «обеспечение права каждого на свободный доступ к физической культуре и спорту как необходимым условиям развития физических, интеллектуальных и нравственных способностей личности, права на занятия физической культурой и спортом для всех категорий граждан и групп населения» (в том числе предусматривает развитие достаточно демократичных институтов детско-юношеского спорта). Такие практики, как «Ты супер!» и детско-юношеские спортивные школы являются для обездоленных «окнами возможностей» для участия в формировании элит в сферах эстрады и спорта. Но, во-первых, такого рода практики катастрофически дефицитны. Во-вторых, согласно сформулированному К. Поппером «парадоксу свободы», суть дела не в правах, а в условиях, которые позволяют воспользоваться правами как жизненными возможностями¹⁵.

¹⁵ Этот тезис находится в фокусе обсуждения К. Поппером соотношения правовой и социальной систем (гл. 17 второго тома книги «Открытое общество и его враги») и определяется им как парадокс свободы. «Маркс пытался показать, что и при совершенной правовой системе экономическая система будет функционировать таким образом, что рабочие не смогут воспользоваться своей свободой. ... Я уверен, что несправедливость и бесчеловечность описанной Марксом ... капиталистической системы не подлежит сомнению. Особенности этой системы можно лучше понять, используя то, что ... мы назвали парадоксом свободы. Свобода сама себя упраздняет, если она не ограничена. Неограниченная свобода означает, что сильный человек свободен запугать того, кто слабее, и лишить его свободы. Именно поэтому мы требуем ... ограничения свободы государством ... Никто не должен жить за счет милосердия других ... Я считаю, что эти соображения, первоначально относившиеся к анализу царства грубой силы ... должны быть применены также и к экономической сфере» [18]. К. Поппер полагает, что этот парадокс может быть разрешен посредством государственного регулирования — наложения ограничений на произвол тех, кто располагает ресурсами для того, чтобы воспользоваться своими правами и возможностями в ущерб остальным, которое, в свою очередь, ограничено демократическими процедурами. Но предлагаемое К. Поппером решение может быть поставлено под сомнение: не представляет ли оно собой своего рода «порочный (логический) круг»?

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тарасов А. Уровень бедности в России. URL: <https://visasam.ru/russia/goroda/bednost-v-rossii.html> (дата обращения: 15.01.2019).
2. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Бедность и бедные в современной России. М.: Весь Мир; 2014. 320 с.
3. Буянов Д. Борьба правительства с бедностью в России закончится победой бедности. URL: <https://regnum.ru/news/2508606.html> (дата обращения: 16.01.2019).
4. Мареева С.В. Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения. *Вестник Института социологии*. 2018;3(26):101–120.
5. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя; 2007. 288 с.
6. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.
7. Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль; 1991. С. 66.
8. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Праксис; 2010. 264 с.
9. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Академический проект; 2007. 335 с.
10. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука; 2007:40,162,97–98.
11. Goffman E. Stigma: notes on the management of spoiled identity. N.Y.: Prentice-Hall, 1963. Chapters 1 and 2 (3–6). URL: http://globalteka.ru/books/doc_details/11041——.html.
12. Hacking I. Kinds of people: moving targets in proceedings of the british academy. Lectures. 2006;151:285–318.
13. Khalidi M. Interactive kinds. *British Journal for the Philosophy of Science*. 2010;61(2):335–360.
14. Скобелев И. Причины, почему граждане России никогда не выберутся из бедности. Интервью с С.В. Мареевой, кандидатом социологических наук, старшим научным сотрудником Института социологии РАН. URL: <https://vodakanazer.ru/novosti/obschestvo/prichiny-pochemu-grazhdane-rossii-nikogda-ne-vyberutsya-iz-bednosti.html> (дата обращения: 15.01.2019).
15. Рощеня Д. Экономика бедности. Как живут 20 миллионов россиян. Говорим с проректором ВШЭ, директором Института социальной политики Лилией Овчаровой. URL: https://www.pravmir.ru/ekonomika-bednosti-kak-zhivut-20-millionov-rossiyan/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 15.01.2019).
16. Старицкая А. Макарошки, кора дуба и белоручки. 10 самых скандальных высказываний чиновников в 2018 году. URL: <https://360tv.ru/news/tekst/makaroshki-kora-duba-i-beloruchki-10-samyh-skandalnyh-vyskazyvanij-chinovnikov-v-2018-godu> (дата обращения: 15.01.2019).
17. Старостина Ю. Медведев призвал создать социальный портрет бедности. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/02/2019/5c6681319a7947900741690a>.
18. Речь Перикла о достоинствах афинян. URL: <https://librolife.ru/g4213077> (дата обращения: 15.01.2019).
19. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива»; 1992. 528 с.

REFERENCES

1. Tarasov A. The level of poverty in Russia. URL: <https://visasam.ru/russia/goroda/bednost-v-rossii.html> (accessed 15.01.2019). (In Russ.).
2. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. Poverty and the poor in modern Russia. Moscow: Ves' Mir; 2014. 320 p.
3. Buyanov D. The government's fight against poverty in Russia will end in the victory of poverty. URL: <https://regnum.ru/news/2508606.html> (accessed 16.01.2019). (In Russ.).
4. Mareeva S. V. Social inequalities and the social structure of modern Russia in the perception of the population. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2018;3(26):101–120. (In Russ.).
5. Burd'e P. Sociology of social space. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii. St. Petersburg: Aleteiya; 2007. 288 p. (In Russ.).
6. Turen A. The return of the man in action. Essay of sociology. Moscow: Nauchnyi mir; 1998. 204 p. (In Russ.).
7. Gobbs T. Works in 2 tons. T. 2. Moscow: Mysl'; 1991:66. (In Russ.).
8. Khabermas Yu. The problem of legitimation of late capitalism. Moscow: Praksis; 2010. 264 p. (In Russ.).

9. Bodriyar Zh. To criticism of political economy of the sign. Moscow: Akademicheskii proekt; 2007. 335 p. (In Russ.).
10. Luman N. Social system. Essay on the general theory. St. Petersburg: Nauka; 2007:40,162,97–98. (In Russ.).
11. Goffman E. Stigma: notes on the management of spoiled identity. N.Y.: Prentice-Hall, 1963. Chapters 1 and 2 (3–6). URL: http://globalteka.ru/books/doc_details/11041---.html (accessed 15.01.2019). (In Russ.).
12. Hacking I. Kinds of people: moving targets in proceedings of the british academy. Lectures. 2006;151:285–318.
13. Khalidi M. Interactive kinds. *British Journal for the Philosophy of Science*. 2010;61(2):335–360.
14. Skobelev I. The reasons why russian citizens will never get out of poverty. Interview with S. V. Mareeva, candidate of sociological Sciences, senior researcher of the Institute of sociology of RAS. URL: <https://vodakanazer.ru/novosti/obschestvo/prichiny-pochemu-grazhdane-rossii-nikogda-neverberutsya-iz-bednosti.html> (accessed 15.01.2019). (In Russ.).
15. Roshchenya D. Economy of poverty. How 20 million russians live. We speak with HSE Vice-rector, Director of the Institute of social policy Lilia Ovcharova. URL: https://www.pravmir.ru/ekonomika-bednosti-kak-zhivut-20-millionov-rossiyan/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (accessed 15.01.2019). (In Russ.).
16. Staritskaya A. Pasta, oak bark and CIT. 10 most scandalous statements of officials in 2018. URL: <https://360tv.ru/news/tekst/makaroshki-kora-duba-i-beloruchki-10-samyh-skandalnyh-vyskazyvanij-chinovnikov-v-2018-godu> (accessed 15.01.2019). (In Russ.).
17. Starostina Yu. Medvedev called for a social portrait of poverty. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/02/2019/5c6681319a7947900741690a> (accessed 15.01.2019). (In Russ.).
18. The speech of Pericles on the virtues of the athenians. URL: <https://librolife.ru/g4213077> (accessed 15.01.2019). (In Russ.).
19. Popper K. R. Open society and its enemies. Vol. 2: time of false prophets: Hegel, Marx and other oracles. Moscow: Feniks, International Fund “For Cultural initiative”; 1992. 528 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Андрей Яковлевич Большунов — кандидат психологических наук, доцент, директор Центра социальной экспертизы и развития, Финансовый университет, Москва, Россия
andrey.bolshunov.1955@gmail.com

Александр Георгиевич Тюриков — доктор социологических наук, профессор, руководитель Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, Москва, Россия
t-ag2013@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Bolshunov Andrey Ya. — Cand. Sci. (Psychol.), Assoc. Prof., Director of the Center for Social Expertise and Development, Financial University, Moscow, Russia
andrey.bolshunov.1955@gmail.com

Tyurikov Alexander G. — Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of the Sociology, History and Philosophy Department, Financial University, Moscow, Russia
t-ag2013@yandex.ru

Статья поступила 20.01.2019; принята к публикации 25.03.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 20.01.2019; accepted for publication 25.03.2019.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-49-58

УДК 339.92(045)

JEL F02

Всемирный экономический форум в Давосе: бедность и неравенство распределения доходов – порочные явления современного мирового развития

В.В. Перская

Финансовый университет, Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-1988-4374>

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – мнения экспертного сообщества, выраженные во время панельных дискуссий на Всемирном экономическом форуме (ВЭФ), состоявшемся в Давосе в 2019 г., в части путей ликвидации бедности и диспропорциональности распределения доходов в мировом сообществе. *Цель работы* заключается в констатации неизменности приверженности экспертного сообщества ВЭФ концепции неолиберализма, несмотря на то что именно неолиберальные ценностные ориентиры усугубили развитие бедности и диспропорциональности в распределении доходов как тенденций современного глобального развития, а также утопичности их рекомендаций для преодоления этих негативных явлений. Определяющей тенденцией современного развития мировой экономики выступает, но проблема нищеты и бедности выделяется в качестве препятствия на пути поступательного развития современного общества. Позиция экспертного сообщества на Всемирном экономическом форуме была ограничена исключительно концепцией неолиберального мейнстрима – снижения роли собственно государственного регулирования, формирования глобального правительства многостороннего общественного договора на уровне международной организации, способных обеспечить ликвидацию социального неравенства и диспропорциональности доходов в мировой экономике. В частности, акцентировано внимание на отсутствие социальных лифтов в развитых и развивающихся странах, способствующее усугублению бедности населения. Отражено, что в документах ряда международных организаций указывается на необходимость активизации национальных государственных политик в области социальной поддержки и социального обеспечения. В статье рассмотрены различные аспекты национальных государственных политик ряда стран, позволяющие постепенно выравнивать уровень социальной обеспеченности граждан, поддержки среднего класса как основы стабильного развития. Впервые на уровне межгосударственного обсуждения выдвинута проблема активизации роли некоммерческих общественных организаций для преодоления диспропорциональности доходов и ликвидации крайней нищеты и бедности, особенно в развивающихся странах. Однако постановка вопроса о вовлечении собственно беднейших слоев населения в работу этих организаций представляется весьма затрудненной в силу того, что источники финансирования деятельности таких организаций не определены. *Сделаны выводы* о том, что глобализация является определяющим трендом развития мировой экономики; в качестве базовых проблем глобализации рассматриваются бедность и диспропорциональность распределения доходов как на межстрановом уровне, так и внутри стран; возможность заключения общественного многостороннего договора, аккумулирующего меры, принимаемые на наднациональном уровне. Происходит ухудшение условий жизни среднего класса, снижение уровня его дохода; в США политика «Сделать Америку снова великой» направлена на повышение жизненного уровня среднего класса, т.е. имеет место отказ от упования на межгосударственность решения проблем; акцентировано внимание на том, что доступность образования, формирования социальных лифтов, в том числе для молодежи, формирования систем социальной защиты и др., пока оставлены за пределами внимания национальных правительств развитых стран.

Ключевые слова: бедность; диспропорциональность; доходы; государство; национальное государственное регулирование; социальная политика страны; Всемирный экономический форум

Для цитирования: Перская В.В. Всемирный экономический форум в Давосе: бедность и неравенство распределения доходов – порочные явления современного мирового развития. *Экономика. Налоги. Право.* 2019;12(2):49-58. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-49-58

The World Economic Forum in Davos: Poverty and Inequality of Income Distribution as Evil Phenomena of Modern World Development

V.V. Perskaya

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1988-4374>

ABSTRACT

The subject of the research is the opinions of the expert community expressed during panel discussions at the World Economic Forum held in Davos in 2019 related to ways of eliminating poverty and disproportionality of income distribution in the world. *The purpose of the research* was to confirm the permanent commitment of the WEF expert community to the concept of neoliberalism, despite the fact that it was neoliberal values that exacerbated the development of poverty and disproportionality in income distribution as trends in the current global development. The research also proved the utopian nature of their recommendations for overcoming the negative phenomena. The position of the expert community at the World Economic Forum was reduced solely to the concept of the neoliberal mainstream – reducing the role of state regulation, establishment of global governance for a multilateral social contract at the level of an international organization capable of eliminating social inequality and income disproportionality in the world economy. Particular attention was paid to the lack of social elevators in developed and developing countries contributing to the poverty aggravation among the population. The documents of some international organizations indicate the need to intensify national state policies in the field of social support and social security.

The paper discusses various aspects of national state policies in a number of countries aiming to gradually smooth out the level of social security of citizens along with supporting the middle class as the basis for stable development. For the first time, the problem of enhancing the role of non-profit public organizations in overcoming the income disproportionality and eliminating extreme poverty and destitution, especially in developing countries, was addressed at the level of interstate discussion. However, involving the poor in the work of these organizations seems to be challenging because the sources for funding their activities are not defined. *It is concluded* that globalization is the determining trend in the development of the world economy; the basic problems of globalization include poverty and disproportionality of income distribution both at the inter- and intracountry levels; there is a possibility of concluding a public multilateral agreement accumulating measures taken at the supranational level. The living conditions of the middle class are deteriorating, their incomes are decreasing. The USA policy “Make America great again” is aimed at raising the living standards of the middle class, i.e. the idea of the problem solution on the multinational basis is being rejected; the access to education, formation of social elevators, including those for young people, establishment of social protection systems, etc. are still beyond the attention of national governments in developed countries.

Keywords: poverty; disproportionality; incomes: state; national government regulation; social policy of the country, the World Economic Forum

For citation: Perskaya V.V. World economic forum in Davos: Poverty and inequality of income distribution as evil phenomena of modern world development. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2019;12(2):49-58. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-49-58

ВСТУПЛЕНИЕ

Проблемы неравенства и бедности приобрели в последнее десятилетие существенное значение для мирового развития, особенно после принятия ООН целей устойчивого развития до 2030 г.¹ (от англ. *Sustainable Development Goals*), вынесенных на обсуждение государств — членов ООН под названием «Преобразование нашего мира:

повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.» (от англ. *Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development*). Этой проблеме были посвящены заседания стран G7 в 2018 г.², в материалах которых указывалось, что в странах G7 идет процесс сокращения неравенства, но средний рост доходов продолжает отставать от уровня роста ВВП. В [1]

¹ 25 сентября 2015 г. государства — члены ООН приняли повестку дня в области устойчивого развития до 2030 г., которая содержит 17 целей и 169 задач.

² Achieving Growth That Works For Everyone, 2018. G-7. URL: <https://g7.gc.ca/en/official-documents/achieving-growth-works-everyone> (дата обращения: 15.12.2018).

акцентируется внимание на необходимости выравнивания уровней доходов в странах БРИКС, ликвидируя бедность и нищету, де-факто препятствующие поступательности развития национальных хозяйств. В [2] на основе данных Всемирного банка и отчетов ООН о человеческом развитии по отдельным странам в период 1990–2017 гг. доказываем, что неравенство замедляет экономический рост. В [3] подтверждается справедливость доказательства Мансура Олсона и Сэмюэля Хантингтона в 1960 г. о том, что положительная корреляция между доходом на душу населения и уровнем социально-политической дестабилизации в странах с низким и средним уровнем дохода может объясняться ростом неравенства, вызванного экономическим и технологическим развитием в этих странах.

Эмпирические тесты позволили выявить наличие определенного порогового уровня — примерно 40 баллов по шкале Джини³, после превышения которого можно ожидать радикального увеличения уровней социально-политической дестабилизации в целом, а также интенсивности террористических актов/партизанской войны и антиправительственных выступлений. В результате исследования делается вывод, что в современном мире рост экономического неравенства ведет к социально-политической дестабилизации.

Однако в государствах, характеризующихся высоким уровнем неравенства, бедные группы населения могут воспользоваться силовыми методами с целью получения более справедливого, по их мнению, перераспределения доходов и имущества. Но богатые слои общества находятся под защитой силовых структур, а размер среднего класса чрезвычайно мал, что позволяет сохранять политическую стабильность в стране в целом. В [4] указывается, что в Китае в условиях индустриализации, позволившей вывести миллионы людей из нищеты, неравенство также увеличилось, и оно росло самыми быстрыми темпами в мире. Урбанизация и старение населения в КНР усугубили существующее в стране неравенство. На Всемирном экономическом форуме (далее — ВЭФ) в Давосе, состоявшемся в 2019 г., проблема неравенства распределения доходов как на межгосударственном (вследствие

неуправляемости глобализации) и внутристрановом уровнях рассматривалась как фактор, препятствующий устойчивому экономическому развитию.

ДИСКУССИИ НА ЗАСЕДАНИЯХ ВЭФ

Глобализация в области экономики остается ведущей тенденцией мирового развития, но на ее фоне все более четко проявляется усиление диспропорциональности распределения доходов как на межгосударственном, так и внутристрановом уровнях. Именно этот тезис был подтвержден выступающими на сессиях ВЭФ 2019 г. В частности, К. Георгиева (главный исполнительный директор Всемирного банка, модератор одной из панелей на форуме), освещая проблему крайнего неравенства доходов в мировом сообществе, подчеркнула, что «когда мы говорим о неравенстве, которое я считаю позорным для человечества, мы считаем, что цивилизация породила эту крайнюю нищету и голод». При этом доля людей, живущих в условиях крайней нищеты, снизилась с более чем 40% в 2000-х гг. до менее 10% в 2018 г. Но для почти 800 млн человек, которые все еще живут в условиях крайней нищеты, этот факт успешности ничего не значит⁴. Только в Африке в условиях крайней нищеты проживают около 0,5 млн чел. И в качестве решения данной проблемы Всемирный банк рассматривает возможность приобщения быстро увеличивающегося населения в странах Африки к Интернету. В частности, Всемирный банк разработал специальную цифровую программу специально для Африки, позволяющую африканцам с равной степенью доступности подключаться к Интернету и демонстрировать миру потенциал Африки по сравнению с Китаем. Именно возможности, предоставляемые цифровой подписью, электронными платежами, позволяют существенно изменять правила функционирования национальных экономик. Но основную причину в диспропорциональности распределения доходов эксперты Всемирного банка видят в сочетании четырех факторов: местных этнических и гендерных конфликтах,

³ Коэффициент Джини — статистический показатель степени расслоения общества данной страны или региона по отношению к какому-либо изучаемому признаку. Используется для оценки экономического неравенства.

⁴ Сайт ВЭФ. Глобальная экономика в переходный период. Процветание. Устойчивость. Безопасность. URL: <https://www.weforum.org/events/world-economic-forum-annual-meeting/?tab=LiveBlogs&stream=day-5&stream-item=coming-up-global-economy-in-transition> (дата обращения: 15.01.2019).

изменения климата, роста населения и плохом управлении.

Участники ВЭФ были единодушны в оценке значимости восстановления доверия к многосторонности в условиях поступательности глобализации в экономике. Но при этом они отмечали, что если в мире сформирована глобальная экономика, то почему не образовано продуктивное глобальное правительство, учитывая то обстоятельство, что решения, принимаемые на национальном уровне, не всегда имеют финансовую подоснову и получают одобрение со стороны международных организаций. Соответственно лидерство на страновом уровне отдельных государств в мире требует единодушия в признании принципа многосторонности и возложения основной заботы по ликвидации бедности на эти страны посредством реализации соответствующих международных соглашений. При этом отмечалось, что более справедливый подход в области формирования систем к перераспределению доходов в странах, особенно в государствах, где уровень поляризации в доходах существенен, может быть обеспечен благодаря расширению полномочий женщин.

Таким образом, на сессиях ВЭФ в 2019 г. по-прежнему доминировала идея неолиберального мейнстрима — снижение роли собственно государственного регулирования и государственной ответственности перед гражданами за экономическую политику и негативные последствия этой политики. В этой связи на заседаниях ВЭФ рассматривалась с разных точек зрения возможность создания глобального правительства, способного обеспечить ликвидацию социального неравенства и диспропорциональности доходов в мировой экономике.

Однако бедность и социальное неравенство — это не просто проблемы развивающихся стран. Так, по данным ОЭСР почти каждый ребенок в семи странах ОЭСР живет в семье, имеющей крайне низкий уровень дохода, и эта доля растет во многих государствах, в том числе в Греции, Италии и Испании. Неравенство доходов в странах G7 в 2014 г. характеризовалось тем, что 20% самых богатых людей заработали почти в шесть раз больше, чем 20% самых бедных людей. Что касается благосостояния, то в 2014 г. 40% граждан в части распределения богатства получили только 3% от общего благосостояния домохозяйств стран G7, тогда как 10% граждан — 54%, что свидетельст-

вует о крайне неравномерном развитии обществ рассматриваемых стран. Или же 42 человека владели столькими богатствами, сколько 3,7 млрд людей, составляющих бедную половину населения мира в 2017 г. Гендерный разрыв в доходах стран G7 уменьшился, но все же остался на уровне 43%. Разница в ожидаемой продолжительности жизни между людьми в возрасте 30 лет с высоким и низким уровнем образования оценивается в семь лет для мужчин и четыре года — для женщин. И этот разрыв увеличивается. Характерен тот факт, что дети, родившиеся в обеспеченных семьях, получавших в два раза больше среднего дохода 40 лет назад, в настоящее время зарабатывают на 40% больше, чем дети, родившиеся в семьях со средним доходом. Учащиеся из малообеспеченных семей в странах G7 набирают на 39 баллов ниже по математике (это эквивалентно целому году обучения в школе), чем студенты из относительно более обеспеченных семей. В качестве рекомендаций на заседаниях ВЭФ было предложено сформировать механизм адаптации людей к изменяющимся условиям труда и видам трудовой занятости, повысить инвестиции государств и частных компаний в человека, усилить кооперативное партнерство государств и компаний, формировать более справедливые налоговые системы и создавать условия для предотвращения уплаты налогов посредством использования офшорных гаваней или схем, а также повышать уровень экономического роста⁵.

Генеральный секретарь ОЭСР Хосе Анхель Гурриа Тревиньо подчеркнул, что наступил переломный момент и не должно быть компромисса между ростом и равенством⁶. Неравенство доходов в странах ОЭСР находится на самом высоком уровне за последние полвека. Средний доход самых богатых 10% людей примерно в девять раз выше, чем у самых бедных 10% людей, согласно ОЭСР, против семикратного превышения 25 лет назад. Только в Турции, Чили и Мексике сократилось неравенство, но в последних двух странах доходы самых богатых по-прежнему более чем в 25 раз превышают доходы самых бедных. Из-за экономи-

⁵ Саммит П7 в Канаде. Achieving Growth That Works For Everyone, (2018) G-7? 2018. URL: <https://g7.gc.ca/en/official-documents/achieving-growth-works-everyone> (дата обращения: 01.02.2019).

⁶ Сайт ОЭСР. URL: <http://www.oecd.org/social/inequality.htm> (дата обращения: 01.02.2019).

ческого кризиса возросла необходимость решения проблемы неравенства. *Среднему классу* многих стран ОЭСР стали свойственны неопределенность и страх перед социальным упадком и изоляцией. Борьба с ростом неравенства стала приоритетом в программах многих политиков.

В странах с формирующейся рыночной экономикой, таких как Китай и Индия, длительный период сильного экономического роста помог вывести миллионы людей из абсолютной нищеты. Но выгоды от роста экономики распределялись неравномерно, и высокий уровень неравенства в доходах еще более возрос. Среди динамично развивающихся стран только Бразилии удалось значительно сократить неравенство, но разрыв между богатыми и бедными по-прежнему примерно в пять раз больше, чем в странах ОЭСР. В соответствии с анализом ВЭФ⁷ в 2018 г. индекс Джини за последние 10 лет вырос в Германии, Франции, Южной Корее, Австрии, США (причем существенно до уровня 47), Италии, Китае, России и Южной Африке. В 18 крупных странах мира индекс Джини несущественно колебался, но преимущественно в сторону роста, а в развивающихся экономиках имел тенденцию к росту. При этом снижение индекса Джини практически не связано с динамикой роста ВВП, но напрямую следует из политики государства. Согласно исследованию ОЭСР причинами неравенства в доходах и бедности в странах с развитой и развивающейся экономикой называются расширение экономической глобализации, технологические изменения, основанные на профессионализме и квалификации, унификация образовательных систем и неравномерность доступа к образованию в разных слоях населения, а также изменения в политике отдельных стран. Результативность государственных стратегий на национальном уровне согласно оценкам экспертов ОЭСР должна оцениваться с учетом широкого спектра стратегий, включая образование, рынок труда и социальную политику в борьбе с бедностью и содействие политике инклюзивного роста [5].

Неравенство в доходах (по данным ОЭСР) возросло или осталось на прежнем уровне в 20 из 29 стран с развитой экономикой, а уровень

бедности увеличился в 17 раз. Гражданам, родившимся в странах ОЭСР, необходимо прожить в среднем четыре поколения, чтобы по уровню доходов выйти из того же дециля, что их предки, для Индии, Китая и Венгрии — семь поколений, для США — пять поколений, для Германии, Чили, Франции и Аргентины — шесть поколений, а для ЮАР — девять поколений.

В этой связи практически во всех исследуемых странах наблюдается достаточно низкая социальная мобильность, особенно среди молодежи, что отрицательно влияет не только на уровень благосостояния населения, но и на политическую стабильность государственных систем. Чем ниже эффект социальных лифтов, тем более сильной должна быть репрессивная сила госаппарата страны [5]. Те, кто родился в малообеспеченных семьях, имеют гораздо меньше возможностей достичь не то что вершины, но уровня среднего класса, чем другие группы населения. Низкая социальная мобильность населения имеет негативные экономические, социальные и политические последствия. И для государств характерно то обстоятельство, что во всех странах богатые слои населения в основном сохранили свое состояние и влияние. В Греции увеличилась безработица. В 80% бедных семей отцы работали большую часть года в 2007 г. по сравнению с 66% бедных семей в 2014 г. За тот же период реальная минимальная заработная плата также упала примерно на 20%. В Великобритании, например, несмотря на растущий уровень занятости, экономический рост и богатство населения, пятая часть британцев проживают в бедности [6].

Если глобализация не подчиняется правилам и не регулируется, все преимущества достаются сильным и богатым [7]. Из исследований МВФ следует, что финансовая глобализация привела к «значительному увеличению неравенства», так же как к росту торговли в некоторых развивающихся странах. Аналогичным образом изменение климата является симптомом крайне неравной экономики, в которой богатые используют окружающую среду для личной выгоды⁸. «Глобализация 4.0 должна предложить новый нарратив, чтобы заменить оскорбительный, ресурсограбительский

⁷ The Inclusive Development Index 2018 Summary and Data Highlights. P. 5. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Forum_IncGrwth_2018.pdf (дата обращения: 02.02.2019).

⁸ Сайт LinkedIn. URL: <https://www.linkedin.com/pulse/climate-change-symptom-our-broken-economy-winnie-byanyima> (дата обращения: 15.01.2019).

и сексистский неолиберализм последних нескольких десятилетий. Нам понадобится гораздо больше сотрудничества между правительствами, чтобы переписать правила финансов, торговли, заработной платы и налогообложения. Только тогда мы сможем гарантировать, что „4 IR” (четвертая индустриальная революция) принесет пользу обычным людям» [8].

В этой связи эксперты ВЭФ указали на необходимость разумного сочетания стимулов и рестрикций, возможностей государственной собственности и приватизации, т.е. разумного регулирования, чтобы управлять изменениями, которые формируют жизненные условия всего человечества. Целесообразен также новый подход к налогообложению и государственным расходам. Самые богатые домохозяйства и корпорации слишком долго избегали уплачивать справедливую долю за обладание их собственностью, а также препятствовали проведению значимой реформы. Особенно разочаровывало то, что лидеры бизнеса на последней встрече в Давосе отмечали снижение налогообложения в США на 1 трлн долл. благодаря налоговой реформе, проведенной президентом США Д. Трампом. Если элиты, действующие из лучших побуждений, серьезно настроены вступить в более инклюзивную форму глобализации, они должны подкрепить свои слова делами [8]. При этом эксперты ВЭФ рассматривают исключительно возможности многосторонности как единственный способ решения политических задач. Рамки международного сотрудничества должны стать гораздо более демократичными, феминистски ориентированными и подчиненными интересам простых людей. Иными словами, только многосторонние институты в рамках неолиберального подхода мейнстрима в состоянии обуздать корпоративные злоупотребления и защитить гражданское общество от растущего авторитаризма. Ответственное, смелое руководство со стороны национальных правительств также будет необходимо для управления глобализацией 4.0. Вместо того чтобы просто пытаться манипулировать гневом граждан, политики должны понимать и устранять коренные причины недовольства.

В связи с вышеизложенным делаем вывод: в рамках ВЭФ — ведущего международного экономического форума последних десятилетий — утвердилась точка зрения, что для создания усло-

вий более справедливого распределения доходов на межстрановом и внутривнутристрановом уровне, ликвидации устойчивой бедности и создания социальных лифтов необходимо *наднациональное регулирование на основе многосторонних международных договоров*, сосредоточенное в руках международных организаций. Роль национальных правительств и политик социально-экономического выравнивания диспропорциональностей в национальных хозяйствах практически не рассматривается, так как доминирует точка зрения, что государство в условиях глобализации должно постепенно отмирать, передавая на наднациональный уровень свои компетенции.

Таким образом, в качестве базовых рекомендаций ВЭФ-2019 в части ликвидации бедности и существенного расслоения по уровню получаемых доходов среди занятых рассматривается общая рекомендация и предлагается как приоритет для управления глобализацией в рамках четвертой промышленной революции (в странах с развитой и развивающейся экономикой) заключение нового общественного договора, который обеспечит восстановление у государств чувства общей цели [9]. Но повышению ответственности государств за проведение экономической и социальной политики в настоящее время не уделяется достаточного внимания.

С таким выводом согласны не все страны. Примером управления преимуществами глобализации в рамках национальных экономик является политика президента Южной Кореи Мун Чже-ина по борьбе с неравенством на основе комбинации налогов на богатых и корпорации, повышения минимальной заработной платы и увеличения социальных расходов в стране.

Премьер-министр Новой Зеландии Д. Ардерн предложил амбициозную программу по сокращению неравенства, которая делает благополучие граждан центральным показателем успеха своего правительства.

Заслуживает внимания достаточно комплексная и сбалансированная политика руководства КНР в части ликвидации диспропорциональности доходов в обществе. В частности, меры, содействующие накоплению капитала, были поддержаны государственными субсидиями, которые способствуют технологическому прогрессу. Для стимулирования НИОКР разработаны специализированные образовательные программы,

направленные на приобретение сотрудниками соответствующей квалификации. Принимаются меры по возвращению домой так называемых «морских черепах» — квалифицированных китайцев, живущих за рубежом. В рамках Пекинской программы «Тысяча талантов», запущенной в 2009 г., «возвращенцы» могут получить исследовательский грант в размере 2 млн юаней и личное вознаграждение в размере более 500 000 юаней, а также льготы. Эта программа [10] стала причиной возвращения на родину более 7000 китайских ученых и инженеров (по состоянию на ноябрь 2017 г.). Местные органы власти, в том числе города Шэньчжэнь, также проводят стимулирующую жилищную политику, направленную на привлечение талантов и возврат специалистов. В настоящее время в КНР предпринимаются попытки уменьшения бремени подоходного налога как средства решения проблемы неравенства, что особенно актуально в условиях, когда фискальная политика «с ограниченной ролью» сыграла роль в «сдерживании неравенства доходов в Китае в 2018–2019 гг.». Расходы на образование, культуру и отдых составляют 11% потребления домашних хозяйств в Китае. Наряду с недавними льготами по подоходному налогу правительство КНР также объявило о сборе средств на социальное обеспечение с компаний для финансирования пенсий. При этом будут постепенно сокращаться налоги, взимаемые с самых бедных людей. Согласно последним изменениям в сборе средств социального обеспечения чистая прибыль машиностроительных, промышленных и телекоммуникационных компаний может снизиться на 11–15% [4].

Полагаем также целесообразным исследование положения дел с социальным неравенством в США и сокращением среднего класса в самой крупной в экономическом отношении стране мира.

В частности, в США недооценивается нематериальный капитал, завышается финансовый капитал и почти не замечается размывание человеческого и социального капиталов. Грядет серьезное замедление экономического роста [12]. Система национальных счетов США приспособлена под процесс финансовализации. В США происходит рост финансовой активности, и усилия многих экономистов направлены на приспособление финансовой деятельности к измерению национального продукта и экономического роста в США. Система учета

ВВП США не включает виды инвестиций, которые генерируют другие формы финансового капитала, увеличивающего неравенство больше, чем рост всей экономики. Кроме того, создаются скрытые возможности обесценения человеческого и социального капиталов, что может иметь негативное последствие для экономики США [11]. Сорок лет назад американцы, которые не ходили в колледж,

Эксперты ВЭФ указали на необходимость разумного сочетания стимулов и рестрикций, возможностей государственной собственности и приватизации, т.е. разумного регулирования, чтобы управлять изменениями, которые формируют жизненные условия всего человечества

могли переезжать в города и получать хорошую работу на производстве или в офисах. Но примерно с 1980 г. эти рабочие места начали исчезать отчасти вследствие офшоринга и автоматизации. К 2000 г. в основном выполнены задачи, обозначенные в Вашингтонском консенсусе⁹ 1992 г. Работники без образования, но закончившие колледжи, все чаще занимают низкоквалифицированные рабочие места и занимаются уборкой, охраной, розничной торговлей, общественным питанием и ручным трудом. А те американцы, кто этого не сделал, оказались «за бортом» рынка труда [12]. С ростом образовательного неравенства географическое неравенство также увеличивалось. Высококвалифицированные профессии все чаще требовались

⁹ «Вашингтонский консенсус» включает набор 10 рекомендаций: поддержание фискальной дисциплины (минимальный дефицит бюджета); приоритетность здравоохранения, образования и инфраструктуры среди государственных расходов; снижение предельных ставок налогов; либерализация финансовых рынков для поддержания реальной ставки по кредитам на невысоком, но все же положительном уровне; свободный обменный курс национальной валюты; либерализация внешней торговли (в основном за счет снижения ставок импортных пошлин); снижение ограничений для прямых иностранных инвестиций; приватизация; дерегулирование экономики; защита прав собственности.

в городах, в то время как низкоквалифицированные рабочие места в сфере обслуживания — за пределами городских центров. В то же время заработная плата за деятельность работников среднего звена в производстве и за работу в офисе выравнивалась между городами и сельскими районами: занятые на этих работах уже не могут получать большую часть зарплаты, переезжая в город. Таким образом, *главный путь к процветанию среднего класса* был закрыт. Американские эксперты отмечают, что на неравенство в уровнях жизни и снижении значимости среднего класса оказывает влияние процесс агломерации и кластеризации¹⁰.

В этой связи для поддержки жизненного уровня среднего класса США предназначена программа по строительству жилья в городах с целью снижения арендной платы. Другая идея состоит в том, чтобы использовать для этого исследовательские университеты путем рассредоточения работников умственного труда в менее населенных районах [13].

Однако в США имеет место расслоение между гражданами, занимающими рабочие места по уровню доходов, относимыми к среднему классу. В частности, *хорошие рабочие места* обеспечивают стабильную занятость, заработную плату и льготы среднего класса. *Перспективные рабочие места* — это должности начального уровня, занимая которые большинство работников могут найти хорошую работу в течение 10 лет. *Другие рабочие места* не обеспечивают достойную оплату, льготы или пути к хорошей работе. Эти группы рассматриваются экспертами для работников как не имеющих че-

¹⁰ *Агломерация* направлена на производителей, заставляя их размещать производства рядом друг с другом. Результатом такой деятельности является создание города с множеством различных отраслей промышленности. *Кластеризация* направлена на компании одной отрасли, их технологическую связь. Эффекты кластеризации намного сильнее в отраслях, основанных на знаниях, таких как технологии и финансы, потому что идеи — это их жизненная основа, и работники, которые живут рядом друг с другом, как правило, делятся идеями друг с другом (и с работодателями). Кластеризация также возникает из-за необходимости для работодателей иметь доступ к большому количеству квалифицированных работников. Это силы, которые питают Силиконовую долину и другие технологические кластеры. Поскольку экономика США перенесла производство за рубеж или автоматизировала его, а потребители перешли от покупки большего количества физических товаров к приобретению большего количества цифровых товаров и услуг, агломерация стала менее важной по сравнению с кластеризацией. Города дымовых труб прошлого века уступили место техническим и финансовым центрам.

тырехлетней степени бакалавра, так и имеющих, как минимум, четырехлетнюю степень бакалавра.

В 2017 г. 11,4 млн рабочих мест были заняты работниками без степени бакалавра в 100 крупнейших районах города, а еще 9,4 млн рабочих мест были отнесены к перспективным. Но это касается только 1/3 всех занятых в США без степени бакалавра работников, имеющих хорошую и многообещающую работу. В отличие от этого, 22,9 млн рабочих мест были хорошими или перспективными для высококвалифицированных рабочих в этих районах мегаполисов, что составляет 70% всех работников со степенью бакалавра [14].

Хорошие и многообещающие рабочие места для работников без степени бакалавра имеют тенденцию концентрироваться в определенных отраслях: в сервисе, строительстве, производстве и транспорте.

В докладе Группы Всемирного банка «Изменение характера работы»¹¹ указывается на изменения, обусловленные современными технологиями. Опасения по поводу лишения работы людей роботами представлены как необоснованные. Фирмы применяют новые способы производства, рынки расширяются, а общество развивается.

Технологии предоставляют новые возможности по открытию новых рабочих мест, повышению производительности труда и предоставлению эффективных государственных услуг. Компании могут быстро расти благодаря цифровизации, расширению границ деятельности и изменению традиционных моделей производства. Рост фирменных цифровых платформ означает, что технологические эффекты затрагивают большее количество людей значительно быстрее, чем ранее.

Технология меняет трудовые навыки, работники предназначаются преимущественно для решения сложных задач, адаптируясь к командной работе. Цифровые технологии также меняют способы и условия работы людей. Однако симптоматичным для данного отчета Всемирного банка являются рекомендации, предлагаемые экспертами национальным правительствам, в частности касающиеся инвестиций в человеческий капитал, которые должны быть приоритетом для правительств, чтобы работники могли приобретать

¹¹ World Development Report 2019. The changing nature of work. URL: <http://www.worldbank.org/en/publication/wdr2019#a> (дата обращения: 03.02.2019).

навыки, востребованные на рынке труда. Кроме того, правительства должны усиливать социальную защиту и распространять ее на всех людей в обществе независимо от условий, в которых они работают. Кроме того, рекомендуется применять более гибкую систему индивидуального налогообложения, чтобы обеспечивать бюджетное пространство для финансирования развития человеческого капитала и социальной защиты.

Заслуживает внимания также факт популяризации роли гражданского общества и некоммерческих организаций в ликвидации бедности. *Во-первых*, рекомендуется тем, кто находится за чертой бедности, непосредственно активно участвовать в борьбе с ней. «Это означает, что сами пострадавшие люди будут основными участниками интервенции по борьбе с бедностью»¹². *Во-вторых*, необходимо создавать организованные группы внутри сообществ, чтобы выступать в роли волонтеров, активнее привлекать к разработке проектов по ликвидации бедности непосредственно страдающих от этой бедности или нищеты слоев населения. Страдающие от нищеты или бедности люди должны иметь информацию об имеющихся возможностях, чтобы, поддерживая коллективные усилия, решать свои проблемы.

ВЫВОДЫ

Эффекты глобализации, являющейся трендом развития мировой экономики в современных

¹² Dr. Dennis Labayen. 5 Ways to Fight Poverty. URL: <https://outreach-international.org/5-ways-to-fight-poverty/> (дата обращения: 03.02.2019).

условиях, распределяются в мире неравномерно и крайне несправедливо.

Экспертное сообщество ВЭФ в качестве базовых проблем современности выделило бедность и диспропорциональность распределения доходов как на межстрановом уровне, так и внутри государств.

В рамках ВЭФ предложено рассмотреть возможность заключения общественного многостороннего договора, аккумулирующего меры, принимаемые на наднациональном уровне. Эта рекомендация четко вписывается в концепцию неолиберальной модели развития мировой экономики, продолжая развивать положения Вашингтонского консенсуса 1992 г., преследующего цель создания глобального мирового хозяйства с упразднением роли национальных государств и утратой ими национальных интересов и суверенитета.

Для ряда развитых стран (США, Германия, Франция и др.) в последнее десятилетие симптоматичным стало ухудшение условий жизни среднего класса, снижение уровня его дохода. В КНР принята комплексная программа по стимулированию национального внутреннего потребления и повышению уровня доходов для среднего класса. В США политика «Сделать Америку снова великой» направлена на повышение жизненного уровня среднего класса. Вместе с тем вопросы доступности получения образования, формирования социальных лифтов, в том числе для молодежи, формирования систем социальной защиты и пр., пока оставлены за пределами внимания национальных правительств развитых стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Arjun Jayadev. How to grow the economy while reducing inequality/APR 27, 2018. URL: <https://www.ineteconomics.org/perspectives/blog/how-to-grow-the-economy-while-reducing-inequality> (accessed 10.12.2018).
2. Does social inequality stimulate the economic growth? (On The Examples Of The Chosen Developing Countries) *Review of Business and Economics Studies*. 2018;6(1):43–55.
3. Коротаев А., Гирин Л., Билюга С., Мешерина К., Шишкина А. Economic development, sociopolitical destabilization and inequality. Социологическое обозрение. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/economic-development-sociopolitical-destabilization-and-inequality> (дата обращения: 08.12.2018).
Korotaev A., Girin L., Bilyuga S., Mesharina K., Shishkina A. Economic development, sociopolitical destabilization and inequality. *Sociological Review*. 2017 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/economic-development-sociopolitical-destabilization-and-inequality> (accessed 08.12.2018). (In Russ).
4. Anjani Trivedi. China's racing to the top in income inequality The gap starts with education levels amid a hunger for tech skills. 09.23.2018. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2018-09-23/china-s-racing-to-the-top-in-income-inequality> (accessed 06.12.2018).

5. Broken Social Elevator? How to promote social mobility. Published on June 15, 2018. OECD.
6. Emma Charlton. Why rich countries are seeing more poverty. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2018/11/why-rich-countries-are-seeing-more-poverty> (accessed 08.12.2018).
7. Balestra C. et al. Inequalities in emerging economies: informing the policy dialogue on inclusive growth. OECD Statistics Working Papers, 2018;13. OECD Publishing, Paris. DOI: [dx.doi.org/10.1787/6c0db7fb-en](https://doi.org/10.1787/6c0db7fb-en)
8. Winnie Byanyima. Globalization 4.0 can be a bright future — if we break out of the injustices of the past. URL: <https://www.weforum.org/agenda/authors/winniebyanyima&xid=17259,15700023,15700186,15700190,15700248&usg=ALkJrhjOecTakonl01Q7FzHV6xXUhwPDRQ> (accessed 08.12.2018).
9. Saadia Zahidi. Four ways we can fix economics in 2019. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2019/01/four-ways-we-can-fix-economics-in-2019>.
10. Iris Deng, Celia Chen. Home is now seen as the land of opportunity for chinese tech graduates in US. URL: <https://www.scmp.com/tech/leaders-founders/article/2140624/home-now-seen-land-opportunity-chinese-tech-graduates-us> (accessed 06.12.2018).
11. Peter Temin. The hidden decline in human capital — and the danger ahead. JAN 2, 2019. URL: <https://www.ineteconomics.org/perspectives/blog/the-hidden-decline-in-human-capital-and-the-danger-ahead> (accessed 06.12.2018).
12. Smith N. US-Economy big cities no longer deliver for low skill workers URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2019-01-22/u-s-economy-big-cities-no-longer-deliver-for-low-skill-workers> (accessed 08.12.2018).
13. Чад Ширер и Иша Шах. Изучение отраслей, которые концентрируют хорошие и перспективные рабочие места в столичной Америке. 18 декабря 2018 г. URL: https://www.brookings.edu/research/opportunity-industries/?utm_campaign=Brookings%20Brief&utm_source=hs_email&utm_medium=email&utm (дата обращения: 08.12.2018).
Chad Shirer i Isha Shakh. Study of industries that concentrate good and promising jobs in metropolitan America. 18 December 2018. URL: https://www.brookings.edu/research/opportunity-industries/?utm_campaign=Brookings%20Brief&utm_source=hs_email&utm_medium=email&utm (accessed 08.12.2018). (In Russ.).
14. Dr. Dennis Labayen. 5 ways to fight poverty. URL: <https://outreach-international.org/5-ways-to-fight-poverty> (accessed 03.02.2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виктория Вадимовна Перская — доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ, директор института исследований МЭО, Финансовый университет, Москва, Россия
VPerskaya@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Perskaya Victoria V. — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Honored Economist of the Russian Federation, Director of the Institute for International Economic Relations Research, Financial University, Moscow, Russia
VPerskaya@fa.ru

Статья поступила 04.02.2019; принята к публикации 02.04.2019.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 04.02.2019; accepted for publication 02.04.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-59-69

УДК 314.3(045)

JEL J13

Рождаемость в реальных поколениях российских женщин: тенденции и региональные различия

В.Н. Архангельский

МГУ им. М.В. Ломоносова,

Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-7091-9632>

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – тенденции рождаемости в реальных поколениях женщин в России. *Актуальность этой работы* обусловлена тем, что большинство работ, посвященных анализу динамики рождаемости в нашей стране, возможного влияния на нее мер демографической политики, основаны на использовании календарных показателей рождаемости (общий, специальный, возрастные, суммарный коэффициент и др.), которые подвержены влиянию возможных тайминговых колебаний, т.е. более раннего рождения детей в связи со складывающимися благоприятными для этого обстоятельствами. Избежать влияния этого фактора помогает использование показателей рождаемости для реальных поколений. *Цель статьи* – анализ динамики поколенческих изменений показателей рождаемости и их региональных различий.

Результаты анализа показали, что после существенного снижения среднего числа рожденных детей в поколениях женщин 1960-х – начала 1970-х гг. его величина несколько повышается у женщин середины и конца 1970-х гг. р. и, вероятно, будет еще несколько выше у женщин, родившихся в 1980-е гг. Противостоит повышению среднего числа рожденных детей в реальных поколениях снижение доли женщин, родивших хотя бы одного ребенка. Наоборот, способствует этому повышению увеличение доли женщин, родивших второго и третьего ребенка. Если доля родивших второго ребенка среди женщин, родивших первого ребенка в поколениях конца 1970-х гг. р., несмотря на существенное повышение, ниже, чем у женщин середины 1950-х гг. р., то доля родивших третьего ребенка среди женщин, родивших второго ребенка, у них выше, чем в более старших поколениях. Увеличение доли родивших второго и третьего ребенка в поколениях женщин конца 1970-х гг. р., вероятно, отчасти обусловлено активизацией мер помощи семьям с детьми, в значительной степени ориентированных на поддержку вторых и последующих рождений детей.

Если реализация мер поддержки семей с детьми в 1980-е гг. способствовала сокращению разницы в среднем возрасте матери при рождении второго и первого ребенка с 4,53 года в поколении женщин 1950 г.р. до 3,31 года в поколении 1963 г.р., то у более молодых женщин она возростала и максимальная сейчас у женщин 1975 г.р. (5,91 года). *Делается вывод* о необходимости продолжения политики поощрения рождения детей.

Ключевые слова: рождаемость; среднее число рожденных детей; реальные поколения; очередность рождения; средний возраст матери; помощь семьям с детьми

Для цитирования: Архангельский В.Н. Рождаемость в реальных поколениях российских женщин: тенденции и региональные различия. *Экономика. Налоги. Право.* 2019;12(2):59-69. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-59-69

Fertility in Real Generations of Russian Women: Trends and Regional Differences

V.N. Arkhangelskiy

Lomonosov Moscow State University,

Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-7091-9632>

ABSTRACT

The subject of the research is fertility trends in real generations of women in Russia. *The relevance of the research* stems from the fact that the majority of works devoted to the analysis of the fertility trends and the possible impact of demographic policies thereon in Russia are based on the use of calendar birth rates (total, special, age, total coefficient,

etc.) subject to timing fluctuations, e.g. earlier childbirth due to favorable circumstances. The influence of this factor can be bypassed by using birth rates for real generations. *The purpose of the paper* was to analyze the dynamics of generational changes in birth rates and their regional differences.

The results of the analysis showed that after a significant reduction in the average number of children born in the generations of women of the 1960s – early 1970s, the value slightly increased for women of the mid- and late 1970s, and would probably be somewhat higher for women born in the 1980s. The proportion of women who gave birth to at least one child is decreasing hampering the increase in the average number of children born in real generations. On the contrary, an increase in the proportion of women who gave birth to the second and third child contributes to this increase. While the share of those who gave birth to the second child among women who gave birth to the first child in the generations of the late 1970s, despite a significant increase, is lower than among women of the mid-1950s, the proportion of those who gave birth to the third child among women who gave birth to the second child, is higher than in older generations. The increase in the proportion of women in the generations of the late 1970s who gave birth to the second and third children is to some extent due to more active measures for supporting families with children that are largely focused on supporting second and subsequent births of children.

If the implementation of measures for supporting families with children in the 1980s helped to smooth out the difference in the average age of the mother who gave birth to the second and first child from 4.53 years in the generation of women born in 1950 up to 3.31 years in the generation of 1963, then in younger women the difference tended to increase and now it is the maximum for women of 1975. (5.91 years). *It is concluded* that the policy of encouraging child bearing needs to be continued.

Keywords: fertility; average number of children born; real generations; sequence of birth; average age of the mother; supporting families with children

For citation: Arkhangelskiy V.N. Fertility in real generations of Russian women: Trends and regional differences. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2019;12(2):59-69. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-59-69

ВВЕДЕНИЕ

Динамика и дифференциация рождаемости могут анализироваться посредством использования различных показателей. Обычно применяются календарные показатели рождаемости (общий, специальный, возрастные, суммарный коэффициент и др.). Наиболее корректным среди них является суммарный коэффициент рождаемости ввиду того, что он не зависит от половозрастной структуры населения и дает обобщенную характеристику уровня рождаемости. Для характеристики возрастной модели рождаемости применяют возрастные коэффициенты. Более углубленный анализ рождаемости предполагает дифференцированное использование этих показателей по очередности рождения.

Однако календарные показатели рождаемости имеют недостатки, основным из которых является зависимость от так называемых тайминговых сдвигов, когда рождение детей может откладываться под влиянием тех или иных негативных обстоятельств. В то же время возможна обратная ситуация, когда рождение ребенка происходит раньше планируемого срока, например после принятия государством мер помощи семьям с детьми. И та, и другая ситуация отразятся на календарных показателях рождаемости. Ограничения аналитических возможностей суммарного коэффициента рождаемости подробно

рассмотрены в одной из работ Т. Сobotки и В. Лутца [1]. Среди российских публикаций можно выделить статью А.Г. Вишневого [2].

В существенно меньшей степени подвержены влиянию тайминговых сдвигов показатели рождаемости для реальных поколений¹, а итоговые средние числа рожденных детей не подвержены их влиянию (за исключением случаев, когда откладывание рождения ребенка приводит к невозможности рождения или принятию решения о его нецелесообразности). При этом неправомерно отказываться от использования календарных показателей рождаемости. Итоговые средние числа рожденных детей в реальных поколениях характеризуют уровень рождаемости в недалеком прошлом, когда женщины поколений, закончивших период деторождения, находились в активном репродуктивном возрасте. Ближе к оценке текущего уровня рождаемости не итоговые средние числа рожденных детей в реальных поколениях, а те, которые регистрируются при достижении определенного возраста. Но они зависят от тайминговых сдвигов.

Как календарные индикаторы рождаемости, так и показатели для реальных поколений, имеют досто-

¹ Реальное поколение — это совокупность людей, фактически (в реальности) родившихся в один и тот же период времени (календарный год или несколько лет).

инства и недостатки. Поэтому необходимо использовать и те, и другие индикаторы.

Среди работ, посвященных анализу рождаемости в реальных поколениях в России, прежде всего выделим работы С. Захарова и Т. Фрейки [3–5], С.В. Захарова с коллегами из Института демографии Высшей школы экономики [6–9], а также статью Е.М. Андреева, посвященную анализу эффективности демографической политики, осуществлявшейся в 1980-х гг. [10].

Результаты микропереписи населения 2015 г. о числе рожденных детей анализируются в том числе в сравнении с данными предыдущих переписей и микропереписей населения в статье Е.М. Андреева и С.В. Захарова [11].

С точки зрения сравнения показателей рождаемости в реальных поколениях в России и других государствах бывшего СССР следует отметить представляющую несомненный интерес статью И.А. Курило по Украине [12].

Информацию о среднем числе рожденных детей в реальных поколениях дают переписи населения, но оценивать их можно ежегодно посредством суммирования по поколениям однолетних возрастных коэффициентов рождаемости. При этом, в отличие от переписи населения, можно подразделить среднее число рожденных детей на отдельные возрастные периоды жизни женщины и на календарные годы, а также рассчитать средний возраст при рождении как всех детей, так и по очередности рождения у женщин того или иного поколения.

Если для России в целом корректность таких расчетов не вызывает сомнений (она подтверждается сравнением расчетных величин среднего числа рожденных детей с переписными [13, с. 27–29]) и их результаты используются в работах многих специалистов, то по отношению к субъектам Российской Федерации такие расчеты почти не практикуются. В них можно предположить несколько большие различия между средними числами рожденных детей в реальных поколениях женщин по данным переписи населения и рассчитанными по возрастным коэффициентам рождаемости ввиду того, что межрегиональная миграция может становиться причиной значимого расхождения в совокупностях женщин, проживавших в регионе на момент переписи населения и входивших в число женщин, для кого рассчитывались показатели рождаемости в межпереписные годы.

Впрочем, в [10, с. 28–30] показана корректность такого расчета для 45 регионов России. Для оцен-

ки его возможности из средних чисел рожденных детей в реальных поколениях женщин по данным переписи населения 2010 г. вычитались возрастные коэффициенты рождаемости за 2002–2010 гг., и полученный результат сравнивался с данными переписи населения 2002 г.

Для установления разницы в среднем числе рожденных детей, полученном из разных источников, которая может считаться существенной, обратимся к мнению С.В. Захарова, полагающего, что «данные переписей населения 2002 и 2010 гг. хорошо согласуются между собой в отношении показателей для поколений второй половины 1940-х — 1950-х гг.» [6, с. 319], приводя в качестве доказательства величину этой разницы в целом по России, например для поколений женщин 1948–1952 гг. р. по данным переписи населения 2002 г., равную 1,88, а по переписи населения 2010 г. — 1,85; для поколений женщин 1953–1957 гг. р. — соответственно 1,83 и 1,88, т.е. в первом случае разница составляет 0,03, а во втором — 0,05 [6, с. 321]. Он также отмечает, что «данные микропереписи 1994 г. дают не очень большое (подчеркнуто — В.А.), но систематическое занижение значений показателя в средних пределах 0,05–0,08 рождения на одну женщину при сравнении с результатами для одних и тех же когорт, полученными из других источников» [6, с. 321–322]. Следовательно, можно предположить, что С.В. Захаров не считает очень большой разницу в 0,03–0,05 среднего числа рожденных детей.

Результаты расчетов показали, что в восьми регионах ни в одной группе по году рождения женщины разница между средним числом рожденных детей по данным переписи населения 2002 г. и его величиной, полученной расчетным путем, не превышает 0,03. В четырех регионах эта разница больше 0,03 (но меньше 0,05) только в возрастах женщин старше 45 лет (согласно переписи 2002 г.) и, следовательно, не связана с использованием расчетных данных за межпереписной период. В 17 регионах, наоборот, данная ситуация имеет место только у самых молодых женщин, в отношении которых в расчете не использовались, по сути дела, данные переписи, а только возрастные коэффициенты рождаемости за межпереписной период. Еще в четырех регионах это отмечается как у самых возрастных, так и у самых молодых женщин, но для поколений, находившихся в межпереписной период в активном репродуктивном возрасте, разница между фактическим и расчетным показателем не превышает 0,03. В двух регионах (республики Коми и Хакасия) эта разница

Таблица 1 / Table 1

Среднее число рожденных детей в реальных поколениях в России (на начало 2018 г.) / The average number of children born in the cohort in Russia (at the beginning of 2018)

Год рождения / Year of birth	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965	1966	1967	1968	1969	1970
Среднее число рожденных детей / The average number of children born	1,82	1,88	1,87	1,86	1,86	1,83	1,77	1,74	1,71	1,69	1,67	1,65	1,63	1,63	1,61
Год рождения / Year of birth	1971	1972	1973	1974	1975	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1983	1984	1985
Среднее число рожденных детей / The average number of children born	1,60	1,59	1,57	1,61	1,61	1,61	1,62	1,62	1,62	1,58	1,55	1,53	1,49	1,43	1,36

Источник / Source: составлено по данным / compiled by The Human Fertility Database. (URL: <http://www.humanfertility.org/cgi-bin/country.php?country=RUS&tab=asfr&t1=3&t2=4>) и по данным Росстата.

составляет 0,06 только у женщин, которые на момент переписи населения 2010 г. были старше 50 лет. Еще в десяти регионах она превышает 0,03 (но не больше 0,05) в одной или нескольких поколенческих группах женщин, находившихся в активном репродуктивном возрасте в период между переписями населения 2002 и 2010 гг. [10, с. 28–30].

Представляется, что для этих 45 регионов можно к среднему числу рожденных детей по переписи населения 2010 г. прибавлять сумму по поколениям однолетних возрастных коэффициентов ежегодно, получая, таким образом, оценочную расчетную величину этого показателя. В этом случае имеется сравнительно небольшой период времени, за который производится оценочный расчет, что обуславливает меньшую возможную накапливаемую ошибку в расчетной оценке среднего числа рожденных детей в реальных поколениях.

Анализ показателей рождаемости в реальных поколениях важен при оценке влияния на ее тенденции демографической политики. С одной стороны, эти показатели у женщин, близких к завершению репродуктивного периода, избавлены от влияния тайминговых сдвигов и дают более корректную оценку реального изменения уровня рождаемости. С другой стороны, именно в реальных поколениях изменение разницы в среднем возрасте матери при рождении детей соседних очередностей рождения позволяет косвенно судить об этих тайминговых сдвигах, проявляющихся либо в сокращении интервалов между рождениями детей, прежде всего

под влиянием усиления мер помощи семьям, либо, наоборот, в откладывании рождения последующих детей в связи с неблагоприятными условиями жизни.

Учитывая, что многие меры помощи семьям с детьми ориентированы на поддержку вторых и последующих рождений, для оценки их влияния на тенденции рождаемости целесообразно использовать показатели рождаемости в реальных поколениях, дифференцированные по очередности рождения, прежде всего доли женщин, родивших второго и третьего ребенка, среди родивших ребенка предыдущей очередности рождения. Эти показатели позволяют корректно оценивать рождаемость в реальных поколениях по очередности рождения, тогда как средние числа рожденных, например вторых или третьих детей, будут зависеть от уровня рождаемости не только этих очередностей рождения, но и предыдущих. При этом следует иметь в виду, что, как показано в статье, среднее число первых рождений сокращается в более молодых поколениях.

ДИНАМИКА РОЖДАЕМОСТИ В РЕАЛЬНЫХ ПОКОЛЕНИЯХ В РОССИИ

Среднее число рожденных детей в реальных поколениях снижалось после его некоторого повышения в поколениях женщин 1950-х гг. р., обусловленного в значительной степени реализацией мер государственной помощи семьям с детьми в 1980-е гг. Можно, видимо, говорить о достижении его минимальной величины у женщин 1973 г.р. (1,57). У женщин 1974–1976 гг. р. среднее число рожденных состав-

ляло на начало 2018 г. 1,61, а 1977–1979 гг. р. — 1,62 и до окончания репродуктивного периода может повыситься на 0,01–0,02. Таким образом, происходит небольшое увеличение среднего числа рожденных детей начиная с поколений женщин середины 1970-х гг. р. (табл. 1).

Поколенческая динамика среднего числа рожденных детей зависит от двух разнонаправленных тенденций.

С одной стороны, сокращается среднее число первых рождений или, иными словами, доля родивших хотя бы одного ребенка. Если в большинстве поколений 1950-х гг. р. величина этого показателя составляет 0,93–0,94, а у женщин 1960-х гг. р. — 0,92, то у женщин, родившихся в середине 1970-х гг., она уже не превышает 0,90, а в поколениях конца 1970-х — начала 1980-х гг. р. — еще ниже (табл. 2).

С другой стороны, несколько повышается в поколениях женщин второй половины 1970-х гг. р. среднее число вторых и третьих рождений. Среднее число вторых рождений у женщин 1958–1959 гг. р. составляет 0,67. В более молодых поколениях оно неуклонно снижается, достигая минимума (0,50) у женщин 1970–1973 гг. р., а у женщин 1977–1979 гг. р. уже на начало 2018 г. величина этого показателя составляет 0,53 и, вероятно, ее некоторое повышение до конца репродуктивного периода.

Схожая ситуация имеет место по третьим рождениям. Их среднее число снижалось с 0,19 у женщин 1954–1955 гг. р. до 0,13 у женщин 1966–1973 гг. р., а у женщин 1978–1979 гг. р. оно составляет на начало 2018 г. 0,16 (итоговое значение будет еще выше).

Для более корректной оценки рождаемости по вторым и третьим рождениям в реальных поколениях целесообразно рассчитывать доли женщин, родивших второго ребенка, среди женщин, родивших первого ребенка, и третьего ребенка — среди родивших второго ребенка. Это важно с точки зрения оценки влияния мер поддержки семей с детьми, ибо многие из них ориентированы на поддержку вторых, третьих и последующих рождений.

Доля родивших второго ребенка среди родивших первого ребенка была максимальной у женщин 1956 и 1957 гг. р. (соответственно 72,9 и 72,7%). При этом она повышалась по сравнению с более старшими поколениями (например, 1945 г.р. — 65,1%, 1950 г.р. — 67,5%), как уже отмечалось выше, и по причине реализации мер государственной помощи семьям с детьми в 1980-х гг. В поколениях 1960-х гг. р. доля родивших второго ребенка существенно сни-

жалась, достигнув минимума у женщин 1971 г.р. (54,2%). У более молодых женщин величина этого показателя неуклонно повышалась и в поколении 1979 г.р. на начало 2018 г. составляет 61,0%. Учитывая, что в 2018 г. этим женщинам 39 лет, доля родивших второго ребенка среди них возрастет. Даже у женщин 1985 г.р. (в 2018 г. им еще только 33 года) величина этого показателя (55,7%) уже близка к той величине, какая наблюдается у женщин, кто на 16 лет старше (1969 г.р. — 56,1%) (табл. 2).

С.В. Захаров отмечает, что вероятность вторых рождений сегодня еще очень далеко отстоит от значений, достигнутых в 1980-е гг. поколениями 1950–1960-х гг. р. [15].

Конечно, доля родивших второго ребенка даже в поколении 1979 г.р. с максимальной ее величиной (61,0%) далека от уровня, имевшего место у женщин 1956 и 1957 гг. р. (соответственно 72,9 и 72,7%). Но, видимо, следует учитывать, с какого уровня в реальных поколениях повышалась доля родивших второго ребенка в 1980-е гг. и с какого уровня она повышается сейчас. У женщин 1946 г.р. величина этого показателя составляет 64,3%, а у женщин, кто моложе их на 10 лет (1956 г.р.) она поднялась до 72,9%, т.е. возросла на 8,6%. У женщин 1971 г.р. она составляет 54,2% (точка минимума), а у женщин 1979 г.р. — 61,0%, т.е. прирост равен 6,8%. Таким образом, разница в приростах составляет 1,8%-ных пунктов. Это значительно меньше разницы в максимальной величине доли женщин 1950-х и 1970-х гг. р., родивших второго ребенка, которая составляет 11,9%-ных пунктов.

Доля родивших третьего ребенка среди родивших второго ребенка снижалась с 28,0% у женщин 1954 г.р. до 23,9% у женщин 1965 г.р., а в более молодых поколениях она повышается. Пока (на начало 2018 г.) ее максимальная величина у женщин 1978 г.р. равнялась 29,3%. Столь высокой величины этого показателя в России не было, по крайней мере, начиная с поколения 1944 г.р. При этом итоговая величина, видимо, будет еще выше (в 2018 г. женщинам 1978 г.р. — 40 лет) (см. табл. 2).

Представляется, что повышение доли родивших второго и третьего ребенка в значительной степени обусловлено реализацией мер поддержки семей с детьми.

Выше отмечалось, что расчет среднего числа рожденных детей в реальных поколениях на основе однолетних возрастных коэффициентов рождаемости позволяет определять средний возраст матери при

Показатели рождаемости по очередности рождения в реальных поколениях в России (на начало 2018 г.) / Fertility rates on the order of birth in cohort in Russia (at the beginning of 2018)

Год рождения / Year of birth	Среднее число первых рождений (доля родивших хотя бы одного ребенка) / The average number of first births (the proportion of mothers who have at least one child)	Доля родивших второго ребенка среди родивших первого / The proportion of mothers who have a second child among delivered first (%)	Доля родивших третьего ребенка среди родивших второго / The proportion of mothers who have a third child among delivered second (%)	Год рождения / Year of birth	Среднее число первых рождений (доля родивших хотя бы одного ребенка) / The average number of first births (the proportion of mothers who have at least one child)	Доля родивших второго ребенка среди родивших первого / The proportion of mothers who have a second child among delivered first (%)	Доля родивших третьего ребенка среди родивших второго / The proportion of mothers who have a third child among delivered second (%)	Год рождения / Year of birth	Среднее число первых рождений (доля родивших хотя бы одного ребенка) / The average number of first births (the proportion of mothers who have at least one child)	Доля родивших второго ребенка среди родивших первого / The proportion of mothers who have a second child among delivered first (%)	Доля родивших третьего ребенка среди родивших второго / The proportion of mothers who have a third child among delivered second (%)
1956	0,90	72,9	27,5	1966	0,92	60,5	24,0	1976	0,88	58,9	28,5
1957	0,93	72,7	26,9	1967	0,92	58,6	24,3	1977	0,88	59,9	29,1
1958	0,93	72,0	26,7	1968	0,92	57,2	24,5	1978	0,87	60,7	29,3
1959	0,94	70,9	26,2	1969	0,92	56,1	24,7	1979	0,87	61,0	29,1
1960	0,95	70,0	25,5	1970	0,92	54,5	25,0	1980	0,86	60,6	28,6
1961	0,94	68,9	25,0	1971	0,92	54,2	25,4	1981	0,84	60,5	27,9
1962	0,92	68,0	24,5	1972	0,91	54,9	25,7	1982	0,84	60,3	26,9
1963	0,92	66,4	24,1	1973	0,89	55,7	26,5	1983	0,83	59,9	25,3
1964	0,92	64,4	24,3	1974	0,90	56,8	27,2	1984	0,81	58,2	24,1
1965	0,92	62,4	23,9	1975	0,89	57,8	28,0	1985	0,79	55,7	22,9

Источник / Source: составлено по данным compiled by The Human Fertility Database (URL: <http://www.humanfertility.org/cgi-bin/country.php?country=RUS&tab=asfr&t1=3&t2=4>) и по данным Росстата.

рождении детей разной очередности в реальных поколениях (табл. 3).

Средний возраст матери при рождении первого ребенка повышается начиная с поколения 1970 г.р. Если у женщин 1967–1969 гг. р. он составляет 22,69 года, то у женщин 1983 г.р. — 24,35 года и, видимо, еще повысится. Его снижение у женщин 1984–1985 гг. р. не свидетельствует об изменении этой тенденции, так как у части из них первый ребенок еще появится и средний возраст при его рождении повысится.

Средний возраст матери при рождении второго и третьего ребенка, вероятно, начал повышаться с поколений середины 1960-х гг. р. Женщины 1964 г.р. родили второго ребенка, в среднем, — в 26,16 года,

а женщины 1978 г.р. — в 29,66 года. Средний возраст женщин при рождении третьего ребенка повышается с 28,84 года у женщин 1961 г.р. до 32,87 у женщин 1976 г.р. У более молодых женщин средний возраст при рождении второго и третьего ребенка пока несколько ниже, но к завершению репродуктивного периода он повысится.

С точки зрения оценки возможных тайминговых сдвигов, которые упоминались выше, важно проанализировать изменения в величине интервала между рождениями детей. Косвенно его можно оценить исходя из разницы между средним возрастом матери при рождении детей соседних очередностей. Однако следует иметь в виду, что эта разница не вполне адекватно

Таблица 3 / Table 3

Средний возраст матери при рождении детей разной очередности рождения в реальных поколениях в России (на начало 2018 г.; лет) / The average age of mothers at the birth of children of varying order of birth in cohort in Russia (at the beginning of 2018, years)

Год рождения / Year of birth	Средний возраст матери при рождении ребенка / The average age of the mother at the birth of a child			Разница в среднем возрасте матери при рождении / The difference in the average age of the mother at birth		Год рождения / Year of birth	Средний возраст матери при рождении ребенка / The average age of the mother at the birth of a child			Разница в среднем возрасте матери при рождении / The difference in the average age of the mother at birth	
	первого / first	второго / second	третьего / third	второго и первого ребенка / second and first child	третьего и второго ребенка / third and second child		первого / first	второго / second	третьего / third	второго и первого ребенка / second and first child	третьего и второго ребенка / third and second child
1956	23,15	27,27	29,89	4,12	2,62	1971	22,83	28,17	31,88	5,34	3,72
1957	23,11	27,11	29,65	4,00	2,54	1972	22,97	28,55	32,29	5,58	3,74
1958	23,07	26,94	29,38	3,87	2,44	1973	23,10	28,87	32,55	5,77	3,68
1959	22,99	26,76	29,15	3,77	2,39	1974	23,26	29,14	32,71	5,88	3,57
1960	22,96	26,53	28,95	3,57	2,42	1975	23,42	29,33	32,80	5,91	3,47
1961	22,90	26,33	28,84	3,43	2,51	1976	23,63	29,52	32,87	5,89	3,35
1962	22,89	26,24	28,89	3,35	2,65	1977	23,87	29,65	32,79	5,78	3,14
1963	22,86	26,17	28,96	3,31	2,79	1978	24,04	29,66	32,56	5,62	2,90
1964	22,81	26,16	29,18	3,35	3,02	1979	24,18	29,59	32,22	5,41	2,63
1965	22,76	26,22	29,36	3,46	3,14	1980	24,23	29,44	31,83	5,21	2,39
1966	22,71	26,39	29,75	3,68	3,36	1981	24,27	29,25	31,38	4,98	2,13
1967	22,69	26,66	30,16	3,97	3,50	1982	24,33	29,02	30,87	4,69	1,85
1968	22,69	27,01	30,57	4,32	3,56	1983	24,35	28,72	30,31	4,37	1,59
1969	22,69	27,37	30,98	4,68	3,61	1984	24,30	28,28	29,67	3,98	1,39
1970	22,74	27,76	31,45	5,02	3,69	1985	24,16	27,79	28,97	3,63	1,18

Источник / Source: составлено по данным compiled by The Human Fertility Database (URL: <http://www.humanfertility.org/cgi-bin/country.php?country=RUS&tab=asfr&t1=3&t2=4>) и по данным Росстата.

ватна величине интервала между рождениями детей. Для его расчета необходимо учитывать не просто средний возраст матери, например при рождении первого ребенка, а его величину только для женщин, у которых впоследствии родился второй ребенок.

В поколениях женщин 1950-х — начала 1960-х г.р. разница в среднем возрасте матери при рождении второго и первого ребенка сокращалась: если у женщин 1950 г.р. она составляла 4,53 года, то у женщин 1963 г.р. — 3,31. Можно предположить, что в сложившейся ситуации нашли отражения, тайминговые сдвиги, вызванные реализацией мер поддержки семей с детьми в 1980-е гг. Однако у более молодых женщин эта разница значительно возросла (пока ее

максимальная величина у женщин 1975 г.р. — 5,91 года). Вероятно, в 2000-е гг. часть семей реализовывала откладывавшиеся рождения, в том числе под влиянием дополнительных мер помощи семьям с детьми. В более молодых поколениях разница в среднем возрасте матери при рождении второго и первого ребенка несколько сокращается. Возможно, отчасти это обусловлено вероятными тайминговыми сдвигами в 2015–2016 гг. по причине предполагавшегося завершения программы федерального материнского (семейного) капитала в 2016 г. (впоследствии она была продлена до 2021 г.), но для корректного анализа нужно дождаться пока женщины этих поколений приблизятся к завершению репродуктивного периода.

Поколенческая динамика разницы в среднем возрасте матери при рождении третьего и второго ребенка носит примерно такой же характер. Отметим только, что эта разница существенно меньше разницы между рожденьями второго и первого ребенка (см. табл. 3).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ РОЖДАЕМОСТИ В РЕАЛЬНЫХ ПОКОЛЕНИЯХ

Выше отмечалась возможность оценочного расчета числа рожденных детей в реальных поколениях на основе данных переписи населения 2010 г. и однолетних возрастных коэффициентов рождаемости за послепереписной период для 45 субъектов Российской Федерации.

Среди этих регионов среднее число рожденных детей в поколении женщин 1970 г. на начало 2018 г. (они практически закончили процесс деторождения) не превышает 1,5 в Смоленской (1,44), Ярославской (1,46) Владимирской (1,47), Воронежской (1,47), Ивановской (1,47), Мурманской (1,47), Самарской (1,47) и Пензенской (1,49) областях².

В то же время наибольшее (среди рассматриваемых 45 регионов) среднее число рожденных детей у женщин этого поколения отмечается в Республиках Бурятия (1,90) и Башкортостан (1,81), Астраханской области (1,77) и в Еврейской автономной области (1,79).

Так же как в целом по России, в большинстве регионов после снижения среднего числа рожденных детей вплоть до поколений первой половины 1970-х гг. у более молодых женщин оно стабилизировалось и несколько повышается. Среди регионов, для которых можно оценивать среднее число рожденных детей в реальных поколениях в послепереписной период, по состоянию на начало 2018 г. наибольший прирост величины этого показателя по сравнению с ее минимальным уровнем в поколениях начала 1970-х гг. имеет место в Республике Карелии (на 0,11: 1973 г.р. — 1,52, 1978 г.р. — 1,63), в Курганской (на 0,11: 1970 г.р. — 1,68, 1978 г.р. — 1,79), Новгородской (на 0,11: 1972 г.р. — 1,48, 1976 г.р. — 1,59), Ивановской (на 0,09: 1972 г.р. — 1,44, 1967 и 1968 гг.р. — 1,53.) и Костромской (на 0,09: 1970 и 1972 гг.р. — 1,55, 1976, 1978 и 1979 гг.р. — 1,64) областях.

Для 33 из этих 45 регионов показатели рождаемости в реальных поколениях за послепереписной

период могут быть рассчитаны дифференцированно по очередности рождения. Среди них по состоянию на начало 2018 г. у 40-летних женщин (1977 г.р.), в отношении которых можно говорить о близкой к итоговой величине среднего числа первых рождений (доли родивших хотя бы одного ребенка), наиболее высокая ее величина (0,91) в Республике Коми, Оренбургской области и Еврейской автономной области, а самая низкая — в Псковской (0,86) и Кемеровской (0,87) областях.

Если сравнивать величину этого показателя с наибольшей в поколениях женщин, начиная с 1966 г.р., то она больше всего снизилась в Псковской области (на 0,07). На 0,06 она сократилась в Кемеровской и Челябинской областях и в Республике Хакасия.

Среди рассматриваемых регионов наибольшая доля родивших второго ребенка среди родивших первого в поколении женщин 1970 г.р. зафиксирована в Республике Башкортостан (67,6%) и Астраханской области (65,8%), а менее 50% — в Ярославской (47,1%), Ивановской (48,3%), Воронежской (49,5%), Псковской (49,5%) и Самарской (49,7%) областях.

Как уже отмечалось выше, этот показатель повышается в более молодых поколениях женщин. Среди регионов, по которым можно оценить его по состоянию на начало 2018 г., наибольший прирост доли родивших второго ребенка среди женщин, родивших первого ребенка, по сравнению с ее минимальной величиной в поколениях начала 1970-х гг. р. в более молодых поколениях с максимальной (пока) величиной этого показателя в Новгородской (на 9,3%: в поколениях женщин 1971 г.р. — 50,0%, 1983 г.р. — 59,3%), Ярославской (на 9,3%: 1972 г.р. — 46,8%, 1980 г.р. — 56,1%), Костромской (на 8,7%: 1971 и 1972 гг.р. — 55,0%, 1981 г.р. — 63,7%), Псковской (на 8,6%: 1970 г.р. — 49,5%, 1981 г.р. — 58,1%), Курской (на 8,3%: 1970 г.р. — 51,2%, 1979 г.р. — 59,5%) и Липецкой (на 8,2%: 1971 г.р. — 50,0%, 1981 г.р. — 58,2%) областях.

Еще большим был прирост доли родивших третьего ребенка среди женщин, родивших второго ребенка. Наибольшим среди рассматриваемых регионов он является в Астраханской (8,9%: в поколениях женщин 1966 г.р. — 24,5%, 1981 г.р. — 33,4%), Мурманской (8,9%: 1973 г.р. — 13,9%, 1978 г.р. — 22,8%), Новгородской (8,5%: 1966 и 1971 гг.р. — 19,1%, 1980 г.р. — 27,6%), Оренбургской (8,5%: 1967 г.р. — 21,9%, 1980 г.р. — 30,4%), Свердловской (8,5%: 1966 г.р. — 19,7%, 1979 г.р. — 28,2%), Ульяновской (8,3%: 1967 г.р. — 15,3%, 1980 г.р. — 23,6%), Калужской (8,2%: 1966 г.р. — 18,5%,

² Здесь и далее показатели рассчитаны по данным Росстата.

1979 г.р. — 26,7%), Кемеровской (8,2%: 1968 г.р. — 20,2%, 1979 г.р. — 28,4%) и Костромской (8,0%: 1968 г.р. — 17,0%, 1979 г.р. — 25,0%) областях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования показали, что среднее число рожденных детей в России существенно снижалось в поколениях женщин 1960-х гг.р. и достигло минимума у женщин 1973 г.р., составив 1,57. Дальнейшего снижения величины этого показателя не происходит, и у женщин 1977–1979 гг.р. он равен 1,62 (на начало 2018 г.).

Такое изменение среднего числа рожденных детей в поколениях 1970-х гг.р. является результатом, с одной стороны, снижения среднего числа первых рождений (доли женщин, родивших хотя бы одного ребенка), а с другой стороны, повышением среднего числа вторых и третьих рождений, что вызвано, вероятно, отчасти активизацией помощи семьям с детьми, которая в значительной степени ориентирована на поддержку именно вторых и третьих рождений.

Если говорить о поколениях 1970-х гг.р., то максимальная доля женщин, родивших второго ребенка, среди родивших первого ребенка пока зафиксирована в поколении 1979 г.р. На начало 2018 г. она состав-

ляет 61,0% и, видимо, немного повысится до конца репродуктивного периода этих женщин (у женщин начала 1980-х гг.р. она, видимо, будет несколько выше). Это значительно меньше, чем, например, у женщин 1956 г.р. (72,9%), но существенно выше по сравнению с минимальным значением у женщин 1971 г.р. (54,2%).

Доля родивших третьего ребенка среди родивших второго сейчас максимальная у женщин 1978 г.р. (29,3%). Столь большой она не была по крайней мере с поколения женщин 1944 г.р. В 2018 г. женщинам 1978 г.р. исполнилось 40 лет, и итоговая величина этого показателя у них, вероятно, будет еще выше.

Во многих регионах России в поколениях женщин конца 1970-х — начала 1980-х гг.р. произошло существенное повышение доли родивших второго и третьего ребенка, по сравнению с поколениями женщин начала 1970-х гг.р. Среди регионов, для которых можно сделать оценку величины этого показателя на начало 2018 г., наибольший прирост (на 8,5% и более) доли родивших второго ребенка среди родивших первого произошел в Новгородской, Ярославской, Костромской и Псковской областях, а доли родивших третьего ребенка среди женщин, родивших второго ребенка, — в Астраханской, Мурманской, Новгородской, Оренбургской и Свердловской областях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Sobotka T., Lutz W. Misleading policy messages derived from the period tfr: should we stop using it? *Comparative Population Studies — Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft*. 2010;35(3):637–664. URL: <http://www.comparativepopulationstudies.de/index.php/CPoS/article/view/54> (дата обращения: 06.01.2019). DOI: 10.4232/10.CPoS-2010-15en
2. Вишневецкий А.Г. Демографический прорыв или движение по кругу? *Демоскоп Weekly*. 2012;(533–534). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0533/demoscope533.pdf> (дата обращения: 08.01.2019).
3. Фрейка Т., Захаров С. Эволюция рождаемости в России за полвека: оптика условных и реальных поколений. *Демографическое обозрение*. 2014;1(1):106–143. URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/1828/2551> (дата обращения: 06.01.2019). DOI: doi.org/10.17323/demreview.v1i1.1828
4. Frejka T., Zakharov S. Comprehensive analyses of fertility trends in the Russian Federation during the past half century. MPIDR Working Paper, WP. 2012–027. URL: <https://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2012-027.pdf> (дата обращения: 10.01.2019).
5. Frejka T., Zakharov S. The apparent failure of Russia's pronatalist family policy. *Population and Development Review*. 2013;39(4):635–647. URL: https://www.researchgate.net/publication/259551657_The_Apparent_Failure_of_Russia's_Pronatalist_Family_Policy (дата обращения: 09.01.2019). DOI: 10.1111/j.1728-4457.2013.00631.x)
6. Захаров С.В., Исупова О.Г., Сакевич В.И. Долговременные тенденции рождаемости в России в свете переписи населения 2010 г.; Рождаемость реальных поколений: первые признаки роста? *Население России 2010–2011*. М.: Изд. дом Высш. школы эконом. 2013:318–332. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r10_11/akrobat/glava7.pdf (дата обращения: 06.01.2019).
7. Захаров С.В., Исупова О.Г., Сакевич В.И., Ракша А.И. Рождаемость реальных поколений: есть повод для оптимизма? *Население России 2014*. М.: Изд. дом Высш. школы эконом.; 2016:131–141. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r14/akrobat/glava4.pdf (дата обращения: 06.01.2019).

8. Захаров С.В., Сакевич В.И. Рождаемость и планирование семьи. Население России 2015. М.: Изд. дом. Высш. школы эконом.; 2017:112–185. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r15/acrobat/glava3.pdf (дата обращения: 05.01.2019).
9. Захаров С.В., Андреев Е.М., Сакевич В.И. Рождаемость и планирование семьи в России: новейшие тенденции в свете результатов микропереписи населения 2015 г. и на фоне долговременных процессов. Население России 2016. М.: Изд. дом Высш. школы эконом.; 2018:186–259. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r16/acrobat/glava7.pdf (дата обращения: 09.01.2019).
10. Андреев Е.М. Конечный эффект мер демографической политики 1980-х в России. *Мир России*. 2016;25(2):68–97. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4903/5268> (дата обращения: 09.01.2019).
11. Андреев Е.М., Захаров С.В. Микроперепись — 2015 ставит под сомнение результативность мер по стимулированию рождаемости. *Демоскоп Weekly*. 2017;(711–712). URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0711/tema01.php> (дата обращения: 06.01.2019).
12. Курило І.О. Народження других та третіх дітей в Україні: реальні та умовні покоління жінок. *Демографія та соціальна економіка*. 2018;(2):38–52. URL: [http://dse.org.ua/archive/33/2\(33\)_2018.pdf](http://dse.org.ua/archive/33/2(33)_2018.pdf) (дата обращения: 06.01.2019). DOI: doi.org/10.15407/dse2018.02.38
13. Архангельский В.Н. Трансформация показателей рождаемости в реальных поколениях российских женщин. *Народонаселение*. 2014;(3):26–41. URL: http://www.isesp-ras.ru/images/narodonaselenie/2014_3.pdf (дата обращения: 06.01.2019).
14. Архангельский В.Н. Рождаемость в реальных поколениях — возможность оценить прошлое и заглянуть в будущее. Динамика и инерционность воспроизводства поколений в России и СНГ. Мат. VII Уральского демографического форума, г. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. 2016;(1):24–38. URL: https://orbi.uliege.be/bitstream/2268/209982/1/%D0%A2%D0%9E%D0%9C%201_10.10.pdf (дата обращения: 08.01.2019).
15. Захаров С. Скромные демографические результаты пронаталистской политики в контексте долговременной эволюции рождаемости в России. Часть 2. *Демографическое обозрение*, 2016;3(4):6–26. URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/3203/2785> (дата обращения: 06.01.2019). DOI: doi.org/10.17323/demreview.v3i4.3203

REFERENCES

1. Sobotka T., Lutz W. Misleading policy messages derived from the period tfr: should we stop using it? *Comparative Population Studies — Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft*. 2010;35(3):637–664. URL: <http://www.comparativepopulationstudies.de/index.php/CPoS/article/view/54> (accessed on 06.01.2019). DOI: [10.4232/10.CPoS-2010-15en](https://doi.org/10.4232/10.CPoS-2010-15en)
2. Vishnevskii A.G. Demographic breakout or movement in a circle? *Demoscope Weekly*. 2012;(533–534). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0533/demoscope533.pdf>. (In Russ.) (accessed 08.01.2019).
3. Frejka T., Zakharov S. Fertility trends in Russia during the past half century: period and cohort perspectives. *Демографическое обозрение = Demographic Review*. 2014;1(1):106–143. URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/1828/2551> (accessed 06.01.2019). (In Russ.). DOI: doi.org/10.17323/demreview.v1i1.1828
4. Frejka T., Zakharov S. Comprehensive analyses of fertility trends in the Russian Federation during the past half century. MPIDR Working Paper, WP. 2012–027. URL: <https://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2012-027.pdf> (accessed 10.01.2019).
5. Frejka T., Zakharov S. The apparent failure of Russia's pronatalist family policy. *Population and Development Review*. 2013;39(4):635–647. URL: https://www.researchgate.net/publication/259551657_The_Apparent_Failure_of_Russia's_Pronatalist_Family_Policies (accessed 09.01.2019). DOI: [10.1111/j.1728-4457.2013.00631.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2013.00631.x)
6. Zakharov S.V., Isupova O.G., Sakevych V.I. Long-term trends in fertility in Russia in the light of the 2010 census; fertility of cohort: the first signs of growth? Heritage of Russia 2010–2011. 18th–19th annual demographic report. Moscow: Publishing house of Higher school of Economics; 2013:318–332. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r10_11/akrobat/glava7.pdf (accessed 06.01.2019). (In Russ.).
7. Zakharov S.V., Isupova O.G., Sakevych V.I., Raksha A.I. Fertility of cohort: is there cause for optimism? Heritage of Russia 2014. Moscow: Publishing house of Higher school of Economics; 2016:131–141. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r14/acrobat/glava4.pdf (accessed 06.01.2019). (In Russ.).

8. Zakharov S.V., Sakevych V.I. Fertility and family planning. *Heritage of Russia*. 2015. Moscow: Publishing house of Higher school of Economics; 2017:112–185. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r15/acrobat/glava3.pdf (accessed 05.01.2019). (In Russ.).
9. Zakharov S.V., Andreev E.M., Sakevych V.I. Fertility and family planning in Russia: the latest trends in the light of the results of the microcensus 2015 population, and against the background of longer-term processes. *Heritage of Russia* 2016. Moscow: Publishing house of Higher school of Economics; 2018:186–259. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r16/acrobat/glava7.pdf. (accessed 09.01.2019). (In Russ.).
10. Andreev E.M. The Final effects of Russia's demographic policies of the 1980s. *Mir Rossii = Universe of Russia*. 2016;25(2):68–97. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4903/5268> (accessed 09.01.2019). (In Russ.).
11. Andreev E.M., Zakharov S.V. Microcensus-2015 casts doubt on the effectiveness of measures to stimulate the fertility. *Demoscope Weekly*. 2017;(711–712). URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0711/tema01.php> (accessed 06.01.2019). (In Russ.).
12. Kurylo I.O. Cohort and period fertility by second and third birth orders in Ukraine. *Demografiya ta sotsial'na ekonomika = Demography and Social Economy*. 2018;(2):38–52. URL: [http://dse.org.ua/archive/33/2\(33\)_2018.pdf](http://dse.org.ua/archive/33/2(33)_2018.pdf) (accessed 06.01.2019). (In Ukrain.). DOI: doi.org/10.15407/dse2018.02.38
13. Arkhangelskiy V.N. Transformation of fertility indicators in the cohort of Russian women. *Narodonaselenie = Population*. 2014;(3):26–41. URL: http://www.isesp-ras.ru/images/narodonaselenie/2014_3.pdf (accessed 06.01.2019). (In Russ.).
14. Arkhangelskiy V.N. Cohort fertility — the opportunity to appreciate the past and look to the future. Dynamics and the inertia of the reproduction of the generations in Russia and the CIS. Materials of VII Ural demographic Forum with international participation. Ekaterinburg, Institute of economics, the Ural branch of Russian Academy of Sciences. 2016;(1):24–38. URL: https://orbi.uliege.be/bitstream/2268/209982/1/%D0%A2%D0%9E%D0%9C%201_10.10.pdf (accessed 08.01.2019). (In Russ.).
15. Zakharov S.V. Modest demographic results of the pronatalist family policy in the context of long-term evolution of fertility in Russia. Part 2. *Demograficheskoe obozrenie = Demographic Review*. 2016;3(4):6–26. URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/3203/2785> (accessed 06.01.2019). (In Russ.). DOI: doi.org/10.17323/demreview.v3i4.3203

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Николаевич Архангельский — кандидат экономических наук, заведующий сектором, Центр по изучению проблем народонаселения МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Международной лаборатории демографии и человеческого капитала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии, Институт социально-политических исследований РАН (ИСПИ РАН); Москва, Россия
archangelsky@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Arkhangelskiy Vladimir N. — Cand. Sci. (Econ.), Head of Sector, the Center for Population Studies of Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher at the International Laboratory of Demography and Human Capital of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA); Leading Researcher at the Center for Social Demography, the Institute for Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia
archangelsky@yandex.ru

Статья поступила 15.01.2019; принята к публикации 20.03.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 15.01.2019; accepted for publication 20.03.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-70-82

УДК 314.5,314.6,316.4(045)

JEL C49, J12

Идеальная модель семьи в глазах россиян и стратегия по повышению ценности семейного образа жизни

О.В. Кучмаева

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0003-0386-857X>

АННОТАЦИЯ

Актуальность данной работы обусловлена тем, что стратегия по формированию идеальной модели семьи становится составным элементом семейной и демографической политики. Концептуальным основанием стратегии государственной семейной политики в России выступает положение о необходимости возрождения традиционной модели семьи и семейных ценностей. Однако в значительной части случаев принимаемые законодательными и исполнительными органами власти меры, направленные на поддержку института семьи, не опираются на доказательные результаты эмпирических исследований. *Предмет исследования* – установление ценности семьи и семейной жизни в системе жизненных ценностей россиян. *Цель работы* – выявление особенностей отношения россиян к семье и идеальной модели семьи у различных групп населения с использованием методов многомерного статистического анализа. Информационную базу статьи составили результаты выборочного исследования, проведенного в рамках гранта РФФИ 15–02–00203 «Разработка методологии статистической оценки демографической безопасности в условиях глобализации» и охватившего 728 человек.

Данные демографической статистики и переписей населения свидетельствуют о трансформации модели семьи и демографического поведения россиян. Семьи дифференцированы по числу детей; в структуре семей преобладают нуклеарные семьи; при росте брачной рождаемости в последние годы значительная часть детей рождается вне брака. Наблюдается тренд в сторону увеличения возраста матери при рождении ребенка. Результаты исследования демонстрируют мозаичность взглядов россиян на желаемую модель семьи и позволяют утверждать, что среди россиян немного сторонников традиционной семьи с четко закрепленными патриархальными внутрисемейными ролями. Использование методов статистического анализа (факторного анализа, двухэтапного кластерного анализа, построения дерева целей) позволило выявить группы характеристик, отражающих традиционные и современные семейные ценности. *Сделан вывод*, что выбор желаемой модели семьи определяется жизненной стратегией россиян. Для значительной части россиян семья выступает прежде всего в роли психологического убежища. В обществе присутствуют различные представления о модели семейной жизни, и эффективная семейная политика должна учитывать это многообразие.

Ключевые слова: семья; семейная политика; семейные ценности; модель семьи; роль семьи; дерево целей; факторный анализ

Для цитирования: Кучмаева О.В. Идеальная модель семьи в глазах россиян и стратегия по повышению ценности семейного образа жизни. *Экономика. Налоги. Право.* 2019;12(2):70-82. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-70-82

The Ideal Family Model in the Eyes of Russians and a Strategy of Enhancing the Value of the Family Lifestyle

O.V. Kuchmaeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-0386-857X>

ABSTRACT

The relevance of the research work is due to the fact that the ideal family model strategy is becoming an integral component of the family and demographic policies. The need to revive the traditional family model and family values forms the conceptual basis for the government family strategy in Russia. However, in most cases, the measures taken by legislative and executive authorities to support the institution of the family do not rely on evidence-based results of empirical research. *The subject of the research* is the establishment of the value of family and family life in the system

of life values of Russians. *The purpose of the research* was to identify the specific features of the attitude towards the family and the ideal family model in different population groups in Russia using the methods of multivariate statistical analysis. The results of the sample study conducted in the framework of the RFBR grant 15-02-00203 "Development of a methodology for statistical evaluation of demographic security in the context of globalization" covering 728 people constitute the information base of the paper.

Data of demographic statistics and population censuses testify to the transformation of the family model and the demographic behavior of Russians. Families are differentiated by the number of children; nuclear families dominate in the family structure; with the growth of marriage birth rates in recent years, a significant proportion of children are born out of wedlock. The age of mothers giving birth tends to increase. The results of the study demonstrate the diversity of the views of Russians on a desired family model and suggest that the traditional family with clearly defined patriarchal intra-family roles does not gather majority support among Russians. The use of statistical analysis methods (factor analysis, two-stage cluster analysis, an objectives tree) made it possible to identify groups of characteristics reflecting traditional and modern family values. *It is concluded* that the choice of a desired family model is determined by the life strategy accepted by Russians. For a large part of Russians, the family is primarily a psychological haven. Meanwhile, in society there is a variety of opinions on the model of family life, and an effective family policy must take into account this diversity.

Keywords: family; family policy; family values; family model; role of the family; objectives tree; factor analysis

For citation: Kuchmaeva. O.V. The ideal family model in the eyes of Russians and a strategy of enhancing the value of a family lifestyle. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2019;12(2):70-82. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-70-82

ВВЕДЕНИЕ

Семья традиционно для всех групп российского общества является терминальной ценностью [1–7]. Однако идеальная модель семьи в системе ценностей человека не остается постоянной. Изменение отношения к семье в современном российском обществе происходит на фоне важнейших глобальных ценностных изменений в мире, определяющих поведение людей в различных жизненных ситуациях и находящих отражение в индивидуализации личной и семейной жизни, являющейся следствием расширения свободы выбора людей. Человек самостоятельно формирует стратегию своего поведения, реализует новые, в том числе относительно нераспространенные стили поведения, становится ответственным за свои поступки. Утверждение индивидуализма в качестве общественного мировоззрения означает признание высшей ценности уникальной человеческой жизни и интересов отдельного человека [8]. Но широкое распространение такой идеологии ведет к снижению роли социальных норм, ослаблению институализированных форм в обществе, потере легитимности социальных институтов, в том числе института семьи [9].

В рамках демографических исследований изменение репродуктивных и matrimoniaльных ценностей нашло отражение в теории *первого демографического перехода*, при котором «помыслы человека сосредоточены на самореализации... и это находит отражение в формировании семьи, уста-

новках в отношении регулирования рождений и мотивах родительства» [10]. Формируется модель демографического поведения, характеризующаяся гибким подходом к выбору жизненного пути, множеством различных стилей жизни [11]. В [12] отмечается, что, в отличие от первого перехода, *суть второго демографического перехода* проявляется в изменении мотивов формирования семьи, установок в отношении рождения детей, а также мотивации к родительству.

Такая трансформация затрагивает систему ценностей, побуждает государство к поиску новых форм и мер семейной политики, направленных на сохранение и укрепление престижа семьи и семейного образа жизни, признание общественной и личной значимости семейной жизни [13].

СЕМЬЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА

Важный этап в развитии официальной парадигмы семейной политики в нашей стране связан с утверждением распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г., исходящей из необходимости возрождения традиционной модели семьи при разработке и реализации государственной семейной политики.

Однако следует иметь в виду, что именно традиционные общества предполагали также в большинстве случаев патриархальный уклад общественной

и социальной жизни, характерный и для модели семейных отношений. По традиции считалось, что женщина должна хранить очаг и воспитывать детей, а не заниматься профессиональной деятельностью и тем более политикой наравне с мужчинами. Так, с 1906 по 1917 г. в период существования первой Государственной Думы Российской империи женщины не могли не только избираться в Думу, но даже голосовать на выборах. Когда в официальных документах речь заходит о значении возрождения традиционной семьи, не всегда ясно, что понимается под традиционной семьей, какие аспекты берутся в расчет: исключительно демографические параметры — количество детей в семье, ее структура или же распределение ролей, масштабность экономической функции, самостоятельность членов семьи как малой группы в принятии решений.

Исследователи отмечают, что предлагаемая в государственных документах модель традиционной семьи во многом оторвана от современных реалий. Более того, меры социальной поддержки для различных групп семей с детьми, например семей с детьми с ограниченными возможностями или многодетных семей, включая развитие социальной инфраструктуры, облегчение доступа к образованию и улучшение качества медицинских услуг, не соответствуют основной сущности традиционной семьи, т.е. ее автономности и независимости от государства [14].

Безусловно, государство может постулировать желаемый с точки зрения общественного развития образ и тип семьи, семейных отношений, но насколько реализуемы и эффективны будут в этом случае предлагаемые стратегии, насколько они будут востребованы обществом, отражать глубинные интересы и ценности людей? Исследования показывают, что семейная политика может быть успешной при условии, что «она учитывает многообразие жизненных планов людей» [15].

Попытки государства искусственно способствовать распространению традиционалистских институтов и ценностей приводят в современном обществе к снижению уровня рождаемости: люди предпочитают не заводить ребенка в условиях, не соответствующих их ценностям и жизненным установкам. Если государством реализуется социальная политика, направленная на создание возможностей для самореализации индивида, фокусирующаяся «на стимулировании того, чтобы собственные интересы, цели и ценности индивида

могли реализоваться как можно скорее», то происходит реализация репродуктивных намерений индивида, что способствует относительно более высокому уровню рождаемости [16].

Исследования подтверждают многовариантность жизненных стратегий и ценностей россиян [3]. Институт семьи в России характеризуется значительной мозаичностью, многообразием моделей, включающих и патриархальную, и современную модели.

Несмотря на рост рождаемости, в том числе под воздействием мер семейно-демографической политики, в структуре домохозяйств с детьми преобладающее место занимают однодетные семьи. К 2015 г. доля однодетных домохозяйств сократилась до 59,8%¹ (65,5% в 2010 г.²) на фоне увеличения доли двухдетных домохозяйств до 31,1% (27,5% в 2010 г.), а трехдетных — до 9,1% (2010 г. — 7,0%) в структуре домохозяйств с детьми.

Кроме того, среди семейных домохозяйств увеличилось относительное число полных семей (с двумя родителями): если в 2002 г.³ число полных семей в три раза превышало число семей с одним родителем (неполные семьи), то в 2015 г. превышение достигло 3,3 раза. Увеличивается число детей, родившихся в зарегистрированном браке: если в 2005 г. доля детей, родившихся вне брака, достигала практически 30%, то к 2016 г. она сократилась до 21%⁴. Значительно различается количество детей в полных и неполных семьях. В структуре полных семей с детьми на долю однодетных приходится лишь 55,6%, а в структуре неполных — однодетных семей 72,8%.

Вместе с тем определенное нивелирование гендерных стереотипов в брачной и семейной жизни привело к тому, что среди неполных семей увеличилось число отцовских семей: если в 2002 г. число неполных семей с родителем-матерью в 11 раз превышало число семей с единственным роди-

¹ Данные микропереписи населения России 2015 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 10.01.2019).

² Данные Всероссийской переписи населения 2010 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 10.01.2019).

³ Данные Всероссийской переписи населения 2002 г. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=18>.

⁴ Рассчитано по: Демографический ежегодник России — 2017. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_16/Main.htm (дата обращения: 10.01.2019).

телем-отцом, то к 2015 г. разрыв сократился до девяти раз.

Меняется брачный состав населения России. В структуре населения бракоспособного возраста сокращается доля состоящих в зарегистрированных браках при увеличении доли лиц, выбравших для себя незарегистрированный брак. Так, за 2002–2010 гг. доля состоящих в зарегистрированном браке мужчин (в возрасте старше 16 лет) сократилась с 565 до 531 на 1000 человек. В то же время доля состоящих в незарегистрированном браке увеличилась с 61 до 81 человека. Для женщин соответствующие показатели составили 474 и 441 из 1000 для состоящих в зарегистрированном браке и 51 и 67 женщин — для незарегистрированных браков. Особенно значителен уровень незарегистрированных браков для лиц в возрастах до 44 лет. Так, выборочное наблюдение репродуктивных планов населения, проведенное Росстатом в 2017 г.⁵, показало, что доля состоящих в фактических брачных отношениях в возрасте до 25 лет составила 38,6% для женщин и 46,7% — для мужчин, в возрасте 25–29 лет — 20,0 и 22,3% соответственно. Подобные показатели свидетельствуют о снижении значимости официальной регистрации брачных отношений.

Увеличивается средний возраст матери при рождении ребенка. Если средний возраст для совокупности матерей, родивших первого ребенка до 1994 г., составил 19,1 лет, то к периоду 2015–2017 гг. он увеличился до 26,6 лет. За этот же период средний протогенетический интервал (период от заключения брака до рождения первого ребенка) увеличился в три раза. Растет доля респондентов, использующих контрацептивные средства в браке до рождения первого ребенка (среди женщин в возрастах до 25 лет она выросла до 48,8%) с целью отложить момент появления детей. Рождение ребенка перестает быть первоочередной задачей создания семьи.

Исследования подтверждают наличие в России изменений, характерных для эпохи второго демографического перехода⁶ [17]. В частности, до

недавнего времени результаты исследований демонстрировали устойчивость достаточно традиционного распределения обязанностей в семье. Однако в настоящее время в семье отсутствует «четкая поляризация родительских ролей» [18], а в повседневность и функции семьи вторгаются новые социальные акторы [19]. По данным мониторинга ВЦИОМ подавляющее большинство россиян выступают за равенство супругов в семейных отношениях: так, в 2018 г. 82% респондентов дали ответ, что, по их мнению, так должно быть в семье, а 72% состоящих в браке (или в фактических брачных отношениях) ответили, что в своей семейной жизни принимают решения совместно (с 2009 г. 34%, т.е. этот показатель увеличился более чем в два раза)⁷.

Ряд авторов полагают, что, по сути, попытку реновации традиционных ценностей в рамках стратегии семейной политики в России трудно считать успешной в силу отсутствия единства взглядов на семью и социальную политику среди россиян [14].

Вместе с тем необходимо учитывать, что в России для нынешнего этапа культурной модернизации характерна частичная десекуляризация общественного сознания, свидетельствующая об определенном ренессансе традиционализма [3].

Однако, делая вывод о ренессансе традиционных ценностей, следует отметить, что Россия не является единственным исключением. Глобальные идейные сдвиги могут приводить к «фундаменталистским» реакциям. В различных обществах поведение людей может характеризоваться различными наборами установок, мотиваций, норм и практик, которые тесно взаимосвязаны «со спектром желаний и возможностей, доступных индивидам в рамках данной социально-экономической среды» [20].

Подобные реакции могут замедлять тенденции второго демографического перехода, приводить к территориальной дифференциации процессов, «но они не могут полностью остановить его ход» [21].

Тем самым складывается ситуация, при которой логика официальной модели семейной политики

перехода Р. Лестег и Д. Ван де Каа доказывают, что современная демографическая ситуация и главная ее особенность — снижение рождаемости ниже уровня, обеспечивающего простое воспроизводство населения, обусловлены принципиально иными причинами по сравнению со снижением рождаемости во время первого демографического перехода.

⁷ Равенство в семье: от деклараций — к реальности? База данных опросов ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8981> (дата обращения: 10.01.2019).

⁵ Данные Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2017 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN_17/index.html (дата обращения: 10.01.2019).

⁶ Демографический переход — исторически быстрое снижение рождаемости и смертности, в результате чего воспроизводство населения сводится к простому замещению поколений. Авторы концепции второго демографического

в России не учитывает глобальных тенденций изменений демографического и семейного поведения россиян, позволяя сомневаться в ее эффективности.

ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ

В ходе опроса респондентов в рамках исследования «Разработка методологии статистической оценки демографической безопасности в условиях глобализации»⁸, проведенного в 2016 г., была предпринята попытка выявить и сопоставить мнения представителей различных поколений о семье. В ходе реализации проекта были опрошены 728 человек, в том числе 337 родителей (в возрасте до 50 лет), имеющих детей, 229 представителей молодежи (18–30 лет) и 162 подростка (15–17 лет). Опрос проводился методом анкетирования. Выборка репрезентативна для городского населения в возрасте от 15 до 50 лет, статистическая ошибка выборки не превышает 3,5%. В рамках данной статьи использованы результаты анкетирования лиц в возрасте от 17 до 50 лет. В ходе проведения опроса выдвигалась гипотеза, что представления о желаемой модели семьи отличаются в различных группах респондентов и меняются в представлении поколений под воздействием культурологических и социально-экономических факторов. Для проверки гипотезы были использованы методы статистического анализа данных, в частности методы факторного анализа, двухэтапного кластерного анализа и построения дерева целей. Это позволило выявить группы взаимосвязанных факторов (компонент) на основе представлений россиян о характеристиках идеальной семьи, а также определить группы респондентов с точки зрения их отношения к значимости семьи и детей как параметров жизненного успеха.

МОДЕЛЬ ИДЕАЛЬНОЙ СЕМЬИ: МЕСТО ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Для выявления отношения респондентов к характеристикам традиционной и современной модели семьи в ходе опроса им предлагался ряд вариантов ответа на вопрос: «С какими взглядами на семью вы согласны?». Маркерами традиционной модели семейных отношений выступали следующие характеристики: «нужно венчаться в церкви», «брак должен быть обязательно заре-

гистрирован», «семья без детей — это не семья», «забота о детях — обязанность женщины», «девушка должна сохранять девственность до свадьбы», «хорошая жена всегда покорна своему мужу», «одиноким человеком не может быть счастлив», «семья — это прежде всего большой труд и терпение». В то же время были выбраны следующие основные характеристики современной модели семьи: «при заключении брака надо оформлять брачный контракт», «регистрировать брак не обязательно», «сохранять семью с нелюбимым человеком не стоит», «развод — это нормально», «чтобы быть счастливым, необязательно создавать семью», «чтобы завести и воспитать ребенка, необязательно вступать в брак».

Ответы респондентов на вопрос: «С какими взглядами на семью вы согласны?» — свидетельствуют о том, что среди россиян насчитывается немного сторонников традиционной семьи с четко закрепленными патриархальными внутрисемейными ролями. Выяснилось, что крайне мало сторонников исключения отца из воспитательного процесса («забота о детях — обязанность женщин») — от 6,2% родителей до всего 3,5% подростков. Сохранение девственности до свадьбы, т.е. отсутствие добрачных сексуальных связей для женщин, является значимым лишь для 7% опрошенных.

Покорность жены мужу не ценится среди поколения родителей — всего около 6% респондентов разделяют это мнение.

При всем многообразии характеристик идеальной семьи, представленных в ходе опроса, интерес представляет их взаимосвязь. Можно предположить, что результаты выбора вариантов ответа определяются логикой жизненного стиля, моделями поведения респондентов.

Факторный анализ позволяет выявить группы взаимосвязанных факторов. Так, в рамках исследования «Поколение и гендер» факторный анализ позволил выявить структуру социальных норм, относящихся к супружеству и родительству, подтвердил наличие традиционных и модернистских нормативных установок в российском обществе [22].

Факторный анализ (проведенный методом главных компонент) дал возможность сгруппировать основные характеристики идеальной с точки зрения респондентов семьи (14 факторов) в шесть компонент (собственные значения которых больше 1, полная объясненная дисперсия — 58%). Величина

⁸ Грант РФФИ 15-02-00203.

критерия *Kaiser–Meyer–Olkin*⁹ демонстрирует приемлемую адекватность выборки для факторного анализа (0,65). Критерий сферичности Бартлетта¹⁰ позволяет сделать вывод о статистически достоверном результате ($p < 0,01$): корреляции между переменными значимо отличаются от 0 [23].

Можно утверждать, что респонденты чаще склоняются к выбору вариантов ответов, характеризующих определенную модель семейных отношений, которую можно охарактеризовать как традиционную или современную.

Первая компонента включает четыре фактора — «сохранять семью с нелюбимым человеком не стоит», «развод — это нормально», «чтобы быть счастливым, необязательно создавать семью», «чтобы завести и воспитать ребенка, необязательно вступать в брак» (см. таблицу), и они характеризуют достаточно современное отношение к семье. Компонента 2 объединяет шесть факторов — «нужно венчаться в церкви», «семья без детей — это не семья», «девушка должна сохранять девственность до свадьбы», «одиноким человеком не может быть счастлив», «семья — это прежде всего большой труд и терпение». В отдельные компоненты выделились факторы «при заключении брака надо оформлять брачный контракт» (компонента 3), «забота о детях — обязанность женщин» (компонента 4), «хорошая жена всегда покорна своему мужу» (компонента 5), «регистрировать брак необязательно» (компонента 6). Мнения респондентов в отношении этих позиций (компоненты 3–6) не связаны ни с патриархальными, ни с современными взглядами на семейные отношения.

На основе проведенного анализа взаимосвязи ответов респондентов на вопрос о характеристиках идеальной модели семьи (по их мнению) можно сделать вывод, что факторы, формирующие компоненту 2, по сути, характеризуют традиционные семейные ценности. Респонденты чаще выбирают либо характеристики, относящиеся к компоненте 1, либо это характеристики компоненты 2. Однако мнения россиян об идеальной модели семьи весьма противоречивы, мнения респондентов весьма раз-

личны, выявленные характеристики традиционной модели семьи характеризуют систему ценностей лишь одной из групп россиян.

Выводы о различиях во взглядах россиян на модель семьи подтвердили заключение, которое следует из анализа ответов респондентов на вопрос: «С какими взглядами на семью вы согласны?», проведенный с использованием методов двухэтапного кластерного анализа¹¹. Данный метод был выбран для исследования в силу характера переменных.

Кластерный анализ был проведен на основе меры расстояния *Log*-правдоподобия, которая приписывает переменным вероятностное распределение. На основании Байесовского информационного критерия¹², равного 0,75, разделение на кластеры было признано статистически корректным.

В разбиении респондентов на кластеры применялись такие признаки, как «при заключении брака надо оформлять брачный контракт», «сохранять семью с нелюбимым человеком не стоит», «нужно венчаться в церкви», «чтобы завести и воспитать ребенка, необязательно вступать в брак», «чтобы быть счастливым, необязательно создавать семью». Остальные признаки (варианты ответов на поставленный вопрос) не вошли в кластерный анализ в силу отсутствия различий в ответах респондентов в разных группах по данным признакам. В наибольшей степени на разбиение на кластеры повлияли ответы на вопросы относительно обязательности заключения брачного контракта и сохранения семьи с нелюбимым человеком.

Совокупность респондентов, ответивших на вопросы (563 человека старше 17 лет), разделилась на пять кластеров.

В кластер 1 (233 человека, или 41,4%) вошли респонденты, которые придерживаются следующих взглядов: «при заключении брака не следует заключать брачный контракт и венчаться в церкви»,

¹¹ Процедура «двухэтапный кластерный анализ» представляет собой средство анализа для выявления естественного разбиения набора данных на группы (или кластеры), которое без ее применения трудно обнаружить.

¹² Байесовский информационный критерий (*Bayesian information criterion, BIC*, иногда — *Schwarz Criterion*) — критерий выбора модели из класса параметризованных моделей, зависящих от разного числа параметров. Для оценивания модели обычно используется метод нахождения максимума функции правдоподобия, значение которого можно увеличить добавлением дополнительных параметров.

⁹ Измеряемая статистиками Кайзера–Мейера–Олкина (*Kaiser–Meyer–Olkin*) адекватность выборки (*sampling adequacy*) прогнозирует, насколько хорошо факторизируются данные, на основе корреляции и частной корреляции.

¹⁰ Критерий Бартлетта — статистический критерий, позволяющий проверять равенство дисперсий нескольких (двух и более) выборок.

Матрица факторных нагрузок / Factor load matrix

Характеристики идеальной семьи / Characteristics of the ideal family	Фактор 1 / Factor 1	Фактор 2 / Factor 2	Фактор 3 / Factor 3	Фактор 4 / Factor 4	Фактор 5 / Factor 5	Фактор 6 / Factor 6
При заключении брака надо оформлять брачный контракт / At the conclusion of marriage it is necessary to issue a marriage contract	0,145	-0,188	0,501	0,393	0,447	-0,165
Регистрировать брак необязательно / It is not necessary to register a marriage	0,432	-0,133	0,079	-0,451	-0,123	0,457
Нужно венчаться в церкви / Need to get married in Church	-0,366	0,431	0,344	-0,325	0,140	0,009
Сохранять семью с нелюбимым человеком не стоит / Keep a family with an unloved person is not worth it	0,475	0,209	-0,154	-0,038	-0,073	-0,242
Брак должен быть обязательно зарегистрирован / Marriage must be registered	-0,261	0,443	-0,093	0,340	-0,439	-0,058
Развод – это нормально / Divorce is okay	0,680	0,218	-0,022	0,065	0,003	-0,197
Семья без детей – это не семья / A family without children is not a family	-0,100	0,512	-0,359	0,284	0,279	0,167
Забота о детях – обязанность женщин / Taking care of children is the duty of women	0,330	0,158	0,342	0,381	-0,127	-0,247
Девушка должна сохранять девственность до свадьбы / A girl should keep her virginity until the wedding	-0,195	0,560	0,422	-0,269	0,194	0,052
Хорошая жена всегда покорна своему мужу / A good wife always submits to her husband	0,060	0,169	0,409	0,312	-0,476	0,475
Чтобы быть счастливым, необязательно создавать семью / To be happy, it is not necessary to create a family	0,612	0,123	0,070	-0,152	0,157	0-,090
Чтобы завести и воспитать ребенка, необязательно вступать в брак / To have and raise a child, it is not necessary to marry	0,691	0,169	-0,019	-0,043	-0,062	0,216
Одинокий человек не может быть счастлив / A lonely person cannot be happy	0,054	0,482	-0,255	0,141	0,424	0,359
Семья – это прежде всего большой труд и терпение / Family is, first of all, a lot of work and patience	-0,074	0,497	-0,047	-0,381	-0,243	-0,407

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

«отсутствие любви не служит основанием для расторжения брака», «ребенка следует заводить в браке», «семья нужна, чтобы быть счастливым».

Кластер 2 (98 человек, или 17,4%) включает респондентов, которые также отрицательно относятся к брачному контракту, полагают, что «нельзя быть счастливым, не создав семьи» и «ребенок должен родиться в зарегистрированном браке»; однако, в отличие от кластера 1, респонденты полагают, что «не следует сохранять семью с нелюбимым человеком», 16,3% — «нужно венчаться в церкви».

В кластер 3 (92 человека, или 16,3%) попали россияне, которые в значительной степени близки по своим взглядам к респондентам кластера 1. Они отличаются только тем, что являются сторонниками венчания в церкви.

Кластер 4 включает 78 респондентов (13,9%), являющихся сторонниками заключения брачного контракта. Каждый пятый из вошедших в кластер считает, что отсутствие любви в браке служит основанием для развода, и практически столько же являются приверженцами заключения брака в церкви.

Кластер 5 состоит из 62 респондентов (11% всей совокупности), отличающихся тем, что среди них есть сторонники и противники всех высказываний. 20% являются сторонниками брачного контракта, 43,5% полагают, что не следует сохранять брак с нелюбимым человеком, 8% считают, что стоит венчаться в церкви, 37% — можно завести ребенка вне брака, 40,3% — можно быть счастливым вне семьи.

Таким образом, мнения россиян весьма противоречивы, и даже в рамках одного кластера мнения респондентов подчас не укладываются в какие-то жесткие рамки. Однако очевидно, что нельзя выделить какую-либо одну или даже две модели поведения россиян в сфере семейной жизни.

СЕМЬЯ КАК ФАКТОР ЖИЗНЕННОГО УСПЕХА

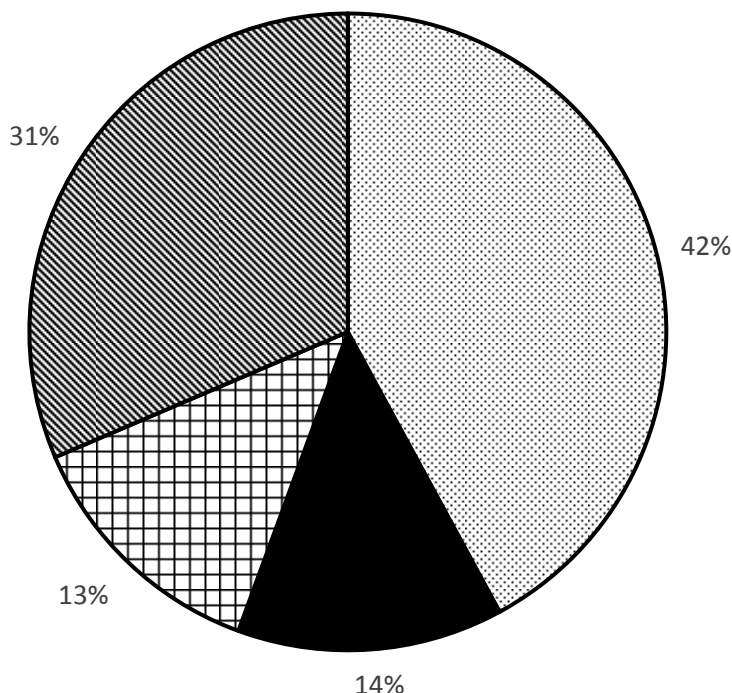
В публикациях по методике проведения социологических опросов неоднократно отмечалась сложность получения откровенных ответов на так называемые «сенситивные» («угрожающие», деликатные) вопросы, предназначенные для получения сведений, которые люди обычно предпочитают утаивать либо давать социально одобряемые ответы.

На прямой вопрос о роли семьи в своей жизни респонденты, как уже отмечалось, говорят о ее ведущем месте в системе жизненных приоритетов. Однако нет ли здесь определенного лукавства, попытки дать наиболее приемлемый, ожидаемый ответ? Выявить более точно значимость для россиян семьи и детей позволяет построение дерева решений¹³ на основе ответов респондентов на блок вопросов, посвященных факторам жизненного успеха.

Значимость семьи и детей как условия жизненного успеха велика прежде всего для тех респондентов, кто не считает значимым для достижения успеха в жизни умение много и добросовестно работать, строить отношения с людьми, поддерживать необходимые личные связи, знакомства

Метод дерева решений позволяет выявить определенные группы респондентов с точки зрения их представлений о параметрах жизненного успеха. Этот метод широко применяется при анализе социологических данных, в том числе демографического поведения, так как здесь в основном преобладают порядковые и категориальные переменные, с которыми очень сложно работать, применяя классические методы анализа данных. В нашем случае взяты для анализа переменные, определяющие важность для респондентов следующих параметров жизненного успеха (ответы на вопрос: «Что, на ваш взгляд, необходимо для того, чтобы добиться успеха в жизни?»): умение много и добросовестно работать; высокое положение родителей; вера в Бога; личные связи,

¹³ Дерево принятия решений (также может называться деревом классификации или регрессионным деревом) — средство поддержки принятия решений, использующееся в машинном обучении, анализе данных и статистике. Структура дерева представляет собой «листья» и «ветки». На ребрах («ветках») дерева решения записаны атрибуты, от которых зависит целевая функция, в «листьях» записаны значения целевой функции, а в остальных узлах — атрибуты.

- для достижения успеха необходимо много и добросовестно работать/to succeed in life you need to work hard and conscientiously; 10,1%
- для достижения успеха неважно умение много и добросовестно работать, необходимы личные связи, знакомства/to achieve success, it does not matter the ability to work hard and conscientiously, personal connections, acquaintances are necessary; 10,5%
- неважны умение добросовестно работать, личные связи, необходимо умение строить отношения с людьми/the ability to work in good faith, personal relationships are not important, the ability to build relationships with people is necessary; 16,4%
- неважны умения много и добросовестно работать, строить отношения с людьми, личные связи /unimportant a lot of skills and conscientiously to work, to build relationships with people, personal relationships; 28,2%

Группы респондентов в зависимости от признания значимости семьи и детей как необходимого условия успеха в жизни (%) / Groups of respondents depending on the recognition of the importance of family and children as a necessary condition for success in life (%)

знакомства; способности, талант; честность, порядочность; умение приспосабливаться; способность рисковать; удача, везение; семья и дети; друзья; большие деньги; умение строить отношения с людьми; высокий уровень образования, культуры; напористость, активность несмотря ни на что; вера в справедливость, в добро.

При построении деревьев решений выделялась целевая переменная «семья и дети как параметр жизненного успеха» (отметим, что среди всей совокупности респондентов для 16,7% семья и дети необходимы для достижения успеха в жизни). В модель вошли следующие переменные: умение много и добросовестно работать; личные

связи, знакомства; умение строить отношения с людьми.

После проведенного анализа была выбрана модель, построенная с помощью обычного метода CHAID¹⁴. Среди всех возможных вариантов построения деревьев решений было выбрано наиболее точно описывающее данные дерево. Посредством применения этого метода получено дерево решений, где шесть узлов, из которых четыре терминальных уровня в модели три. Корневой узел, который состоял из 563 наблюдений (молодежь и родители, давшие ответ на вопрос), содержит 469 наблюдений, относящихся к респондентам, не считающих семью и детей необходимым условием жизненного успеха, и 94 наблюдения — респонденты, ответившие утвердительно на вопрос о том, что семья и дети необходимы для того, чтобы добиться успеха в жизни.

Можно отметить, что данная модель наилучшая из всех построенных. Оценка риска составляет 0,167, свидетельствуя о том, что 16,7% наблюдений было классифицировано неправильно (при этом 83,3% было классифицировано правильно). Различия между группами значимы на уровне вероятности p не ниже 0,01.

Наилучшим предиктором для целевой переменной «семья и дети как параметр жизненного успеха» стала переменная «умение много и добросовестно работать» — «важно» или «нет». Иными словами, прежде всего на деление россиян на группы в зависимости от параметров жизненного успеха оказывает влияние их мнение о том, важно или нет для достижения жизненного успеха «много и добросовестно работать».

Перейдем к анализу схемы построенной модели, в частности терминальных узлов. Как уже отмечалось, респонденты разделились на четыре группы с точки зрения признания важности семьи и детей как параметра жизненного успеха. Группы респондентов формировались в зависимости от отношения к таким характеристикам жизненного успеха, как умение много и добросовестно работать; личные связи, знакомства; умение строить отношения с людьми.

¹⁴ Анализ CHAID (*Chi Squared Automatic Interaction Detection*) используется для построения прогностической модели, основанной на системе классификации. Анализ подразделяет выборку на ряд подгрупп, которые имеют сходные характеристики по отношению к конкретной переменной отклика.

В первую выделившуюся и наиболее широко представленную группу, вошли 237 респондентов (см. рисунок). Среди тех, кто считает, что для достижения успеха в жизни необходимо много и добросовестно работать, доля признающих в качестве параметра успеха «наличие семьи и детей» составляет лишь 10,1%.

Во второй терминальный узел вошли 76 респондентов, полагающих, что для достижения успеха в жизни неважно умение много и добросовестно работать, но необходимы личные связи, знакомства. Среди них лишь 10,5% считают, что наличие семьи и детей необходимы для успеха в жизни.

Третий терминальный узел включает 73 респондента. Для них неважны для достижения успеха в жизни умение много и добросовестно работать, личные связи, знакомства, но необходимо умение строить отношения с людьми. Среди этой группы 16,4% полагают, что наличие семьи и детей необходимо для успеха в жизни.

Четвертую группу составляют 177 респондентов, которые считают, что для достижения успеха в жизни неважны умения много и добросовестно работать, строить отношения с людьми, личные связи, знакомства. Однако среди них 28,2% уверены в том, что важным параметром жизненного успеха выступает наличие семьи и детей. Это значимо больше, чем в других типологических группах.

Исследование показало, что не так много респондентов оценивают наличие семьи и детей как важный параметр жизненного успеха. Складывается ситуация, при которой значимость семьи и детей как условия жизненного успеха велика прежде всего для тех респондентов, кто не считает значимым для достижения успеха в жизни умение много и добросовестно работать, строить отношения с людьми, поддерживать необходимые личные связи, знакомства. По сути, семья выступает для них своеобразной нишей, психологическим убежищем. Позитивным с точки зрения значимости института семьи в глазах россиян можно считать тот факт, что группа респондентов, среди которых наиболее высока доля признающих необходимость наличия семьи и детей как параметра жизненного успеха, относительно масштабна. Однако считать, что семья для всех россиян является важным условием жизненного успеха, было бы неправомерным. При этом несложно заметить, что признание значимости семьи наблюдается в различных группах респон-

дентов, в том числе ставивших на первое место как условие жизненного успеха профессиональную занятость и выстраивание отношений с социумом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ свидетельствует, что современная семья выступает прежде всего психологическим убежищем, «шокопоглотителем, островком стабильности», о чем писал Э. Тоффлер [24]. Доля респондентов, признающих значимость семьи как параметра успеха, возрастает от 10,1 до 28,2% в зависимости от отношения к выбору жизненных стратегий. Однако настораживает тот факт, что люди, признающие значимость для себя семьи и детей, в меньшей степени ориентированы на какую-либо социальную активность — профессиональную деятельность, выстраивание отношений с другими людьми. Велика вероятность того, что, не желая предпринимать каких-либо активных шагов, боясь потерпеть неудачу в социуме, люди ищут убежища в семье, замыкаясь лишь на семейный круг общения.

В целом изучение ответов респондентов, проведенное с использованием методов многомерного анализа, показало, что россияне по-разному представляют идеальную модель семейной жизни, роль семьи в жизни человека. Чтобы быть эффективной, семейная политика должна учитывать это многообразие.

Семейная политика, направленная на повышение ценности семейного образа жизни, должна быть гибкой, что обеспечит ее эффективность в контексте соответствия жизненным стратегиям различных групп россиян. Именно такая модель позволит людям реализовать свои репродуктивные и матримониальные намерения, сформировать у молодого поколения представления о значимости семейного образа жизни.

Важным с точки зрения перспектив исследования выступает проверка гипотез на более масштабной выборочной совокупности, что позволит детализировать полученные выводы с учетом различных социальных, демографических и психологических групп респондентов.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ «Разработка методологии статистической оценки демографической безопасности в условиях глобализации», проект 15-02-00203.

ACKNOWLEDGEMENT

The paper was prepared with the support of the RFBR grant “Development of a methodology for the statistical evaluation of demographic security in the context of globalization”, project 15-02-00203.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лежнина Ю.П. Институт семьи в России: на пути трансформации. *Социологическая наука и социальная практика*. 2016;(2):70–90.
2. Гурко Т.А. Институт семьи в постиндустриальных обществах. *Ценности и смыслы*. 2011;13(4):26–44.
3. Горшков М.К., Крумм Р., Тихонова Н.Е. Готово ли российское общество к модернизации? М.: Весь мир; 2010, с. 198, 215–216.
4. Горшков М.К., Крумм Р., Тихонова Н.Е. Российская повседневность в условиях кризиса. М.: Альфа-М; 2009.
5. Варламова С.Н., Носкова А.В., Седова Н.Н. Семья и дети в жизненных установках россиян. *Социологические исследования*. 2006;(11):61–73.
6. Митрикас А.А. Семья как ценность: состояние и перспективы ценностного выбора в странах Европы. *Социологические исследования*. 2004;(5):65–72.
7. Карцева Л.В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества. *Социологические исследования*. 2003;(7):92–100.
8. Эткин А. Индивидуализм, личность. 50/50: опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс; 1989:107.
9. Волков В.Н. Постмодерн и его основные характеристики. *Культурное наследие России*. 2014;(2):3–8.
10. Захаров С.В. Перспективы рождаемости в России. Второй демографический переход. *Отечественные записки*. 2005;(3):124–140.

11. Lesthaeghe R. Second demographic transition, basil blackwell. URL: http://www.vub.ac.be/SOCO/ron/final_textSDTBasilBlackwellEncyclop.doc (дата обращения: 20.19.2019).
12. Sobotka T. The diverse faces of the second demographic transition in Europe. *Demographic research*. 2008;19:171–224.
13. Макдональд П. Низкая рождаемость и государство: эффективность политики. Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы. Мат. международного семинара. 15–16 сентября 2006 г. М.; 2006:27–56.
14. Муравьева М. Традиционные ценности и современные семьи: правовые подходы к традиции и модерну в современной России. *Журнал исследований социальной политики*. 2015;(4):625–639.
15. Иудин А.А., Шпилев Д.А. Основные направления исследования проблем семьи в современной Германии. *Социологические исследования*. 2012;(1):103.
16. Kohler H. P., Billari F. C., Ortega J. A. The emergence of lowest low fertility in Europe during the 1990s. *Population and development review*. 2002;(4):641–680.
17. Попова Д. О. Трансформация семейных ценностей и второй демографический переход. Родители дети, мужчины и женщины в семье и обществе. М.: НИСП; 2009:182–183.
18. Чернова Ж.В. Семейная политика в западноевропейских странах: модели отцовства. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2012;(1):103–123.
19. Носкова А.В. Семья перед лицом вызовов глобализирующегося мира. *Социологические исследования*. 2013;(5):147–149.
20. Elster J. Explaining social behavior: more nuts and bolts for the social sciences. Cambridge University Press; 2015.
21. Lesthaeghe R. The unfolding story of the second demographic transition. *Population and Development Review*. 2010;(2):211–251.
22. Магун В.С. Нормативные взгляды на семью и россиян и французов: традиционное и современное. Родители дети, мужчины и женщины в семье и обществе. М.: НИСП; 2009:150.
23. Кучмаева О.В. Концептуальные основания семейной политики в России: дискурс о традиционных семейных ценностях. Ломоносовские чтения 2017. Секция экономических наук. Потенциал экономической науки для развития России: сб. тезисов выступлений. М.: Экономический факультет МГУ; 2017:363–366.
24. Тоффлер Э. Шок будущего: М.: АСТ; 2002.

REFERENCES

1. Lezhnina YU. P. Institute of family in Russia: on the way of transformation. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. 2016;(2):70–90. (In Russ.)
2. Gurko T.A. Institute of family in post-industrial societies. *Cennosti i smysly*. 2011.13(4):26–44. (In Russ.)
3. Gorshkov M. K., Krumm R., Tihonova N. E. Is russian society ready for modernization? Moscow: Ves' mir; 2010, pp.198, 215–216. (In Russ.).
4. Gorshkov M. K., Krumm R., Tihonova N. E. Russian everyday life in crisis. Moscow: Al'fa–M; 2009. (In Russ.).
5. Varlamova S. N., Noskova A. V., Sedova N. N. Family and children in the attitudes of russians. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2006;(11):61–73. (In Russ.).
6. Mitrikas A. A. Family as a value: state and prospects of value choice in Europe. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2004;(5):65–72. (In Russ.).
7. Karceva L. V. Family model in the conditions of transformation of the russian society. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2003;(7):92–100. (In Russ.).
8. Ehtkind A. Individualism, personality. 50/50: experience of the dictionary of new thinking. Moscow: Progress; 1989:107. (In Russ.).
9. Volkov V. N. Postmodern and its main characteristics. *Kul'turnoe nasledie Rossii*. 2014;(2):3–8. (In Russ.).
10. Zaharov S. V. Perspectives of fertility in Russia. The second demographic transition. *Otechestvennye zapiski*. 2005;(3):124–140. (In Russ.).
11. Lesthaeghe R. Second demographic transition, basil blackwell. URL: http://www.vub.ac.be/SOCO/ron/final_textSDTBasilBlackwellEncyclop.doc (accessed on 20.19.2019).

12. Sobotka T. The diverse faces of the second demographic transition in Europe. *Demographic research*. 2008: (19):171–224.
13. Makdonal'd P. Low fertility and the state: policy effectiveness. Low birth rate in the Russian Federation: challenges and strategic approaches. Proceedings of the international seminar. Moscow; 15–16,09.2006:27–56. (In Russ.).
14. Murav'eva M. Traditional values and modern families: legal approaches to tradition and modernity in modern Russia. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki = The Journal of Social Policy Studies*. 2015:(4):625–639. (In Russ.).
15. Iudin A. A., SHpilev D. A. The main directions of research of family problems in modern Germany. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2012:(1):103. (In Russ.).
16. Kohler H. P., Billari F. C., Ortega J. A. The emergence of lowest-low fertility in Europe during the 1990s. *Population and development review*. 2002:(4):641–680.
17. Popova D. O. Transformation of family values and the second demographic transition. Parents children, men and women in the family and society. Moscow: NISP; 2009:182–183. (In Russ.).
18. Chernova ZH.V. Family policy in western european countries: models of fathers. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii = The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2012:(1):103–123. (In Russ.).
19. Noskova A. V. Family facing the challenges of a globalizing world. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2013:(5):147–149. (In Russ.).
20. Elster J. Explaining social behavior: more nuts and bolts for the social sciences. Cambridge University Press; 2015.
21. Lesthaeghe R. The unfolding story of the second demographic transition. *Population and Development Review*. 2010:(2):211–251.
22. Magun V. S. Normative views on the family and the russians and the french: traditional and modern. Parents children, men and women in the family and society. Moscow: NISP; 2009:150. (In Russ.).
23. Kuchmaeva O. V. Conceptual foundations of family policy in Russia: a discourse on traditional family values. Lomonosov readings 2017. Section of economic Sciences. The potential of economic science for the development of Russia: collection of abstracts. Moscow: Economic faculty of Moscow state University, 2017:363–366. (In Russ.).
24. Toffler EH. Future shock. Moscow: AST publishing house; 2002. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Оксана Викторовна Кучмаева — доктор экономических наук, профессор кафедры народонаселения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
kuchmaeva@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Kuchmaeva Oksana V. — Dr. Sci. (Econ.), Prof., the Department of Population, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
kuchmaeva@yandex.ru

Статья поступила 30.01.2019, принята к публикации 10.03.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 30.01.2019; accepted for publication 10.03.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-83-90

УДК 314.06(045)

JEL E24, J14

Непрерывное образование как фактор повышения уровня занятости и доходов старшего поколения современной России

В.Г. Доброхлеб

Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН,
Институт социально-политических исследований РАН, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-4864-823>

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — обеспечение занятости людей пенсионного и предпенсионного возраста в рамках формирования концепции долгосрочной жизненной активности личности и создания социальных институтов, позволяющих поддерживать и развивать ресурсный потенциал населения на протяжении всего жизненного цикла посредством непрерывного образования.

Цель статьи — выявление актуальных направлений формирования системы непрерывного образования в России вследствие принятия нового пенсионного законодательства.

Показано, что Россия отстает от экономически развитых стран в организации системы образования людей старшего возраста. В стране немногим более 30% взрослого населения вовлечены в систему непрерывного образования, тогда как в Швеции — 62%, в Германии — 42%, а в целом в странах-лидерах — 40–50%. В связи с проведением пенсионной реформы предложены меры, нацеленные на обновление знаний и навыков граждан предпенсионного и пенсионного возраста. К 2024 г. данные мероприятия должны охватить 450 тыс. россиян. Однако на настоящий момент планируется готовить не востребованных российской экономикой программистов и инженеров, а только специалистов средней квалификации, оплата труда которых обеспечивает лишь минимальный уровень жизни. При этом программа организации системы непрерывного образования охватывает далеко не всех предпенсионеров. В ходе новой технологической революции выигрывают национальные экономики, где наиболее эффективно формируется и поддерживается человеческий капитал. При этом существенным является развитие людей в течение всего жизненного цикла, что становится более актуальным в связи с нарастанием интенсивности процесса демографического старения. Показано, что при переходе на инновационный путь развития и цифровую экономику процесс обучения должен охватывать людей всех возрастов — от детей до стариков. *Сделаны выводы*, что принципиальное значение имеют цели устойчивого развития, предусматривающие развитие профессионально-технического и высшего образования для повышения уровня занятости старшего поколения. Значимыми в этом направлении являются национальные цели и стратегические задачи развития России до 2024 г., определенные Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204.

Ключевые слова: реформа; пенсионная система; занятость пенсионеров; непрерывное образование; демографическое старение; четвертая промышленная революция; старшее поколение

Для цитирования: Доброхлеб В.Г. Непрерывное образование как фактор повышения уровня занятости и доходов старшего поколения современной России. *Экономика. Налоги. Право.* 2019;12(2):83-90. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-83-90

Continuing Education as a Factor in Increasing the Employment and Incomes of the Older Generation in Modern Russia

V.G. Dobrokhleb

Institute of Social and Economic
Studies of Population, the Russian Academy of Sciences
Institute of Socio-Political
Research, RAS, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4864-823>

ABSTRACT

The subject of the research is the employment of retirement and pre-retirement age people within the framework of the developing concept of long-term life activity of an individual and establishment of social institutions to maintain and develop the resource potential of the population during the entire life cycle through continuing education.

The purpose of the paper was to identify current trends in the formation of a system of continuing education in Russia following the adoption of the new pension legislation.

Russia is shown to be lagging behind economically developed countries in the organization of the education system for older people. In the country, only a little over 30% of the adults are involved in lifelong education, as compared to 62% in Sweden, 42% in Germany and 40–50%, in general, in the leading countries. Following the pension reform, measures aimed at updating the knowledge and skills of citizens of pre-retirement and retirement age are proposed. By 2024, these activities should reach 450 thousand Russians. However, at the moment, instead of training programmers and engineers demanded by the Russian economy, it is planned to train average specialists whose salaries ensure only a minimum standard of living. Moreover, the program of establishing the continuing education system does not reach all the pre-pensioners.

The winners in the new technological revolution are national economies where human capital is most effectively formed and maintained. Along with this, it is essential that people develop throughout the entire life cycle, which is becoming more important as the intensity of the demographic aging process is increasing. It is shown that in moving to the innovative development and the digital economy, the education process should involve people of all ages – from children to the elderly. *It is concluded* that the goals of sustainable development that stipulate the development of vocational and higher education to increase the employment level of the older generation are a matter of fundamental importance. Of critical importance are also the national goals and strategic objectives of the country's development until 2024 defined by Presidential Decree No. 204 of May 7, 2018.

Keywords: reform; pension system; retirement employment; continuing education; demographic aging; fourth industrial revolution; older generation

For citation: Dobrokhleb V.G. Continuing education as a factor in increasing the employment and incomes of the older generation in modern Russia. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law.* 2019;12(2):83-90. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-83-90

ВВЕДЕНИЕ

По состоянию на 1 января 2018 г. в России насчитывалось 37 362 тыс. человек старше трудоспособного возраста. В связи с принятием нового пенсионного законодательства Федеральным законом 03.10.2018 № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» выделена категория людей предпенсионного возраста, которых в первую очередь коснется изменение сроков выхода на заслуженный отдых — женщин до 60 лет, мужчин — до 65 лет. В стране проживают 5028 тыс. женщин в предпенсионном возрасте 50–54 лет и 4914 тыс. мужчин в возрасте 55–59 лет¹. Иными словами, реформа коснется в ближайшее время более 10 млн россиян. В дальнейшем новый пенсионный закон изменит жизненное описание всего населения, обострит проблемы трудоустройства и занятости людей пенсион-

ного возраста. В России сложилась демографическая гендерная асимметрия, численность пожилых и старых женщин почти на 10 млн превышает число их ровесников. Исследователи отмечают, что пожилые женщины находятся под грузом стереотипов, «подвергаются двойной стигматизации как женщины и как пожилые» [1]. В этих условиях все более актуальными становятся формирование концепции долгосрочной жизненной активности личности и создание социальных институтов, позволяющих поддерживать и развивать ресурсный потенциал населения на протяжении всей жизни, в том числе посредством непрерывного образования [2, 3]. В XXI в. качество жизни людей в любом возрасте зависит от мотивации учиться новому и возможности эту мотивацию реализовывать.

Согласно Мадридскому международному плану действий по проблемам старения² доступ к образованию становится определяющим фактором

¹ Сайт Росстата. Численность и состав населения. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography (дата обращения: 20.11.2018).

² Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program_ch2.shtml#sa1 (дата обращения: 20.10.2018).

интеграции пожилых и старых людей в жизнь общества [4]. Россия включилась в реализацию этого документа. В 2016 г. была утверждена распоряжением Правительства РФ от 05.02.2016 № 164-р Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения до 2025 г., в которой предусмотрено расширение доступа к образованию. В настоящее время в России в системе непрерывного образования учится каждый третий россиянин в возрасте 25–64 лет. Однако россиян в возрасте 55–64 года этим процессом охвачено лишь всего 8%, тогда как в странах ЕС в этом возрасте в процессе образования «через всю жизнь» участвовали 27% пожилых людей [5]. При этом непрерывное образование может стать важным условием для продолжения активной социальной жизни людей, что позволяет им находиться в едином информационном потоке, помогает сохранять необходимые компетенции для профессиональной реализации в любом возрасте [6]. В этой связи значимыми являются национальные цели и стратегические задачи развития России до 2024 г., определенные Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204³. Одной из его важнейших задач определено направление по разработке и реализации программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения [7].

ЗАНЯТОСТЬ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В РОССИИ

Главной составляющей рабочей силы является население трудоспособного возраста, в состав которого включаются также люди пенсионного возраста, сохранившие образовательно-квалификационный потенциал, здоровье и имеющие достаточную мотивацию к продолжению участия в рынке труда. Доля старшего поколения в формировании трудовых ресурсов растет, что обусловливается, с одной стороны, изменением возрастной структуры населения, вызванным сокращением рождаемости и увеличением продолжительности жизни [8], а с другой стороны, — трансформацией пенсионного законодательства, изменяющего возраст выхода на пенсию повы-

шая его, например как в России, или снижая как в Италии.

В общей численности пенсионеров (по старости) в 2017 г. работающие составили 23,1%. Среди получивших досрочную пенсию военных или приравненных к ним категорий работников силовых ведомств работали 46,7% ушедших на пенсию. Среднее число лет продолжительности трудовой деятельности (трудового стажа) после назначения пенсии в этот период — 6,4 года.

В связи с новой пенсионной реформой наибольший интерес представляют две группы занятых на рынке труда. Первая из них женщины в возрасте 55–59 лет. В 2017 г. их доля на рынке труда составляла 11,9% (работали 1189,2 тыс. женщин). Первые три места в их структуре занятости распределены следующим образом: 1-е место — неквалифицированные работницы (17,0%); 2-е место — операторы производственных установок и машин, сборщики и водители (14,0%); 3-е место разделили квалифицированные работницы промышленности, строительства, транспорта и родственных профессий (12,9%) и столько же (12,9%) — руководители. Следует отметить, что специалисты высшего уровня квалификации среди женщин этой возрастной группы составляли 10,1%.

Вторая группа занятых на рынке труда — мужчины в возрасте 60–64 лет. Их численность — 603,8 тыс. человек. В структуре занятости 1-е место принадлежит неквалифицированным рабочим (11,3%); 2-е место — руководителям (7,7%); 3-е место — служащим, занятым подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием (7,5%).

Средняя начисленная заработная плата работников по группам занятий и возрастным группам за октябрь 2017 г. в среднем составляла для женщин 55–59 лет 30 465 руб. Мужчины в возрасте 60–64 лет получали 36 304 руб., женщины — 28 269 руб. У работников в возрасте 65 лет и старше средняя месячная оплата труда мужчин — 37 102 руб., женщин — 28 148 руб. Во всех старших возрастных группах наблюдается гендерный разрыв в уровне оплаты труда. Более значительная разница в оплате труда обусловлена уровнем квалификации работников. В качестве примера приведем группу работников в возрасте 60–64 лет. Мужчины-специалисты высшего уровня квалификации получали в среднем 46 231 руб., женщины — 37 263 руб. в месяц. Наиболее высокую

³ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 11.12.2018).

зарплату имели специалисты по информационно-коммуникационным технологиям. В этой группе специалистов наблюдается наибольший гендерный дисбаланс в оплате труда: мужчины получали 63 813 руб., женщины — 33 798 руб. Следует отметить, что у работников в возрасте 65 лет и более разрыв по зарплатам значительно ниже (мужчины получали 38 929 руб., женщины — 33 026 руб.). Специалисты высшей квалификации в сфере бизнеса и администрирования имели один из наиболее высоких уровней заработной платы и высокий гендерный разрыв в оплате труда во всех группах старших возрастов. При этом с возрастом оплата труда именно мужчин снижается наиболее существенно [9].

Непрерывное образование может стать важным условием для продолжения активной социальной жизни людей, что позволяет им находиться в едином информационном потоке, помогает сохранять необходимые компетенции для профессиональной реализации в любом возрасте

Квалифицированные рабочие—мужчины в возрасте 60–64 лет в среднем имели оплату труда 16 003 руб., женщины — 15 989 руб., что вдвое ниже, чем у высококвалифицированных специалистов⁴. На рынке труда России сложилось определенное отраслевое разделение по возрастам, когда в ряде отраслей работники выходят на пенсию позже, чем в других отраслях. В сельском хозяйстве, ЖКХ, сфере образования, здравоохранения пожилых работников больше, чем, например, в банках и страховых организациях. Исследователи отмечают, что в среднем соотношение зарплат 55–64-летних

⁴ Сайт Росстата. Структура численности работников по группам занятий и возрастным группам за октябрь 2017. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation (дата обращения: 20.12.2018).

и 25–54-летних работников в России составляло 80%, а в странах ОЭСР в среднем — 108%⁵. На российском ранке труда лучшие шансы продолжить работу имеют пожилые люди с высоким уровнем человеческого потенциала. В то же время вследствие сохраняющейся многоукладности экономики страны востребованным остается непрестижный неквалифицированный труд, который молодежь не привлекает, и этот сегмент заполняют пенсионеры.

ОБРАЗОВАНИЕ, ПРОДОЛЖАЮЩЕЕСЯ ВСЮ ЖИЗНЬ

Исследования показывают, что качественное образование является первоочередной потребностью населения во всех группах стран независимо от уровня человеческого развития. В отчете о выполнении Программы развития ООН за 2016 г. указано на необходимость развития и поддержания способностей людей преодолевать трудности на разных этапах жизненного пути, в том числе в старости⁶. На национальном уровне сформировались различные тренды, характеризующие возможности образования «через всю жизнь».

В России численность работников, прошедших обучение, переподготовку, получивших образование в 2016 г. составила 6069,5 тыс. человек. При этом в возрасте 50–59 лет охвачено различными формами образования 16,6% работников, в 60–64 года — 11,9%, а в 65 лет и старше — лишь 8,9% работников. По основным профессиональным образовательным программам получили профессиональное образование 180 839 человек. Представители старшего поколения имели меньшую доступность к этим программам, например в возрасте 50–59 их доля составляла 6,6%, в возрасте 60–64 года — 1,4%, в 65 лет и старше — 0,6%⁷. Наибольшее отставание в Российской Федерации от экономически развитых зарубежных стран отмечается в образовании взрослых: в России образованием охвачено немногим более 30% взрослого населения, тогда как в Швеции — 62%,

⁵ Сайт газеты «Коммерсантъ». Готов ли рынок труда к пенсионной реформе. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3683182> (дата обращения: 25.01.2019).

⁶ Отчет о выполнении ПРО ООН Human Development Report 2016: Human Development for Everyone. URL: <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2016-human-development-everyone> (дата обращения: 08.11.2018).

⁷ Статистический сборник Информационное общество в Российской Федерации. М.: НИУ ВШЭ; 2017.

в Германии — 42%, а в целом в странах-лидерах — 40–50%⁸.

В связи с пенсионной реформой предлагается принять меры, направленные «на обновление знаний и навыков граждан предпенсионного возраста». Это трехмесячные программы со средней стоимостью каждой 53 тыс. руб. К 2024 г. данные мероприятия должны охватить 450 тыс. россиян. Финансировать переобучение планируется в основном за счет федерального бюджета. К 2024 г. на эти цели будет выделено 30 млрд руб.⁹ Однако готовить будут не востребованных российской экономикой программистов и инженеров, а только специалистов средней квалификации, которых в стране и так достаточно, а оплата их труда обеспечивает лишь минимальный уровень жизни. При этом программа охватывает далеко не всех предпенсионеров, которых в стране насчитывается более 10 млн человек.

В России есть точки роста по продвижению непрерывного образования, но не сформирована целостная система социальных институтов. Необходимо создать единую систему образования «через всю жизнь», решать эту проблему более системно, предлагать государственные программы непрерывного обучения российских граждан по востребованным специальностям. При этом важны личная ответственность и мотивация людей. Следует согласиться с мнением ряда экспертов в том, что человек, который целенаправленно формирует свою карьеру, осваивает новые знания и навыки в зрелом возрасте, может позволить себе выбирать ту работу, которая ему действительно интересна¹⁰.

ВЫЗОВЫ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Вызов современного мира заключается в том, что четвертая промышленная революция может посредством роботизации изменить все существ-

ующие социальные нормы и институты, включая сферу труда, семью, образование, этические нормы и ценности. Альтернатива такого вызова состоит в развитии коллективного творчества, продвижении идей коэволюции¹¹, формировании мира труда для всех возрастов [10].

Необходимо создать единую систему образования «через всю жизнь», решать эту проблему более системно, предлагать государственные программы непрерывного обучения российских граждан по востребованным специальностям

Аналитики указывают, что важнейшие инновационные технологии находят применение в анализе больших данных, машинном обучении, интернете вещей, 3D-печати и др. Предполагается, что появление новых технологий повлечет возникновение новых вакансий для руководителей, разработчиков и аналитиков программного обеспечения и приложений, специалистов по продажам и маркетингу, руководителей операционных отделов, аналитиков, специалистов по HR, рабочих фабрик и сборочных цехов, финансовых и инвестиционных советников и специалистов по управлению рисками. Российские инновационные предприятия планируют закрывать вакансии за счет привлечения новых работников. При этом около 2/3 организаций предпочитают переобучать действующих сотрудников¹².

⁸ Сайт ВШЭ. Основной тренд в образовании — это цифровая революция. URL: <https://www.hse.ru/news/community/213952252.html> (дата обращения: 25.01.2019).

⁹ Сайт Newsrussia. media. Правительство научит работать предпенсионеров. URL: <https://newsrussia.media/ekonomika/17265-pravitelstvo-nauchit-rabotat-predpensionerov.html> (дата обращения: 25.01.2019).

¹⁰ Сайт газеты «Коммерсантъ». Готов ли рынок труда к пенсионной реформе. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3683182> (дата обращения 25.01. 2019).

¹¹ Коэволюция (от лат. *Evolutio* — развертывание) — термин, используемый современной наукой для обозначения механизма взаимообусловленных изменений элементов, составляющих развивающуюся целостную систему. Возникнув в биологии, это понятие постепенно приобретает статус общенаучной категории.

¹² Сайт Всемирного экономического форума. World Economic Forum's 2019 Annual Meeting in Davos to Focus on Shaping a New Architecture for the Next Wave of Globalization. URL: <https://www.weforum.org/press/2018/11/world-economic-forum> (дата обращения: 25.01.2019).

В ходе новой технологической революции выигрывают те национальные экономики, в которых наиболее эффективно формируется и поддерживается человеческий капитал [11]. При этом существенным является развитие людей в течение всего жизненного цикла [12]. Этот вызов обостряется с нарастанием интенсивности процесса демографического старения [13]. В отчете Всемирного экономического форума о глобальной конкурентоспособности за 2017–2018 гг. приведены тренды развития мировой экономики, а также представлен рейтинг стран по индексу глобальной конкурентоспособности. Так же как и ранее, 1-е место по индексу глобальной конкурентоспособности принадлежит Швейцарии, 2-е и 3-е места — США и Сингапуру. Россия улучшила свой показатель на пять позиций по сравнению с 2016 г., заняв 38-е место среди 137 стран¹³.

Цивилизационный вызов нашего времени состоит в том, чтобы перейти на инновационный путь развития в условиях старения населения. В этом контексте важно понимать, что дефиниции «старость» и «возраст» различны. Концепция активного долголетия только начинает формироваться [14]. Но уже сейчас теоретически определено, какие навыки будут нужны на рынке труда в ближайшем будущем. В случае значительных структурных изменений экономики при условии, что будет совершен реальный переход к шестому технологическому укладу в стране, наиболее востребованными станут навыки межличностной коммуникации: критическое мышление (*critical thinking*), креативность, творчество (*creativity*), навыки координации, взаимодействия (*coordinating*

with others), эмоциональный интеллект, эмпатия (*emotional intelligence*).

Международным сообществом предложено формировать систему образования «через всю жизнь» [15]. При этом далеко не всегда предложенные стратегии непрерывного образования распространяются без труда, что в значительной степени связано с преодолением устоявшихся стереотипов [16]. Принципиальное значение имеют цели устойчивого развития (далее — ЦУР), которые предусматривают развитие профессионально-технического и высшего образования. При этом рамочной программой действий «Образование-2030», разработанной Агентством стратегических инициатив, предложены значимые показатели объема расходов на образование, которые могут стать «важнейшими базовыми стандартами»: не менее 4–6% ВВП и/или не менее 15–20% от общего объема государственных расходов. В среднем страны мира выделяют на образование 4,7% объема ВВП и 14,2% от общего объема государственных расходов; 35 стран расходуют на те же цели менее 4% ВВП и не более 15% бюджетных средств. Предполагается, что для достижения ЦУР на национальном уровне страны будут приняты меры в части обучения населения на протяжении всей жизни, что предусматривает организацию мониторинга образовательных потребностей, возможностей и достижений взрослого населения, которому придется принимать крайне важные решения, касающиеся устойчивого развития¹⁴. Необходима интеграция обучения и жизни, и этот процесс должен охватывать людей всех возрастов от детей до стариков.

¹³ Доклад, сделанный на Всемирном экономическом форуме. The Global Competitiveness Report 2017–2018 URL: <http://www3.weforum.org/docs/GCR2017-2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2017-2018.pdf> (дата обращения: 25.01.2019).

¹⁴ Всемирный доклад по мониторингу образования за 2016 г. Построение устойчивого будущего для всех. Образование в интересах людей и планеты. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0024/002457/245745R.pdf> (дата обращения: 28.12.2018).

БЛАГОДАРНОСТЬ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17-02-50064 «Развитие системы образования пожилых граждан в условиях демографического старения России».

ACKNOWLEDGEMENT

The publication was prepared within the framework of the research project No. 17-02-50064 “Development of the education system for the elderly in the context of Russia’s demographic aging” supported by the Russian Foundation for Basic Research

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Григорьева И. А. Пожилые женщины: «вниз по лестнице» возраста и гендера. *Женщина в российском обществе*. 2018;(1):5–18. DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.1

2. Макиенко М. А. Проблемы и перспективы сохранения качества жизни пожилых людей в Российской Федерации. *Вестник науки Сибири*. 2015;16(1):29–39.
3. Тезекбаева З. С., Нуркатова Л. Т. Теоретические аспекты адаптации лиц пожилого возраста к условиям социальной действительности. *Успехи геронтологии*. 2014;27(1):190–194.
4. Richards C. Later life learning from experience: the cross-cultural importance of ‘life reviews’ in seniors’ lifelong education and learning. *Zeitschrift für Weiterbildungsforschung*. 2019.(1):1–18.
5. Бондаренко Н. В. Становление в России непрерывного образования: анализ на основе результатов общероссийских опросов взрослого населения страны. *Мониторинг экономики образования*. Информационный бюллетень. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 2017:104(5):1–28. М.; 2017.
6. Доброхлеб В. Г. Непрерывное образование и гендерный баланс. *Женщина в российском обществе*. 2018;(3):26–33. DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.3
7. Кабанова Е. Е., Ветрова Е. А. Актуальные проблемы социально-экономической интеграции людей «третьего возраста» в современное российское общество. *Социально-экономические явления и процессы*. 2018;13(1):31–36.
8. Мхитарян В. С., Сарычева Т. В. Прогнозирование занятости населения в Российской Федерации по видам экономической деятельности. *Вопросы статистики*. 2017;(3):18–29.
9. Доброхлеб В. Г. Уровень образования пожилых людей как фактор востребованности на рынке труда России. *Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право*. 2017; (2–3):5–16. DOI 10.26653/2076–4650–2017–2–3–5–15
10. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.; Эксмо; 2019:136.
11. Нунес Е. С. А., Дуболазов В. А. Рынок труда и образование в условиях четвертой промышленной революции. *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*. 2018;11(5):38–45. DOI: 10.18721/Е.11503
12. Забелина Н. В. Технологии геронтообразования как основа социальной активности пожилых людей в современном обществе. *Инновационная наука*. 2018;(3):96–99.
13. Volles N. Lifelong learning in the EU: Changing conceptualisations, actors and policies. *Studies in Higher Education*. 2016;41(2):343–363.
14. Field R., Burke R., & Cooper C., eds. *Aging, work and society*. London: SAGE. 2013. URL: http://www.uk.sagepub.com/booksProdDesc.nav?prodId=Book237162&utm_source=Book&utm_medium=email&utm_content=237162&utm_campaign=PERSONL&priorityCode=PERSONL (дата обращения: 20.12.2018).
15. Aleandri G., & Refrigeri L. Lifelong learning, training and education in globalised economic systems: analysis and perspectives. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*; 2013;93(21):1242–1248. DOI: doi.org/10.1016/j
16. Ecclestone K. Learning or therapy? The demoralisation of education. *British Journal of Educational Studies*. 2004;54(2):112–137.

REFERENCES

1. Grigorieva I. A. Elderly women: «down the stairs» of age and gender. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian society*. 2018;(1):5–18. (In Russ.). DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.1
2. Makienko M. M. Problems and prospects of preservation of quality of life of elderly people in the Russian Federation. *Vestnik nauki Sibiri = Journal of science of Siberia*. 2015;16(1):29–39. (In Russ.).
3. Tezekbayeva Z. S., Nurkatova L. T. Theoretical aspects of adaptation of elderly people to the conditions of social reality. *Uspekhi gerontologii = Advances in gerontology*. 2014; 27(1):190–194. (In Russ.).
4. Richards C. Later life learning from experience: the cross-cultural importance of ‘life reviews’ in seniors’ lifelong education and learning. *Zeitschrift für Weiterbildungsforschung*. 2019;(1):1–18.
5. Formation of continuous education in Russia: analysis on the basis of the results of all-russian surveys of the adult population of the country. *Monitoring ekonomiki obrazovaniya*. Newsletter. Moscow: National research University Higher school of Economics; 2017. 28 p. (In Russ.).

6. Dobrokhleb V. G. Continuing education and gender balance. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian society*. 2018.(3):26–33. (In Russ.). DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.3
7. Kabanova E. E., Vetrova E. Actual problems of social and economic integration of people of the third age in modern russian society. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Socio-economic phenomena and processes*. 2018;13 (1):31–36. (In Russ.).
8. Mkhitarayan V. S., Sarycheva T. V. Forecasting of employment in the Russian Federation by types of economic activity. *Voprosy statistiki = Statistical issues*. 2017;(3):18–29. (In Russ.).
9. Dobrokhleb V. G. The level of education of elderly people as a factor of demand in the labor market of Russia. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Ekonomika i pravo. = Scientific review. Episode 1. Economics and law*. 2017;(2–3):5–16. (In Russ.). DOI: 10.26653/2076–4650–2017–2–3–5–15
10. Schwab K. The Fourth industrial revolution. Moscow: Eksmo; 2019. 207 p. (In Russ.).
11. Nunes E. S. A., Dubolazov V. A. Labor market and education in the conditions of the fourth industrial revolution. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki = Scientific and technical statements of St. Petersburg state Polytechnic University. Economics*. 2018;11(5):38–45. (In Russ.). DOI: 10.18721/JE.11503
12. Zabelina N. Technologies of gerontological education as a basis of social activity of elderly people in modern society. *Innovatsionnaya nauka = Innovative science*. 2018;(3):96–99. (In Russ.).
13. Volles N. Lifelong learning in the EU: Changing conceptualisations, actors and policies. *Studies in Higher Education*. 2016;41(2):343–363.
14. Field R., Burke R., & Cooper C., eds. Aging, work and society. London: SAGE. 2013. URL: http://www.uk.sagepub.com/booksProdDesc.nav?prodId=Book237162&utm_source=Book&utm_medium=email&utm_content=237162&utm_campaign=PERSONL&priorityCode=PERSONL (accessed 20.12. 2018).
15. Aleandri G., & Refrigeri L. Lifelong learning, training and education in globalised economic systems: analysis and perspectives. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*; 2013;93(21):1242–1248. DOI: doi.org/10.1016/j
16. Ecclestone K. Learning or therapy? The demoralisation of education. *British Journal of Educational Studies*. 2004;54(2):112–137.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Валентина Григорьевна Доброхлеб — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник институтов социально-экономических проблем народонаселения и социально-политических исследований РАН, Москва, Россия
vdobrokhleb@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Dobrokhleb Valentina G. — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Chief Researcher at the Institute of Social and Economic Studies of Population and the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
vdobrokhleb@mail.ru

Статья поступила 26.01.2019; принята к публикации 27.03.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 26.01.2019; accepted for publication 27.03.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-91-102

УДК 332.145:314.8(045)

JEL J11, O15, O18, R23

Дифференциация территории России по динамике численности населения на муниципальном уровне

Ю.А. СимагинИнститут социально-экономических проблем
народонаселения РАН, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-8392-8645>

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – территориальные различия в динамике численности населения на уровне муниципальных образований, а также субъектов Российской Федерации и федеральных округов страны. *Цель работы* – анализ динамики численности населения городских округов и муниципальных районов России за последние годы с выделением наиболее проблемных территорий. Выявлено, что социально-демографическая безопасность многих территорий подвергается угрозе, проявляющейся в быстром сокращении численности населения – более чем на 2% ежегодно. Уже в среднесрочной перспективе такие территории могут почти полностью потерять свое население. Определены составляющие этого процесса – естественное движение населения или миграции, обуславливающие депопуляцию.

Показаны тенденции изменения численности России в целом за последние годы: естественный прирост населения в 2013–2015 гг., постепенное увеличение средней ожидаемой продолжительности жизни и др. Но в целом продолжается демографический кризис последних десятилетий, что следует из представленного в статье сравнения с другими странами мира, близкими к России по составу населения или уровню экономического развития. В ближайшие годы при сохранении существующих тенденций кризис усилится согласно предварительным данным о сокращении численности населения России в 2018 г.

Сделаны выводы, что наиболее быстрыми темпами сокращается численность населения муниципальных образований Дальневосточного федерального округа, что не соответствует стратегии социально-экономического развития России, отдающей в среднесрочной и долгосрочной перспективах приоритет именно Дальнему Востоку страны. Предлагается разрабатывать программы демографического развития не только на уровне федеральных округов и субъектов Российской Федерации, но и на внутрирегиональном уровне.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие; динамика численности населения; депопуляция; естественный прирост населения; миграция; регионы России; городские округа; муниципальные районы; социально-демографическая безопасность; Дальний Восток

Для цитирования: Симагин Ю.А. Дифференциация территории России по динамике численности населения на муниципальном уровне. *Экономика. Налоги. Право.* 2019;12(2):91-102. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-91-102

Differentiation of Russian Territories according to the Population Trends at the Municipal Level

Yu.A. SimaginInstitute of Socio-Economic Studies of Population
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-8392-8645>

ABSTRACT

The subject of the research is territorial differences in population dynamics at the levels of municipalities, Russian federal subjects and federal districts. *The purpose of the research* was to analyze the population trends in urban districts and municipal regions of Russia in recent years highlighting the most problem areas. It is revealed that

the socio-demographic security of many territories is threatened by a rapid decline in the population – by more than 2% annually. Already in the medium term, such territories may almost completely lose their population. The components of this process are defined – natural movement of population or migration leading to depopulation. The population changes in Russia as a whole in recent years are shown, including natural population growth in 2013–2015, gradual increase in the average life expectancy, etc. But in general, the demographic crisis of the last decades is continuing as follows from the comparison with other countries close to Russia in terms of the population make-up or economic development level. In the coming years, assuming the current trends remain, the crisis will become more acute according to the preliminary data on the population decline in Russia in 2018.

It is concluded that the population of the municipalities of the Far Eastern Federal District is declining at the fastest rates, which runs counter to the socio-economic development strategy of Russia giving priority specifically to the Far East of the country in the medium and long terms. It is proposed to set up programs of demographic development not only at the level of federal districts and Russian Federation subjects but also at the intraregional level.

Keywords: socio-economic development; population trends; depopulation; natural population growth; migration; regions of Russia; urban district; municipal areas; socio-demographic security; Far East

For citation: Simagin Yu.A. Differentiation of Russian territories according to the population trends at the municipal level. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2019;12(2):91-102. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-91-102

ВВЕДЕНИЕ

Динамика численности населения любой страны и отдельных территорий оказывает значительное влияние на ее экономическое развитие ввиду того что люди, будучи конечными потребителями товаров и услуг, одновременно формируют трудовые и интеллектуальные ресурсы государства для развития современных отраслей экономики. Соответственно обеспечение устойчивого роста численности населения является одной из важнейших целей социально-экономического развития России, что отражено и в майском 2018 г. указе Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Основой такого роста должно стать увеличение численности населения за счет роста рождаемости и сокращения смертности, а не миграции. При этом на социально-экономическое развитие существенно влияет не только динамика численности, но и структура населения – половозрастная, расселенческая, распределение по величине доходов и т.д. [1].

В этой связи исследователям регионального и пространственного социально-экономического развития необходимо определять территории с быстрым сокращением численности населения, которые являются наиболее проблемными с точки зрения возможностей развития в настоящее время или могут стать таковыми в ближайшие годы. В демографической науке под сильной депопуляцией

понимается сокращение численности населения более чем на 2% ежегодно¹.

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ ДИНАМИКИ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Россия переживает в течение почти трех десятилетий демографический кризис, негативно влияющий практически на все сферы социально-экономического развития страны [2]. Сокращение рождаемости при росте смертности наблюдалось на территории страны с конца 1980-х гг., а во многих регионах Центральной России – еще на два-три десятилетия раньше [3]. За период 1993–2009 гг. численность населения России уменьшалась вследствие превышения естественной убыли над положительным сальдо миграций.

В 2010–2017 гг. численность населения страны возросла в основном благодаря внешним миграциям, а также в результате воссоединения в 2014 г. Крыма с Россией. Согласно данным Росстата в 2018 г. впервые за почти десятилетие с 2009 г. численность населения России сократилась ввиду того, что положительное сальдо внешних миграций не перекрыло естественную убыль населения, которая растет из-за уменьшения доли людей, находящихся в возрасте, когда больше всего рождается детей. В итоге по состоянию на 1 января 2019 г. численность постоянного населения

¹ Демографическая статистика. М.: КНОРУС; 2010. С. 122.

Таблица 1 / Table 1

Группы муниципальных образований России по динамике численности населения за период 2010–2018 гг. / The groups of municipalities in Russia by the dynamics of the population over the period 2010–2018

Группы муниципальных образований (МО) / The groups of municipalities (GM)	Количество МО, единиц / The number of GM, units	Доля в количестве МО, % / Share in number of GM, %	Доля в населении России, % / Share in the population of Russia, %	Доля в площади России, % / Share in the area of Russia, %
С ростом численности населения / With the growth of population	483	20,8	57,8	11,0
Со слабой и средней убылью численности населения (до 2% в год) / With a weak and average decline in population (up to 2% per year)	1578	67,8	39,6	70,3
С сильной убылью численности населения (более 2% в год) / With a strong decline in population (more than 2% per year)	266	11,4	2,6	18,7
Всего (в границах России 2010 года) / Total (within the borders of Russia in 2010)	2327	100,0	100,0	100,0

Источник / Source: База данных «Муниципальная Россия» / Database "Municipal Russia".

Российской Федерации составила 146 793,7 тыс. человек, что на 86,7 тыс. меньше, чем годом ранее².

Более точные демографические показатели по сравнению с общими коэффициентами рождаемости и смертности, а также общим сальдо внешних миграций показывают иную картину. Значение показателя суммарного коэффициента рождаемости меньше двух детей в среднем на одну женщину и низкая по сравнению с большинством стран мира средняя ожидаемая продолжительность жизни свидетельствуют о том, что демографический кризис в России с начала 1990-х гг. не прекращается. Не следует рассчитывать и на внешних мигрантов, так как в глобальном масштабе потоки иммигрантов все более концентрируются в странах с наиболее высоким уровнем жизни — США, государствах ЕС, Австралии, Новой Зеландии [4].

Анализ демографической ситуации в территориальном разрезе показывает, что на уровне федеральных округов стабильное сокращение численности населения происходит только в Даль-

невосточном федеральном округе (далее — ДФО): –2,4% к началу 2019 г. по сравнению с моментом переписи 2010 г. И данную тенденцию следует исправлять, поскольку именно территория ДФО в соответствии с принятыми государственными стратегиями должна стать приоритетной для экономического развития страны на предстоящие десятилетия, чему противоречат протекающие на Дальнем Востоке демографические процессы [5]. К тому же качество человеческого потенциала ДФО значительно ниже среднероссийского уровня по всем демографическим показателям, кроме рождаемости, что также будет затруднять в перспективе его социально-экономическое развитие [6].

Но как на уровне субъектов Российской Федерации, так и особенно на местном уровне, где происходят основные процессы жизнедеятельности населения [7], ситуация значительно хуже. Анализ демографических тенденций на уровне муниципальных образований первого порядка (городских округов и муниципальных районов) за период, прошедший после проведения последней всеобщей переписи населения, может быть осуществлен на основе постоянно обновляемой

² Сайт Росстата. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 25.01.2019).

Таблица 2 / Table 2

Группы муниципальных образований с разными темпами динамики численности населения в 2010–2018 гг. по типам муниципальных образований России, % / The groups of municipalities with different the rate of population dynamics in 2010–2018 by types of municipalities in Russia, %

Тип муниципального образования / Type of municipality	Группы МО по динамике численности населения / The groups of municipalities of the population dynamics			
	Рост численности населения / With the growth of population	Сокращение численности населения до 2% в год / With a decline in population up to 2% per year	Сокращение численности населения более 2% в год / With a in population more than 2% per year	Всего / Total
Городской округ / City district	37,8	57,9	4,3	100,0
Муниципальный район / Municipal district	15,1	71,1	13,8	100,0
Всего / Total	20,8	67,8	11,4	100,0

Источник / Source: База данных «Муниципальная Россия» / Database "Municipal Russia".

в Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН базы данных «Муниципальная Россия» под номером государственной регистрации RU 2014620760 от 27.05.2014. В настоящее время эта база содержит данные о динамике численности населения муниципальных образований до начала 2018 г., а по ее составляющим (миграции и естественный прирост населения) — за период 2010–2016 гг., — в соответствии с последними опубликованными официальными сведениями Росстата на уровне муниципальных образований (табл. 1).

Расчеты показывают, что «сильная депопуляция» со значением более 2% в среднем за год, которая представляет угрозу для социально-демографической безопасности, характерна более чем для 1/10 муниципалитетов России, которые занимают почти пятую часть площади страны. При этом в подавляющем большинстве муниципальных образований страны, которые занимают почти 90% площади страны, численность населения не увеличивалась, а скорее сокращалась. И с началом нового периода депопуляции по России в целом с 2018 г. доля таких муниципалитетов будет увеличиваться как по количеству, так и по занимаемой площади.

В соответствии с существующей системой муниципально-территориального деления страны согласно Федеральному закону от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федера-

ции» всю территорию России можно подразделить на два типа — городские округа и муниципальные районы, группы с разной динамикой численности населения, данные по которым приведены в табл. 2.

Муниципальные районы в России фактически являются сельскими территориями, так как обычно формируются вокруг небольших городов и поселков городского типа при общем преобладании сельского населения. Характерное для них более быстрое сокращение численности населения по сравнению с городскими округами (основу которых обычно представляют большие города) вроде бы вписывается в общие теории развития урбанизации [8]. Но сельское население должно сокращаться в основном вследствие миграции жителей села в города при естественном приросте населения, который в сельской местности обычно выше, где при прочих равных условиях одинаковые этнический состав, возрастная структура населения и т.д. [9].

В итоге примерно одинаковые показатели динамики численности населения при современном уровне социально-экономического развития страны должны наблюдаться и в городских округах (благодаря миграционному притоку при отрицательном естественном приросте), и в муниципальных районах (миграционный отток сочетается с положительным естественным приростом населения). В современной России, как это следует из табл. 2, такого не происходит. И в первую очередь

Таблица 3 / Table 3

Группы муниципальных образований с разными темпами динамики численности населения в 2010–2018 гг. по федеральным округам России, % (в границах 2010 г.) / Groups of municipalities with different rates of population dynamics in 2010–2018 in the Federal districts of Russia, % (within the boundaries of 2010)

Федеральный округ / Federal district	Группы МО по динамике численности населения / The groups of municipalities of the population dynamics			
	Рост численности населения / With the growth of population	Сокращение численности населения до 2% в год / With a decline in population up to 2% per year	Сокращение численности населения более 2% в год / With a decline in population more than 2% per year	Всего / Total
Центральный / Central	18,4	66,1	15,5	100,0
Северо-Западный / North West	20,5	57,5	22,0	100,0
Южный / South	26,0	71,7	2,3	100,0
Северо-Кавказский / North Caucasian	59,0	40,3	0,7	100,0
Приволжский / Volga	13,2	73,9	12,8	100,0
Уральский / Urals	25,9	66,8	7,3	100,0
Сибирский / Siberian	18,7	74,7	6,6	100,0
Дальневосточный / Far East	12,2	70,9	16,9	100,0
Россия в целом / Russia as a whole	20,8	67,8	11,4	100,0

Источник / Source: База данных «Муниципальная Россия» / Database "Municipal Russia".

по отношению к территориям с быстрым сокращением численности населения, которых среди муниципальных районов значительно больше.

В современных условиях нашей страны демографический кризис, о чем свидетельствует значение суммарного коэффициента рождаемости, характерен преимущественно для городского населения (1,678 ребенка на женщину в 2015 г.), а не для селян (2,111 ребенка на женщину в 2015 г.)³. И во многих наиболее проблемных с точки зрения демографической ситуации субъектах Российской Федерации в сельской местности суммарный коэффициент рождаемости превышает значение 2,1, который необходим для расширенного воспроизводства населения. Соответственно быстрое

сокращение численности сельского населения в таких регионах служит фактором, существенно ухудшающим как региональную, так и общероссийскую ситуацию.

НАИБОЛЕЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГАХ РОССИИ

В силу ухудшения демографической ситуации основное внимание органов власти обращается именно на территории с очень быстрым сокращением численности населения с темпами более 2% ежегодно, которых больше всего в четырех федеральных округах — Северо-Западном, Дальневосточном, Центральном и Приволжском (табл. 3). Из субъектов Российской Федерации, расположенных в других федеральных округах, где темпы сокращения населения в муниципалитетах больше среднероссийской нормы, мож-

³ Демографический ежегодник России — 2017. Таблица 2.2. Суммарный коэффициент рождаемости по субъектам Российской Федерации. Приложение. М.: Росстат; 2018.

Таблица 4 / Table 4

Регионы Дальнего Востока России со значительной долей муниципалитетов с быстрым сокращением численности населения в 2010–2018 гг., % / Regions of the Russian Far East with a significant share of municipalities with a rapid population decline in 2010–2018, %

Регион / Region	Группы МО по динамике численности населения / The groups of municipalities of the population dynamics			
	Рост численности населения / With the growth of population	Сокращение численности населения до 2% в год / With a decline in population up to 2% per year	Сокращение численности населения более 2% в год / With a in population more than 2% per year	Всего / Total
Камчатский край / Kamchatka Territory	20,4	64,3	15,3	100,0
Хабаровский край / Khabarovsk Territory	10,5	63,2	26,3	100,0
Магаданская область / Magadan Region	0,0	33,3	66,7	100,0
Сахалинская область / Sakhalin Region	16,7	66,7	16,7	100,0
Еврейская АО / Jewish Autonomous Region	0,0	50,0	50,0	100,0
Чукотский АО / Chukotka Autonomous Area	14,3	28,6	57,1	100,0
Дальневосточный ФО / Far Eastern Federal District	12,2	70,9	16,9	100,0
Россия в целом / Russia as a whole	20,8	67,8	11,4	100,0

Источник / Source: База данных «Муниципальная Россия» / Database "Municipal Russia".

но назвать Курганскую область (депопуляция 30,8%), часто называемую вследствие особенностей возрастного состава населения «филиалом» Центральной России за Уралом [10].

При этом в Южном федеральном округе мало муниципальных образований с сильной депопуляцией — менее 3% от всех муниципалитетов, а в Северо-Кавказском федеральном округе таких образований практически нет: единственное исключение — Ногайский муниципальный район Республики Дагестан. Значительно уменьшилась за последние два года доля муниципальных образований с сильным сокращением численности населения в Уральском и Сибирском федеральных округах.

Наиболее быстрыми темпами в последние десятилетия сокращается численность населения на Дальнем Востоке — более чем на 20% по сравне-

нию с началом 1990-х гг., а в некоторых регионах (Чукотский автономный округ, Магаданская область) — более чем в два раза. Не удивительно, что в последние годы ДФО выделяется минимальной долей муниципалитетов с ростом численности населения даже при том, что вследствие относительно молодой возрастной структуры населения для большинства муниципалитетов Дальнего Востока в последние годы был характерен положительный естественный прирост населения. Он перекрывается значительным миграционным оттоком жителей из подавляющего большинства муниципалитетов в европейскую часть страны или в региональные административные центры самого Дальнего Востока и их пригороды [11].

В итоге численность населения на Дальнем Востоке росла только в 10% городских округов

Таблица 5 / Table 5

Регионы Северо-Запада России со значительной долей муниципалитетов с быстрым сокращением численности населения в 2010–2018 гг., % / Regions of North-West Russia with a significant share of municipalities with a rapid population decline in 2010–2018, %

Регион / Region	Группы МО по динамике численности населения / The groups of municipalities of the population dynamics			
	Рост численности населения / With the growth of population	Сокращение численности населения до 2% в год / With a decline in population up to 2% per year	Сокращение численности населения более 2% в год / With a decline in population more than 2% per year	Всего / Total
Республика Карелия / Republic of Karelia	16,7	50,0	33,3	100,0
Республика Коми / Komi Republic	10,0	60,0	30,0	100,0
Архангельская область, включая Ненецкий АО / Archangel Region with Nenets Autonomous Area	16,4	35,6	48,0	100,0
Новгородская область / Novgorod Region	9,1	63,6	27,3	100,0
Псковская область / Pskov Region	7,7	61,5	30,8	100,0
Северо-Западный ФО / North-West Federal District	20,5	57,5	22,0	100,0
Россия в целом / Russia as a whole	20,8	67,8	11,4	100,0

Источник / Source: База данных «Муниципальная Россия» / Database "Municipal Russia".

и муниципальных районов, а в Магаданской области и Еврейской автономной области численность населения вовсе не увеличивалась (табл. 4).

При этом в трех регионах быстрее, чем на 2%, ежегодно сокращалось население более чем в половине муниципалитетов. И это касалось в том числе территорий, расположенных на стратегических транспортных магистралях, связывающих Западную Европу и Восточную Азию: Еврейская АО на Транссибирской железнодорожной магистрали, и Чукотский АО на ключевом участке Северного морского пути, возрождение которого без стабильного постоянного населения вдоль его маршрута практически нереально. Можно сделать вывод, что предпринимаемые государством меры по стабилизации численности населения Дальнего Востока (выделение «дальневосточного гектара»,

предоставление льгот для переселенцев из других частей России и др.) пока не оказывают существенного влияния на демографическую ситуацию, сложившуюся в предыдущие десятилетия.

Максимальную долю муниципальных образований первого порядка с быстрым сокращением численности населения имеет Северо-Западный федеральный округ. Наиболее негативная ситуация сложилась в Архангельской области, где почти в половине муниципальных образований численность населения быстро сокращается, а также в Псковской и Новгородской областях, численность населения в которых увеличивается менее чем в 10% городских округов и муниципальных районов (табл. 5).

Возникновение подобной ситуации обусловлено тем, что в муниципальных образованиях Северо-Запада России, как правило, сочетаются естествен-

Таблица 6 / Table 6

Регионы Центральной России со значительной долей муниципалитетов с быстрым сокращением численности населения в 2010–2018 гг., % / Regions of Central Russia with a significant share of municipalities with a rapid population decline in 2010–2018, %

Регион / Region	Группы МО по динамике численности населения / The groups of municipalities of the population dynamics			
	Рост численности населения / With the growth of population	Сокращение численности населения до 2% в год / With a decline in population up to 2% per year	Сокращение численности населения более 2% в год / With a decline in population more than 2% per year	Всего / Total
Ивановская область / Ivanovo Region	7,4	70,4	22,2	100,0
Костромская область / Kostroma Region	10,0	43,3	46,7	100,0
Курская область / Kursk Region	15,2	54,5	30,3	100,0
Орловская область / Orel Region	7,4	70,4	22,2	100,0
Смоленская область / Smolensk Region	11,1	63,0	25,9	100,0
Тамбовская область / Tambov Region	6,7	60,0	33,3	100,0
Тверская область / Tver Region	4,7	72,1	23,3	100,0
Центральный ФО / Central Federal District	18,4	66,1	15,5	100,0
Россия в целом / Russia as a whole	20,8	67,8	11,4	100,0

Источник / Source: База данных «Муниципальная Россия» / Database "Municipal Russia".

ная убыль и миграционный отток населения. Очень часто эти процессы усиливают друг друга, создавая замкнутый круг, — уезжает в основном молодежь, что ведет к росту смертности и сокращению рождаемости, а увеличивается доля пожилых людей в структуре населения, формируя среду, способствующую миграционному оттоку молодежи [12]. Усугубляет эту проблему то обстоятельство, что территории Северо-Запада страны, которые характеризуются быстрым сокращением численности населения, входят в историческое ядро Российского государства. И почти полное исчезновение населения в них в обозримой перспективе будет иметь не только экономические, но и социально-культурные последствия.

Аналогичные проблемы характерны для территорий Центрального федерального округа, где субъектов Российской Федерации с быстрым сокращением численности населения больше всего, причем в Костромской области их доля достигает почти 50% (табл. 6). Сразу в четырех регионах доля муниципалитетов с ростом численности населения составляет менее 10% — это фактически административные центры соответствующих субъектов Российской Федерации и их пригороды, за редкими исключениями.

Быстрая убыль численности населения характерна и для территорий, примыкающих к Московскому столичному региону. Это свидетельствует

Таблица 7 / Table 7

Регионы Приволжья России со значительной долей муниципалитетов с быстрым сокращением численности населения в 2010–2018 гг., % / Regions of the Volga region of Russia with a significant share of municipalities with rapid population decline in 2010–2018, %

Регион / Region	Группы МО по динамике численности населения / The groups of municipalities of the population dynamics			
	Рост численности населения / With the growth of population	Сокращение численности населения до 2% в год / With a decline in population up to 2% per year	Сокращение численности населения более 2% в год / With a decline in population more than 2% per year	Всего / Total
Республика Марий Эл / Republic of Marii El	5,9	70,6	23,5	100,0
Республика Мордовия / Republic of Mordovia	8,7	47,8	43,5	100,0
Чувашская Республика / Chuvash Republic – Chuvashia	7,7	65,4	26,9	100,0
Кировская область / Kirov Region	8,9	42,2	48,9	100,0
Пензенская область / Penza Region	13,3	70,0	16,7	100,0
Ульяновская область / Ulyanovsk Region	8,3	75,0	16,7	100,0
Приволжский ФО / Volga Federal District	13,2	73,9	12,8	100,0
Россия в целом / Russia as a whole	20,8	67,8	11,4	100,0

Источник / Source: База данных «Муниципальная Россия» / Database “Municipal Russia”.

о том, что близость к столице страны не является фактором, определяющим демографическое развитие. Наиболее показательна в этом отношении Тверская область, значительная часть которой фактически входит в Московскую агломерацию, где население с момента переписи 2010 г. увеличилось всего в двух муниципальных образованиях первого порядка. В этом регионе, кроме административной столицы городского округа (Тверь), за период 2010–2018 гг. выросло население только в Рамешковском районе. В отличие от многих муниципальных образований Тверского региона, этот муниципальный район не граничит с Московской областью и не находится

на транспортных магистралях, связывающих Москву и Санкт-Петербург, а также не является городским округом, для которого быстрое сокращение населения значительно менее характерно, чем для муниципальных районов, о которых шла речь выше.

Быстрое сокращение численности населения на муниципальном уровне происходит также в Приволжском федеральном округе (табл. 7).

В этом округе сразу в пяти регионах отмечается доля муниципальных образований первого порядка с ростом численности населения менее 10% от общего количества городских округов и муниципальных районов. Что же касается Кировской

области, то в ней численность населения сокращается очень быстрыми темпами почти в половине муниципалитетов.

В муниципальных образованиях Приволжского федерального округа сочетаются значительная естественная убыль населения (из-за старой возрастной структуры) и миграционный отток (вследствие неблагоприятной для жизни социально-экономической ситуации). Причем сильная депопуляция затронула относительно благополучные (в демографическом отношении) в недавнем прошлом национальные республики Поволжья. Особенно ярко это проявляется в Республике Чувашия, где за 2010–2018 гг. численность населения выросла только в городских округах с центрами в Чебоксарах (на 6,1%) и Новочебоксарске (на 1,8%).

РОССИЯ В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ СТРАНАМИ

По многим демографическим показателям население России более всего похоже на население стран Европы. При этом рождаемость в России значительно выше, чем в большинстве европейских стран. Так, в 2015–2016 гг. общий коэффициент рождаемости в нашей стране составлял 12,9 промилле, а суммарный коэффициент (число родившихся детей на одну женщину) достиг 1,8, тогда как в государствах Европы общий коэффициент рождаемости, как правило, составляет около 10 промилле, а суммарный коэффициент рождаемости — менее 1,5, но и при таких показателях рождаемости естественная убыль происходит только в нескольких странах. Можно сделать вывод, что естественная убыль в России обусловлена не столько низкой рождаемостью, сколько слишком высокой смертностью населения.

Смертность в России снижается практически на всем протяжении XXI в., достигнув в 2017 г. показателя средней ожидаемой продолжительности жизни примерно 72 года (66,5 лет — для мужчин и 77 лет — для женщин). Но в последнее время она уменьшается медленнее, чем рождаемость. Так, в 2017 г. по сравнению с предыдущим годом численность умерших снизилась на 3,4%, а численность родившихся — на 10,7%. В большинстве стран Западной Европы средняя ожидаемая продолжительность жизни — 80 лет и старше, что и обуславливает общий коэффициент смертно-

сти на уровне около 10 промилле, позволяющий обеспечивать естественный прирост населения около нуля.

Но в дальнейшей перспективе низкая рождаемость неминуемо приведет к значительной естественной убыли населения и сокращению его численности. Теоретически решить эту проблему может массовое привлечение мигрантов молодого возраста из других государств. Именно по этому пути в последние годы идут многие европейские страны. Но, оказывая положительное влияние на демографическую ситуацию, масштабная иммиграция из развивающихся стран может иметь многочисленные негативные социальные, культурные, политические последствия.

По уровню развития экономики, а также по численности населения и масштабам территории Россия более сравнима со странами БРИКС, что стало одним из поводов объединения этих государств в рамках международной организации. Но по составу населения (половозрастному, этническому, конфессиональному) Россия значительно отличается от других стран БРИКС, в которых в последние десятилетия наблюдался неуклонный рост численности населения: с 1990 г. в Индии и ЮАР — на 57–58%, в Бразилии — на 38%, в Китае — на 25% (в России за этот же период численность населения сократилась примерно на 2%).

В других странах БРИКС можно выявить территории с разной динамикой численности населения на уровне регионов, аналогичные субъектам Российской Федерации. За последние годы не выявлено регионов с сокращением численности населения среди провинций ЮАР, штатов и федерального округа Бразилии, штатов и территорий Индии. Только в Китае, наиболее близком к России среди стран БРИКС по демографическим показателям, имеются провинции с небольшим сокращением численности населения⁴.

Но, в отличие от нашей страны, это многонаселенные территории центральной части Китая с явным избытком в настоящее время жителей, особенно сельских — провинции Сычуань, Гуйчжоу и некоторые другие, тогда как в малонаселенных западных регионах Китая (автономные округа Тибетский, Сыньцзян-Уйгурский, провинция Цинхай) численность населения быстро растет

⁴ National Bureau of Statistics of China (дата обращения: 15.12.2018).

более чем на 1% ежегодно⁵. Иными словами, в Китае происходит перераспределение населения из многонаселенных территорий в малонаселенные регионы, и дифференциация между частями страны по этому показателю сокращается.

ВЫВОДЫ

Не вызывает сомнений тот факт, что существующая система муниципальных образований в стране будет меняться [13]. При этом акцент на решении проблемы социально-демографической безопасности должен быть сделан именно на местном уровне, так как в муниципалитетах люди решают

насушные вопросы своей жизнедеятельности. Это воплощается в конечном счете в их демографическом и миграционном поведении, что приводит к росту или сокращению численности населения [14]. Таким образом, необходима разработка специальных программ демографического развития в каждом субъекте Российской Федерации с выделением наиболее проблемных муниципальных образований.

Естественно, целесообразна также разработка программ демографического развития на региональном и межрегиональном уровнях, особенно для территорий с особым статусом [15]. Именно постепенный перенос приоритета решения социально-экономических проблем, в том числе демографических, на уровень местного самоуправления может позволить России в целом быстрее достичь национальных целей развития.

⁵ Быстрее всего в Китае увеличивается население Шанхая и Пекина, что соответствует тенденциям урбанизации в развивающихся странах, но в развитых странах в условиях новой технологической революции население многих крупнейших агломераций начинает сокращаться.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Симагин Ю. А., Глушкова В. Г. Динамика численности населения и социально-экономическое развитие регионов России. *Региональные исследования*. 2012;(3):65–69.
2. Рыбаковский Л. Л. 20 лет депопуляции в России. М.: Экон-информ; 2014. 228 с.
3. Аверкиева К. В. Сельская местность Нечерноземья: депопуляция и возможные пути адаптации к новым условиям. *Вопросы географии*. 2013;135:108–125.
4. Demeny P. Prospects for International Migration: Globalization and its Discontents. *Journal of Population Research*. 2002;19(1):160–172.
5. Симагин Ю. А. Проблемы учета динамики демографического потенциала в стратегиях экономического развития регионов России. *Экономика. Налоги. Право*. 2016;9(4):111–117.
6. Локосов В. В., Рюмина Е. В., Ульянов В. В. Макрорегионы России: характеристика человеческого потенциала. *Народонаселение*. 2018;21(3):37–51. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-3-03
7. Глезер О. Б. Система местного самоуправления как составная часть институциональной среды расселения в современной России. *Вопросы географии*. 2013; 135:224–244.
8. Gibbs J. The evolution of population. *Economic Geography*. 1963;(2):85–99.
9. Preston S. H. Empirical analysis of the contribution of age composition to population growth. *Demography*. 1970;7(4):417–432.
10. Пациорковский В. В. Сельско-городская Россия. М.: ИСЭПН РАН; 2010. 390 с.
11. Сукнева С. А., Тарасова-Сивцева О. М. Современные особенности сельско-городской миграции в северном регионе. *Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера*. 2018;6(1):238–245.
12. Пациорковский В. В. Актуальные вопросы повышения рождаемости. *Народонаселение*. 2018;21(1):31–47. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-1-03
13. Симагин Ю. А. Муниципальные образования России: проблемы формирования и перспективы изменения. *Народонаселение*. 2013;(4):87–93.
14. Симагин Ю. А., Пациорковский В. В., Муртузалиева Д. Д. Дифференциация естественного прироста населения в муниципальных образованиях России. *Народонаселение*. 2018;21(4):36–49. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-05
15. Фатттахов Р. В., Низамутдинов М. М., Орешников В. В. Социально-экономические и демографические проблемы устойчивого развития регионов Российской Федерации с особым статусом. *Экономика. Налоги. Право*. 2018;11(4):90–101. DOI: 10.26794/1999-849X-2018-11-4-90-101

REFERENCES

1. Simagin Yu.A., Glushkova V.G. Population dynamics and socio-economic development of russian regions. *Regionalnye issledovaniya = Regional study*. 2012;(3):65–69. (In Russ.).
2. Rybakovsky L.L. 20 years of depopulation in Russia. Moscow: Ekon-inform; 2014. 228 p. (In Russ.).
3. Averkieva K.V. Rural non-chernozem: depopulation and possible ways of adaptation to new conditions. *Voprosy geografii = Problems of Geography*. 2013;135:108–125. (In Russ.).
4. Demeny P. Prospects for international migration: globalization and its discontents. *Jurnal of Population Research*. 2002;19(1):160–172.
5. Симагин Ю.А. Problems of accounting the demographic potential dynamics in economic development strategies of russian regions. *Ekonomika. Nalogi. Pravo. = Economics, taxes & law*. 2016;9(4):111–117. (In Russ.).
6. Lokosov V.V., Ryumina E.V., Ulyanov V.V. Macroregions of Russia: characteristic of human potential. *Narodonaselenie = Population*. 2018;21(3):37–51. (In Russ.). DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-3-03
7. Glezer O.B. Local self-government system as a component of the institutional background of settlement pattern in modern Russia. *Voprosy geografii = Problems of Geography*. 2013;135:224–244.
8. Gibbs J. The evolution of population. *Economic Geography*. 1963;(2):85–99.
9. Preston S.H. Empirical analysis of the contribution of age composition to population growth. *Demography*. 1970;7(4):417–432.
10. Patsiorkovskiy V.V. Rural-urban Russia. Moscow: Institute of Social and Economic problems of Population of the Russian Academy of Sciences; 2010. 390 p. (In Russ.).
11. Sukneva S.A., Tarasova-Sivtseva O.M. Modern features of rural-urban migration in the northern region. *Actual problems, directions and mechanisms of development of productive forces of the North*. 2018;6(1):238–245. (In Russ.).
12. Patsiorkovskiy V.V. Challenges of raising fertility. *Narodonaselenie = Population*. 2018;21(1):31–47. (In Russ.). DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-1-03
13. Simagin Yu.A. Municipalities of Russia: problems of formation and prospects of change. *Narodonaselenie = Population*. 2013;(4):87–93. (In Russ.).
14. Simagin Yu.A., Patsiorkovskiy V.V., Murtuzaliev D.D. Differentiation of natural population growth in the municipalities of modern Russia. *Narodonaselenie = Population*. 2018;21(4):36–49. (In Russ.). DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-05
15. Fattakhov R.V., Nizamutdinov M.M., Oreshnikov V.V. Socio-economic and demographic problems of sustainable development of the russian regions enjoying a special status. *Ekonomika. Nalogi. Pravo. = Economics, taxes & law*. 2018;11(4):90–101. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2018-11-4-90-101

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юрий Алексеевич Симагин — кандидат географических наук, доцент, заведующий лабораторией Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия
yas63@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Simagin Yuri A. — Cand. Sci. (Geogr.), Assoc. Prof., Head of the Laboratory at Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
yas63@yandex.ru

Статья поступила 03.01.2019; принята к публикации 04.03.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 03.01.2019; accepted for publication 04.03.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-103-114

УДК 314.17(045)

JEL J10, J61, O15

Влияние демографических факторов на трудовой потенциал регионов Дальнего Востока

А.В. Ярашева^а, С.В. Макар^б^а Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН,
Москва, Россия^б Финансовый университет, Москва, Россия^а <https://orcid.org/0000-0002-6041-7700>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-1681-8814>

АННОТАЦИЯ

Проблемы исследования – сокращение численности населения и, как следствие, падение трудового потенциала населения Дальнего Востока. *Актуальность рассматриваемых проблем* обусловлена, во-первых, низкой плотностью населения на данной территории, во-вторых, отрицательными значениями естественного движения населения, в-третьих, миграцией жителей трудоспособного возраста в другие регионы, в-четвертых, относительно низкими показателями уровня и качества жизни граждан, проживающих на Дальнем Востоке. В совокупности выявленные на исследуемой территории отрицательные факторы несут угрозу геополитического характера, препятствуют желаемому стратегическому социально-экономическому развитию России.

Цель статьи – выявление на основе анализа происходящих процессов и существующих закономерностей критических взаимосвязей факторов, позволяющих обеспечить рост трудового потенциала населения Дальневосточного федерального округа.

Исследование основывается на анализе изменения численности населения регионов Дальнего Востока, показателей миграционного прироста/убыли, коэффициентов вероятности дожития в гендерном разрезе, трендов снижения/роста доходов бюджетов на душу населения, а также среднедушевого денежного дохода.

Предлагается интегрированный подход к увеличению трудового потенциала населения регионов Дальневосточного федерального округа на основе анализа взаимосвязей демографических, культурных, экономических и социальных процессов с учетом концепций самосохранительного поведения, человеческого капитала, социального кластеризма. *Делается вывод* о том, что данный подход может быть применен органами государственного управления к реализации плана долгосрочного социально-экономического развития Дальнего Востока.

Ключевые слова: трудовой потенциал; Дальний Восток; Дальневосточный федеральный округ; демографическая ситуация; уровень и качество жизни населения; менталитет; взаимосвязи; человеческий капитал; среднедушевой денежный доход

Для цитирования: Ярашева А.В., Макар С.В. Влияние демографических факторов на трудовой потенциал регионов Дальнего Востока. *Экономика. Налоги. Право.* 2019;12(2):103-114. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-103-114

The Impact of Demographic Factors on the Labor Potential of the Far East Regions

A.V. Yarasheva^а, S.V. Makar^б^а Institute of Socio-Economic Studies of Population
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia^б Financial University, Moscow, Russia^а <https://orcid.org/0000-0002-6041-7700>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-1681-8814>

ABSTRACT

The subject of the research is the population decline and, as a result, a drop in the labor potential in the Far East. *The relevance of the problems* under study is due, firstly, to the low population density in this area, secondly, negative values of the natural movement of the population, thirdly, migration of working-age people to other regions, fourthly, relatively

low indicators of standards and quality of life of citizens living in the Far East. Together, the negative factors identified in the area carry a geopolitical threat and impede the desired strategic socio-economic development of Russia.

The purpose of the paper was to reveal the factors contributing to the growth of the labor potential in the Far Eastern Federal District based on an analysis of ongoing processes and existing regularities of critical interrelationships.

The study is based on the analysis of changes in the population of the Far East regions, migration growth/decline indicators, life expectancy factors in the gender context, trends in loss/growth of budget incomes per capita as well as the per capita cash income.

An integrated approach to increasing the labor potential of the population in the regions of the Far Eastern Federal District is proposed based on the analysis of the interrelationships of demographic, cultural, economic and social processes taking into account the concepts of self-protective behavior, human capital, and social clusterism. *It is concluded* that this approach can be used by government agencies in the implementation of the plan of the long-term socio-economic development of the Far East.

Keywords: labor potential; Far East; Far Eastern Federal District; demographic situation; life standards and quality; mentality; interrelationships; human capital; per capita cash income

For citation: Yarasheva A.V., Makar S.V. The impact of demographic factors on labor potential of the Far East regions. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2019;12(2):103-114. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-103-114

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Демографические факторы традиционно определяют социально-экономическое развитие территорий¹. Успешный пример развития стран АСЕАН² подтверждает возможность сочетания значительного естественного прироста населения и одновременного развития экономики. Современное долгосрочное развитие Дальневосточного федерального округа Российской Федерации (далее — ДФО) также зависит от демографической ситуации, сложившейся на данной территории.

Ученые — экономисты и социологи [1] — сходятся во мнении, что результатом складывающихся демографических тенденций является сокращение численности экономически активного населения России и соответственно его трудового потенциала. Сохранение и формирование трудового потенциала населения ДФО обретают особую значимость в рамках реализации поставленных Правительством РФ задач развития Дальнего Востока [прежде всего территорий опережающего развития (далее —

ТОР³)], обеспечения национальной и экологической безопасности.

Согласно утвержденной постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 308 государственной программе «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» финансовые средства (53,7 млрд руб.) были распределены между субъектами, входящими в ДФО, в том числе с целью модернизации объектов социальной, транспортной и инженерной инфраструктуры. Финансирование данных субъектов было увеличено в 2017 г. более чем на 5 млрд руб. в связи с созданием ТОР⁴ «Надеждинская», «Хабаровск», «Кангалассы», «Михайловский». В 2018 г. в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 16.06.2018 № 1194-р «О социально-экономическом развитии Дальнего Востока и Байкальского региона» были увеличены средства на предоставление из федерального бюджета межбюджетных трансфертов на реализацию мероприятий по социальному развитию центров экономического роста субъектов, входящих в состав ДФО. Однако принятые Правительством РФ меры не позволяют обеспечить достижение целей долгосрочного развития макрорегиона, поскольку не решена до настоящего времени проблема дефицита кадров. Главным препятствием на пути социально-экономического развития ДФО выступает сокращение численности его жителей.

¹ Демография: учебник / коллектив авторов. Глушкова В. Г., Хорева О. Б., ред. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Кнорус; 2018. 290 с.

² Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (ASEAN) (от англ. *Association of South East Asian Nations*) — политическая, экономическая и культурная региональная межправительственная организация, включающая десять стран: Индонезия, Камбоджа, Вьетнам, Таиланд, Мьянма, Лаос, Малайзия, Бруней, Сингапур, Филиппины — основана 8 августа 1967 г. Средний объем ВВП на душу населения составляет более 4 тыс. долл. США (по паритету покупательной способности граждан).

³ Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации».

⁴ Постановления Правительства РФ от 31.08.2017 № 1046, 1047, 1048, 1049, 1050, 1051.

Таблица 1 / Table 1

Численность населения (по состоянию на 15 марта 2018 г., на конец года, человек) / Population (as of March 15, 2018 at the end of the year, people)

Регион / Region	2014	2015	2016	2017	Тренды к 2014 г. / trends by 2014
Дальневосточный федеральный округ / Far Eastern Federal District	6 211 021	6 194 969	6 182 679	6 165 284	↓↓↓
Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	956 896	959 689	962 835	964 330	↑↑↑
Камчатский край / Kamchatka Territory	317 269	316 116	314 729	315 557	↓↑
Приморский край / Primorye Territory	1 933 308	1 929 008	1 923 116	1 913 037	↓↓↓
Хабаровский край / Khabarovsk Territory	1 338 305	1 334 552	1 333 294	1 328 302	↓↓↓
Амурская область / Amur Region	809 873	805 689	801 752	798 424	↓↓↓
Магаданская область / Magadan Region	148 071	146 345	145 570	144 091	↓↓↓
Сахалинская область / Sakhalin Region	488 391	487 293	487 344	490 181	↑↑↑
Еврейская автономная область / Jewish Autonomous Region	168 368	166 120	164 217	162 014	↓↓↓
Чукотский автономный округ / Chukotka Autonomous Area	50 540	50 157	49 822	49 348	↓↓↓

Источник / Source: составлено авторами на основе «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2017 г. (статистический бюллетень)», Федеральная служба государственной статистики. М.; 2018. / compiled by the authors / based on the "Population size and migration of the Russian Federation in 2017 (statistical bulletin)", Federal State Statistics Service. Moscow; 2018.

Вследствие ухудшения качества жизни населения происходит миграция населения в более благоприятные для жизни российские регионы. Прогнозируется к 2025 г. существенное снижение численности населения ДФО почти на треть [2], что приведет к резкому уменьшению трудового потенциала.

Поэтому первоочередной задачей государственных органов является принятие мер, направленных на увеличение общей численности населения макрорегиона, в том числе благодаря привлечению квалифицированных кадров из других частей России и закреплению коренного населения.

ДИНАМИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

На территории абсолютного большинства регионов — субъектов макрорегиона констатируется «двойной отток» жителей — естественная убыль населения (15%) и миграционный отток (85%). Этот процесс продолжается на протяжении последних 30 лет. В период 1989–2015 гг. численность населения в ДФО уменьшилась на 22%. Анализ изменения численности населения по регионам за период 2014–2018 гг. показал, что, за исключением Республики Саха (Якутия) и Са-

Группы субъектов Российской Федерации по степени влияния показателей естественного движения и миграции на изменение численности населения в 2017 г. / Groups of subjects of the Russian Federation according to the degree of influence of natural movement and migration indicators on the change in population size in 2017

Процессы, за счет которых произошло сокращение численности населения / Processes caused population decrease	Субъекты Российской Федерации, в которых население сократилось / Subjects of the Russian Federation where the population has decreased
Естественная убыль и миграционный отток населения / Natural decrease and migration outflow	Республики: Башкортостан, Карелия, Коми, Марий Эл, Удмуртская, Хакасия и Чувашская; Алтайский, Пермский, Приморский и Хабаровский края; Амурская , Архангельская (без Ненецкого автономного округа), Брянская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Ивановская, Кемеровская, Кировская, Костромская, Курганская, Курская, Липецкая, Магаданская , Мурманская, Новгородская, Омская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Псковская, Самарская, Саратовская, Тверская, Ульяновская, Челябинская и Еврейская автономная области
Превышение естественной убыли над миграционным приростом / Excess of natural loss over migration increase	Республика Мордовия; Белгородская, Воронежская, Калужская, Нижегородская, Ростовская, Рязанская, Свердловская, Смоленская, Тамбовская, Тульская и Ярославская области
Превышение миграционного оттока над естественным приростом / Excess of migration outflow over natural increase	Республики: Калмыкия, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия-Алания; Забайкальский и Ставропольский края; Астраханская, Иркутская и Томская области; Чукотский автономный округ

Источник / Source: составлено авторами на основе «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2017 г. (статистический бюллетень)», Федеральная служба государственной статистики. М.; 2018 / compiled by the authors / based on the "Population size and migration of the Russian Federation in 2017 (statistical bulletin)", Federal State Statistics Service. Moscow; 2018. URL: <http://www.gks.ru>.

халинской области, во всех субъектах ДФО сократилась численность населения (табл. 1).

Наибольшее сокращение в абсолютном выражении произошло в Приморском крае и Амурской области, а в относительных показателях (в процентах) — в Еврейской автономной области, Магаданской области и Чукотском автономном округе.

Анализ демографической ситуации на основе коэффициентов общего, естественного и миграционного прироста в 2017 г. позволяет отметить следующее: в целом по макрорегиону миграционный отток превышает естественную убыль населения. По отдельным регионам-субъектам, входящим в ДФО, демографическая ситуация дифференцирована. Наибольший общий прирост населения наблюдается в Сахалинской области (за счет миграционного притока), наиболее значительный

прирост происходит в Республике Саха (Якутия), а миграционный отток — из Чукотского автономного округа и Еврейской автономной области.

На фоне всех регионов — субъектов Российской Федерации, где в 2017 г. произошло сокращение численности населения, количественно выделяются шесть из девяти регионов ДФО (табл. 2).

Таким образом, пять (из девяти) дальневосточных регионов характеризуются и естественной убылью, и миграционным оттоком. Чукотский автономный округ входит в число регионов, в которых миграционный отток превышает естественный прирост населения.

Складывается опасная в национальных масштабах тенденция, вызванная высокими темпами потерь ДФО высококвалифицированных трудовых ресурсов, в первую очередь в трудоспособном возрасте (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Общий миграционный прирост населения в ДФО в 2017 г. по возрастным категориям относительно трудоспособного возраста, человек / Total population increase in the Far Eastern Federal District in 2017 by age categories relative to the working age, people

Регион / Region	Всего/ Total	Возраст/ Age		
		1	2	3
Дальневосточный федеральный округ / Far Eastern Federal District	-17114	-2209	-8385	-6520
Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	-4649	-554	-2615	-1480
Камчатский край / Kamchatka Territory	544	-74	1272	-654
Приморский край / Primorye Territory	-5591	-794	-3632	-1165
Хабаровский край / Khabarovsk Territory	-3690	-376	-2242	-1072
Амурская область / Amur Region	-2104	-262	-1179	-663
Магаданская область / Magadan Region	-1398	-142	-661	-595
Сахалинская область / Sakhalin Region	2373	495	2345	-467
Еврейская автономная область / Jewish Autonomous Region	-1943	-469	-1252	-222
Чукотский автономный округ / Chukotka Autonomous Area	-656	-33	-421	-202

Примечание / Note:

1 – моложе трудоспособного возраста / younger than working age;

2 – трудоспособный возраст / working age;

3 – старше трудоспособного возраста / older than working age.

Источник / Source: составлено авторами на основе «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2017 г. (статистический бюллетень)», Федеральная служба государственной статистики. М.; 2018 / compiled by the authors / based on the "Population size and migration of the Russian Federation in 2017 (statistical bulletin)", Federal State Statistics Service. Moscow; 2018. URL: <http://www.gks.ru>.

Процесс формирования регионального и макро-регионального пространства имеет комплексный характер [3]. Экономико-географические преимущества данной территории – приморское и приграничное положение, а также наличие транспортной инфраструктуры в виде крупных морских портов во Владивостоке⁵, Находке (незамерзающий), а также космодрома «Восточный», ТОРов Приморского края. Все эти объекты невозможно использовать и реализовывать без специалистов трудоспособного возраста, обладающих соответствующими знаниями и компетенциями.

Данные табл. 3 позволяют сделать вывод, что миграционный отток населения во всех регионах

ДФО (за исключением Камчатского края и Сахалинской области) произошел в наибольшей степени за счет активных в трудовом отношении людей.

Как отмечают эксперты [4, с. 150], базовые установки на здоровый, активный, безопасный образ жизни формируются у молодых людей к началу их экономически активного возраста. В табл. 4 приведен возраст дожития мужчин и женщин экономически активного населения для регионов ДФО, которые получены на основе данных полных таблиц смертности.

Анализируемый показатель у женщин ожидаемо выше, чем у мужчин, но в целом все регионы ДФО демонстрируют коэффициент значительно ниже, чем по населению России.

На основе значений табл. 5 в числе «аутсайдеров дожития» преобладают регионы ДФО. Таким образом, большинство субъектов ДФО относятся

⁵ Леженина Т.А. Модернизация экономического потенциала Дальнего Востока и Байкальского региона России. *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2016;6:61–67.

Таблица 4 / Table 4

Вероятность дожития мужского и женского населения в возрасте от 15 до 72 лет в регионах – субъектах Российской Федерации, входящих в ДФО, в расчете на 1000 чел., доживающих до 15 лет / The probability of survival of the male and female population aged from 15 to 72 years in the regions-subjects of the Russian Federation included in the Far Eastern Federal District per 1000 people living to 15 years

Регион / Region	Вероятность дожития в экономически активном возрасте / The probability of survival in the economically active age		
	Оба пола / Both sexes	Мужчины / Men	Женщины / Women
Российская Федерация / Russian Federation	584	431	733
Дальневосточный федеральный округ / Far Eastern Federal District	516	361	677
Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	561	416	711
Камчатский край / Kamchatka Territory	519	364	689
Приморский край / Primorye Territory	530	377	686
Хабаровский край / Khabarovsk Territory	513	350	678
Амурская область / Amur Region	479	320	648
Магаданская область / Magadan Region	479	349	625
Сахалинская область / Sakhalin Region	495	341	622
Еврейская автономная область / Jewish Autonomous Region	440	279	615
Чукотский автономный округ / Chukotka Autonomous Area	460	386	576

Источник / Source: составлено авторами на основе compiled by the authors / based on [6].

к группе с критическими показателями уровня самосохранительного поведения – вероятность ниже 500 промилле, что свидетельствует о низком уровне культуры самосохранительного поведения.

Эксперты [4, с. 161] отмечают данный уровень как неприемлемый: «архаичный уровень культуры самосохранительного поведения» характерен также для регионов Восточной Сибири. Вероятность достижения пределов трудоспособного или экономически активного возраста для условного молодого поколения резко сокращается и «падает до уровня половины вероятности дожития» [4, с. 161]. Таким образом, по мнению ученых, необходимо выделить существенное влияние самосохранительного поведения на демографическое поведение и структуру жизненных стратегий личности [4, с. 151], формирование понятий о жизненных ценностях.

В современных отечественных исследованиях подчеркивается влияние благосостояния населения на его трудовую активность и демографическое поведение. Результаты анализа динамики доходов региональных бюджетов ДФО на душу населения показывают их рост на трехлетнем интервале в большинстве субъектов данной территории (табл. 6). Однако тренды по доходам не совпадают с трендами динамики численности населения.

Сокращение доходов заметно в Сахалинской области, Еврейской автономной области и Чукотском автономном округе, а наибольший рост доходов – в Магаданской области и Хабаровском крае.

Анализ демо-социоэкономической ситуации может быть дополнен показателями динамики среднедушевого денежного дохода на аналогичном трехлетнем интервале (табл. 7).

Таблица 5 / Table 5

Регионы России – аутсайдеры по вероятностям дожития населения в экономически активном возрасте, 2015 г. / Regions of Russia – the outsiders in the probability of survival of the population in the economically active age, 2015

Регионы России – аутсайдеры по возрастанию величины вероятности дожития, % / Regions of Russia – outsiders in increasing probability of population survival	
Республика Тыва / Republic of Tyva	405
Еврейская автономная область / Jewish Autonomous Region	440
Чукотский автономный округ / Chukotka Autonomous Area	460
Амурская область / Amur Region	479
Магаданская область / Magadan Region	479
Забайкальский край / Zabaykalsky Krai	485
Иркутская область / Irkutsk Region	495
Сахалинская область / Sakhalin Region	495
Псковская область / Pskov Region	508
Хабаровский край / Khabarovsk Territory	513
Кемеровская область / Kemerovo Region	515
Камчатский край / Kamchatka Territory	519
...	
Приморский край / Primorye Territory	530

Источник / Source: [4].

Наибольшее увеличение среднедушевого денежного дохода произошло в Республике Саха (Якутия), а самое чувствительное снижение — в Магаданской области и Еврейской автономной области.

Следует отметить, что в первой десятке субъектов-регионов Российской Федерации по уровню доходов от оплаты труда в расчете на душу населения в 2000–2015 гг. [5, с. 98] находятся два дальневосточных региона — Магаданская область и Камчатский край. На основе взаимодополняющих показателей и индикаторов можно сделать вывод, что основная причина неблагоприятных демографических тенденций — отставание реального уровня жизни населения от среднероссийских показателей. Качество и уровень жизни одновременно выступают в данном случае как условие и результат развития трудового потенциала [6].

Несмотря на относительно высокие среднемесячные зарплаты, доля населения Дальнего Востока с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума больше, чем в среднем

по России (11,2%). Так, в Еврейской автономной области доля населения с доходами ниже прожиточного минимума составила 21,4%, в Республике Саха (Якутия) — 17,4%, в Камчатском крае — 17%, в Приморском крае — 14,7%, в Амурской области — 14%, в Хабаровском крае — 13,2%, в Магаданской области — 12,1%. Наименьшая доля населения с доходами ниже прожиточного минимума отмечается в Сахалинской области (9,1% от общей численности) и в Чукотском автономном округе (8,3%) [2, с. 34].

Население, проживающее в таких городах, как Владивосток и Хабаровск, обеспокоено проблемами социального обслуживания: недоступностью государственных и муниципальных услуг в сферах дошкольного и школьного образования, медицинским обслуживанием, а также проблемами, связанными с большой удаленностью торговых точек и аптек в городе, распространением наркомании и алкоголизма, а также загрязненностью окружающей среды [2, с. 40].

Таблица 6 / Table 6

Динамика доходов бюджетов на душу населения в 2015–2017 гг. и трехлетний тренд по регионам – субъектам Российской Федерации, входящим в ДФО (руб.) / Dynamics of budget revenues per capita in 2015–2017 and a three-year trend in the regions – subjects of the Russian Federation included in the Far Eastern Federal District (rubles)

Регионы ДФО / Regions of in the Far Eastern Federal District	2015	2016	2017	Тренды к 2015 г. / Trends by 2015
Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	215 936,2	225 863,8	234 152,4	↑↑
Камчатский край / Kamchatka Territory	228 337,9	252 352,5	264 159,4	↑↑
Приморский край / Primorye Territory	67 578,1	70 402,8	77 008,8	↑↑
Хабаровский край / Khabarovsk Territory	82 409,0	90 873,6	97 971,0	↑↑
Амурская область / Amur Region	77 768,9	85 460,5	86 833,9	↑↑
Магаданская область / Magadan Region	209 415,9	249 614,2	269 670,1	↑↑
Сахалинская область / Sakhalin Region	477 719,9	340 103,1	285 696,9	↓↓
Еврейская автономная область / Jewish Autonomous Region	75 814,8	82 868,8	80 284,1	↑↓
Чукотский автономный округ / Chukotka Autonomous Area	587 344,0	685 483,8	638 803,9	↑↓

Источник / Source: составлено авторами на основе «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017. Стат. сб. / Росстат. М.; 2017. 1402 с. / Отчетность по исполнению бюджетов». 2018. / compiled by the authors / based on the "Regions of Russia. Socio-economic indicators". 2017. Stat. Sat / Rosstat. Moscow; 2017. 1402 p. / Reporting on budget execution. 2018. URL: <http://www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzheto>.

Практически во всех регионах ДФО (кроме Магаданской области) уровень безработицы выше, чем в среднем по России (5,2–6,4%). Самый высокий уровень безработицы наблюдается в Республике Саха (Якутия) — 7,4% [2, с. 34].

Важность вопросов повышения уровня и качества жизни населения ДФО не раз обсуждалась в ходе научно-практических конференций с привлечением ученых и представителей органов власти. Учитывая необходимость разработки и принятия мер для решения вопросов развития Дальнего Востока, группа ученых Российской академии наук (В. И. Ишаев, В. В. Ивантер, Д. Б. Кувалин, П. А. Лавриненко, В. В. Потапенко, А. А. Широ, К. В. Янков) подготовила доклад с научным обоснованием программы мер, повышающих привлекательность трудовой карьеры на Дальнем Востоке. В основе программы лежит предложение о выплате привлекаемым работникам целевой единовременной субсидии, так называемого «дальневосточного капитала», который может использоваться на приобретение недвижимости, создание собственного

бизнеса, оплату образования и поддержку дополнительного пенсионного обеспечения. В докладе показана полная окупаемость бюджетных расходов на реализацию программы к 2035 г., сформулированы предложения по возможным источникам финансирования программы и оценен масштаб этих источников [7].

Среди задач программы — привлечение квалифицированных работников в зоны экономического роста (ТОРы) и территории реализации крупных инвестиционных проектов (в машиностроении, на транспорте, в обрабатывающей промышленности и т. д.). Использование средств дальневосточного капитала будет допускаться только в пределах Дальнего Востока и Байкальского региона (далее — ДВиБР). Граждане России, привлеченные для работы в рамках приоритетных для данной территории направлений экономического развития, смогут потратить субсидию исключительно на долгосрочные инвестиционные нужды: покупку или строительство жилья, приобретение земли, вложение в собственное дело, оплату образовательных

Таблица 7 / Table 7

Среднедушевой денежный доход в 2015–2017 гг. и трехлетний тренд по регионам – субъектам Российской Федерации, входящим в ДФО (руб.) / Average income in 2015–2017 and a three-year trend in the regions – subjects of the Russian Federation included in the Far Eastern Federal District (rubles)

Регионы – субъекты ДФО / Regions-subjects of the Far Eastern Federal District	2015	2016	2017	Тренды к 2015 г. / Trends by 2015
Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	454 830	467 965	477 710	↑↑
Камчатский край / Kamchatka Territory	492 330	491 562	492 787	↓↑
Приморский край / Primorye Territory	395 777	388 758	402 512	↓↑
Хабаровский край / Khabarovsk Territory	439 372	449 321	450 402	↑↑
Амурская область / Amur Region	361 846	354 961	378 335	↓↑
Магаданская область / Magadan Region	599 633	607 423	569 150	↑↓
Сахалинская область / Sakhalin Region	595 184	595 212	590 142	↑↓
Еврейская автономная область / Jewish Autonomous Region	291 549	282 983	274 668	↓↓
Чукотский автономный округ / Chukotka Autonomous Area	737 649	764 356	742 787	↑↓

Источник / Source: составлено авторами на основе «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017. Стат. сб. / Росстат. М.; 2017. 1402 с. / Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации. 2018 / compiled by the authors / based on the "Information for monitoring the socio-economic status of the constituent entities of the Russian Federation". 2018. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1246601078438.

услуг, а также на формирование индивидуальных пенсионных счетов.

Реализация программы осуществляется по этапам. Так, пилотная стадия (с 2017 по 2021 г.) включает создание и апробирование необходимых институтов и механизмов. На последующих стадиях программу поэтапно распространяют на всю территорию ДВиБР. Число выделяемых квот предлагается поэтапно увеличивать — с 2500 до 12 500 человек в год, а в период 2022–2035 гг. — до 35 000 человек.

Основная цель программы состоит в решении социально-демографических и экономических проблем Дальнего Востока так, чтобы и в целом Россия сохранила свои позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и население почувствовало повышение уровня своей жизни [8].

Безусловно, рассмотренная программа не единственный из предлагаемых путей достиже-

ния экономической и социальной устойчивости в дальневосточном макрорегионе. Управление потенциалами развития территорий включает сложный комплекс принятия решений по выбору верного стратегического вектора для конкретного региона с максимальным использованием всех его преимуществ [9].

В ДФО, одном из самых депопулирующих в стране регионов, решение вопросов повышения трудового потенциала, столь необходимого для макрорегиона, невозможно без предоставления доступного жилья (особенно для молодых семей), расширения возможностей для реализации творческих возможностей и образовательного потенциала. В этой связи применение программы дальневосточного капитала может оказать положительное влияние на миграционные настроения трудовых кадров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сокращение численности населения в большинстве субъектов Российской Федерации рассматриваемого макрорегиона вследствие естественной и особенно миграционной убыли существенно понизило трудовой потенциал территории. Разбалансированность рынка труда [10, с. 93], вызванная выбыванием квалифицированных кадров, привела к дефициту рабочей силы.

Чтобы остановить этот негативный процесс, необходимо создать благоприятные условия посредством комплекса мер, способствующих росту уровня и качества жизни, необходимых экономически активному слою населения.

Меры, которые смогут препятствовать миграционному оттоку трудоспособного населения, предусматривают развитие малого предпринимательства, обслуживающего реализуемые крупные инвестиционные проекты.

Формирование условий повышения уровня жизни в макрорегионе предполагает принятие мер управляющего воздействия:

1) законодательное установление более высокой, чем в среднем по стране, величины прожиточного минимума с целью повышения общего уровня доходов населения;

2) обеспечение более высоких социальных стандартов для семей специалистов (обеспеченность школами, детскими дошкольными учреждениями, услугами здравоохранения);

3) формирование возможностей получения конкурентоспособного высокого уровня образования, личностного и творческого роста, рост человеческого капитала [11];

4) создание условий для устойчивого функционирования и развития систем подготовки переподготовки и закрепления кадров, которые могут обеспечить создание и функционирование региональных (территориальных) экономических кластеров;

5) привлечение специалистов как в традиционные для Дальнего Востока виды деятельности (рыбная промышленность, лесопереработка, добыча минерального сырья и др.), так и инновационные сферы (фармацевтика, биоэнергетика, пищевая переработка недревесного лесного сырья и пр. [12]);

6) формирование социального кластера мигрантов⁶, организация социальных мероприятий,

позволяющих понять и принять местные условия жизнедеятельности и менталитет коренного населения [мастер-классы по приготовлению традиционной пищи, изготовлению традиционных сувениров (регионального характера), спортивные занятия, летний экотуризм в соседние регионы, сельскохозяйственный туризм и др.];

7) создание спортивной инфраструктуры для занятия зимними и всесезонными видами спорта и физкультурой;

8) финансирование социальной инфраструктуры макрорегиона для повышения качества жизни населения и принятия решения со стороны высококвалифицированных специалистов о заключении долгосрочных трудовых соглашений;

9) прозрачное управление макрорегионом [13] и мониторинг результатов действия механизма дальневосточного капитала;

10) единовременные выплаты/субсидии (в виде «подъемных») мигрантам, подписавшим трудовое соглашение, для аренды комфортного жилья в первый год адаптации;

11) полная оплата жилья для высококвалифицированных специалистов-мигрантов из других регионов, особенно привлеченных на стратегические промышленные и логистические объекты макрорегиона;

12) субсидирование из региональных бюджетов кредитов на покупку жилья для трудовых мигрантов, прибывших для работы на предприятиях приоритетных направлений экономики ДФО;

13) субсидирование добровольного медицинского страхования в течение первых пяти лет адаптации;

14) субсидирование психологической поддержки мигрантов в течение первых 3 лет адаптации;

15) снижение региональных налогов [14, 15], в частности применение льготной ставки налога на имущество.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: демографический потенциал как резерв развития российских субъектов Российской Федерации выступает в качестве возможности регулирования качества трудового потенциала населения и решения социально-экономических проблем региональной экономики. Для ДФО с его депопуляционными тенденциями этот вопрос имеет первостепенное значение.

⁶ Макаров В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. М.: Бизнес Атлас; 2010. 272 с.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Грант № 17-06-00565.

ACKNOWLEDGEMENT

The paper was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research. Grant No. 17-06-00565.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Локосов В.В. Народонаселение современной России: воспроизводство и развитие. М.: Экон-Информ; 2015. 411 с.
2. Иванова В.В., Васильева А.А. Условия и качество жизни населения дальневосточных городов. *Проблемы развития территории*. 2018;95(3):28–44.
3. Макара С.В. К развитию теории организации регионального пространства. *Экономика. Налоги. Право*. 2013;(6):22–27.
4. Кузьмин А.И. Лидеры и аутсайдеры по дожитию населения в экономически активном возрасте: региональный демографический анализ. *Регион: экономика и социология*. 2018;98(2):149–167. DOI: 10.15372/REG20180207
5. Казанцев С.В. Количественная оценка неравенства (на примере доходов от оплаты труда в субъектах Российской Федерации). *Регион: экономика и социология*. 2018;98(2):83–109.
6. Ярашева А.В. Региональные экономические проблемы: трудовой потенциал развития Дальнего Востока. *Научный вестник Южного института менеджмента*. 2018;23(3):32–37. DOI: 10.31775/2305-3100-2018-3-32-37
7. Ишаев В.И. Дальневосточный капитал. М.: Международные отношения; 2017. 28 с.
8. Ишаев В.И., Ивантер В.В., Кувалин Д.Б. Экономика Дальнего Востока и Байкальского региона: государственный подход. М.: МАКС Пресс; 2015. 264 с.
9. Ярашева А.В. Анализ конкурентных преимуществ региона. *Экономика и управление*. 2007;31(5):48–51.
10. Красинец Е.С., Шевцова Т.В. Миграция как фактор и следствие развития рынка труда. *Уровень жизни населения регионов России*. 2014;193(3):92–9. DOI: 10.12737/5648
11. Власюк Л.И., Кашин В.К., Макара С.В. Индикаторы гуманизации регионального развития: человеческий капитал. *Экономика. Налоги. Право*. 2016;9(6):68–76.
12. Макара С.В. Развитие регионального лесного потенциала в координатах государственного стратегического планирования. *Региональная экономика: теория и практика*. 2010;(38):32–41.
13. Строев П.В., Фаттахов Р.В., Макара С.В. ГИС-технологии для управления устойчивым пространственным развитием регионов. М.: А-проджект; 2018. 160 с.
14. Savvateev A., Sorokin C., Weber S. Multidimensional free-mobility equilibrium. Tiebout revisited. Mimeo; 2016. 23 p.
15. Tiebout C. A pure Theory of Local Expenditures. *Journal of Political Economy*. 1956;64(5):416–424.

REFERENCES

1. Lokosov V.V. Population of modern Russia: reproduction and development. Moscow: Econ-Inform; 2015. 411 p. (In Russ.).
2. Ivanova V.V., Vasilyeva A.A. Conditions and quality of life of the population of the far eastern cities. *Problemy razvitiya territorii = Problems of Territory Development*. 2018;95(3):28–44. (In Russ.).
3. Makar S.V. To the development of the theory of organization of regional space. *Ekonomika. Nalogi. Pravo. = Economics, taxes & law*. 2013;(6):22–27. (In Russ.).
4. Kuzmin A.I. Leaders and outsiders on the survival of the population in the economically active age: a regional demographic analysis. *Region: economics and sociology*. 2018;98(2):149–167. (In Russ.). DOI: 10.15372/REG20180207
5. Kazantsev S.V. Quantitative assessment of inequality (for example, income from wages in the subjects of the Russian Federation). *Region: ekonomika i sotsiologiya. = Region: economics and sociology*. 2018;98(2):83–109. (In Russ.).

6. Yarasheva A.V. Regional economic problems: labor potential of the far east development. *Nauchnyy vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta = Scientific bulletin of the Southern Institute of Management*. 2018;23(3):32–37. (In Russ.). DOI: 10.31775/2305–3100–2018–3–32–37
7. Ishaev V.I. Far eastern capital scientific. Moscow: Ed. International Relations; 2017. 28 p. (In Russ.).
8. Ishaev V.I., Ivanter V.V., Kuvalin D.B. Economics of the Far East and the Baikal region: a state approach. Moscow: MAX Press; 2015. 264 p. (In Russ.).
9. Yarasheva A.V. Analysis of the competitive advantages of the region. *Ekonomika i upravleniye = Economics and Management*. 2007;31(5):48–51. (In Russ.).
10. Krasinets Ye.S., Shevtsova T.V. Migration as a factor and a consequence of the labor market development. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. = The standard of living of the population of the regions of Russia*. 2014;193(3):92–99. (In Russ.).
11. Vlasyuk L.I., Kashin V.K., Makar S.V. Indicators of humanization of regional development: human capital. *Ekonomika. Nalogi. Pravo. =Economics, taxes & law*. 2016;9(6):68–76. (In Russ.).
12. Makar S.V. Development of regional forest potential in the coordinates of the state strategic planning. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2010;(38):32–41. (In Russ.).
13. Stroev P.V., Fattakhov R.V., Makar S.V. GIS-technologies for managing sustainable spatial development of regions Moscow: A-prodzhekt; 2018. 160 p. (In Russ.).
14. Savvateev A., Sorokin C., Weber S. Multidimensional free-mobility equilibrium. Tiebout revisited. Mimeo; 2016. 23 p.
15. Tiebout C. A Pure theory of local expenditures. *Journal of Political Economy*. 1956;64(5):416–424.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Азиза Викторовна Ярашева — доктор экономических наук, профессор, профессор РАН, заведующая лабораторией исследования поведенческой экономики, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия
baktiana@rambler.ru

Светлана Владимировна Макара — доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра региональной экономики и межбюджетных отношений, Финансовый университет, Москва, Россия
svetwn@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Yarasheva Aziza V. — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Professor of the Russian Academy of Sciences, Head of the Laboratory of Behavioral Economics Studies, the Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
baktiana@rambler.ru

Makar Svetlana V. — Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Leading Researcher at the Center for Regional Economics and Interbudgetary Relations, Financial University, Moscow, Russia
svetwn@mail.ru

Статья поступила 15.12.2018; принята к публикации 17.02.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 15.12.2018; accepted for publication 17.02.2019.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-115-126
УДК 338.012(045)
JEL H51, G22

Финансирование здравоохранения: европейский опыт и российская практика

В.В. Антропов

Финансовый университет,
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина
Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-2991-2877>

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – системы финансирования здравоохранения в европейских странах и России.

Актуальность рассмотрения этой проблемы обусловлена возможностью использования успешного зарубежного опыта организации финансирования здравоохранения в России.

Цель работы – рассмотрение особенностей организации и финансирования моделей здравоохранения в европейских странах и возможностей использования их опыта в системе организации финансирования здравоохранения в Российской Федерации. В статье проводится исследование сегодняшнего состояния двух моделей финансирования здравоохранения в ЕС – бюджетной и страховой. На примере отдельных европейских стран рассматриваются особенности функционирования каждой модели, оцениваются их преимущества и недостатки. Особое внимание в работе уделяется специфике системы финансирования здравоохранения России и ее отличию от зарубежных систем. С учетом рассмотренного зарубежного опыта и необходимости совершенствования российской системы обязательного медицинского страхования (ОМС) в статье предлагаются направления совершенствования российской модели финансирования здравоохранения: установление единой организационно-финансовой системы обязательного медицинского страхования; введение системы паритетного участия работодателя и работника в финансировании обязательного медицинского страхования; введение системы семейного страхования; стимулирование программ добровольного медицинского страхования (ДМС). *Сделан вывод*, что стержнем реформирования системы ОМС должен быть поиск социально приемлемых и экономически рациональных форм привлечения средств населения. При этом крайне важно, чтобы поступающие в медицинские учреждения средства не увеличивали теневые доходы в экономике, а направлялись на развитие системы здравоохранения.

Ключевые слова: финансирование здравоохранения; бюджетная модель здравоохранения; страховая модель здравоохранения; модель здравоохранения Семашко; обязательное медицинское страхование; добровольное медицинское страхование

Для цитирования: Антропов В.В. Финансирование здравоохранения: европейский опыт и российская практика. *Экономика. Налоги. Право.* 2019;12(2):115-126. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-115-126

Healthcare Financing: European Experience and Russian Practice

V.V. Antropov

Financial University,
Gubkin Russian State University of Oil and Gas
Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2991-2877>

ABSTRACT

The subject of the research is healthcare financing systems in European countries and Russia.

The relevance of the problem stems from the possibility of using successful foreign experience for the organization of healthcare financing in Russia.

The purpose of the research was to examine the specific features of the establishing and funding healthcare models in countries of Europe and the possibilities of their experience in organizing healthcare financing in the Russian Federation.

The paper examines the current state of the two models of health financing in the EU – budget funding and insurance. By the example of individual European countries, the operation specifics of each model are analyzed, their advantages and disadvantages are assessed. Particular attention is paid to the specifics of the healthcare financing system in Russia and its difference from foreign systems. Taking into account the foreign experience and the need to improve the Russian compulsory healthcare insurance (CHI) system, the paper proposes ways to improve the Russian model of healthcare financing: establishment of a unified organizational and financial CHI model; introduction of a system of equal participation of the employer and employee in the financing of compulsory healthcare insurance; introduction of a family insurance system; promotion of voluntary healthcare insurance programs. *It is concluded* that the keypoint in the CHI system restructuring should be the search for socially acceptable and economically justified forms of attracting public funds. At the same time, it is extremely important that the funds received by medical institutions do not increase the shadow incomes in the economy but are spent on the development of the healthcare system.

Keywords: healthcare financing; budget healthcare model; healthcare insurance model; Semashko healthcare model; compulsory healthcare insurance; voluntary healthcare insurance

For citation: Antropov V.V. Healthcare financing: European experience and Russian practice. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law.* 2019;12(2):115-126. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-115-126

МОДЕЛИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В СТРАНАХ ЕС

Медицинское страхование и обеспечение охраны здоровья населения, называемые вкратце здравоохранением, являются важнейшим компонентом социальной политики европейских государств. С точки зрения организационно-финансовых особенностей можно выделить две основные модели здравоохранения: страховую и бюджетную. Однако вследствие того что с течением времени каждое государство было вынуждено совершенствовать действовавшую систему, ни в одной стране эти модели не представлены в чистом виде (см. таблицу).

Основным источником финансирования здравоохранения в большинстве стран являются взносы на обязательное медицинское страхование (далее — ОМС), отчисляемые на паритетной основе работодателями и наемными работниками. Дефицит фондов обязательного и частного медицинского страхования покрывается за счет государственных кредитов (например, в Бельгии).

На финансирование здравоохранения направляются также средства, поступающие от добровольного медицинского страхования (далее — ДМС) за счет работодателей или из собственных средств граждан. Наибольшее распространение ДМС получило в таких европейских странах, как Германия и Нидерланды.

Во многих государствах оплата медицинских услуги и медикаментов может также осуществляться из личных средств пациентов. Это обусловлено тем, что медицинское страхование не всегда покрывает все затраты на оказание медицинской помощи. Структура личных расходов пациентов на финансирование здравоохранения не носит однород-

ного характера. Так, достаточно высокая их доля в таких странах, как Италия и Греция, объясняется превалированием индивидуальных доплат граждан на приобретение лекарств и оплату медицинских услуг, а в Германии, Франции и Бельгии основная часть расходов аккумулируется в фондах страховых медицинских компаний, оказывающих услуги в рамках ДМС. Это обусловлено развитым рынком ДМС, многочисленностью конкурирующих между собой частных страховых компаний, а также стабильностью финансового рынка, что дает возможность страховым медицинским компаниям осуществлять успешную инвестиционную деятельность.

БЮДЖЕТНАЯ МОДЕЛЬ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Модель (система) бюджетного финансирования здравоохранения существует в таких европейских странах, как Великобритания, Швеция, Дания, Ирландия и Италия. Ее концептуальные основы были заложены в докладе английского экономиста У. Бевриджа, представленного правительству Великобритании в 1942 г. [1]. Основными характеристиками этой модели являются:

- всеобщий охват населения услугами здравоохранения;
- финансирование из государственного бюджета;
- контроль со стороны парламента и управление правительственными органами.

В процессе реализации данной модели эта концепция получила название «Программа национальных медицинских услуг», поскольку основным поставщиком услуг и единственным «страховщиком»

Таблица / Table

Методы финансирования и организационные принципы систем здравоохранения / Financing methods and organizational principles of health systems

Финансирование / Financing	Модель здравоохранения / Health model	
	Бюджетная / Budgetary	Страховая / Insurable
Налоги / Taxes	Дания, Великобритания, Швеция	Испания
Страховые взносы / Insurance premium		Германия, Франция, Нидерланды

* Несмотря на финансирование из бюджетных средств, система здравоохранения Испании основывается на страховом принципе.
 Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

в таких системах является государство. В данной модели возможны две формы финансирования здравоохранения:

- через государственные фонды, ресурсы которых используются для финансирования медицинских учреждений;
- прямым финансированием медицинских учреждений, минуя государственные фонды.

В большинстве стран с бюджетной моделью финансирования здравоохранения обязанность по определению политики в области охраны здоровья населения и ответственность за обеспечение доступа к медицинской помощи возлагаются на министерства здравоохранения. Примером может служить организация системы здравоохранения в Англии, где вопросы финансирования и предоставления медицинских услуг возложены на Национальную службу здравоохранения и ее местные отделения.

В бюджетных моделях здравоохранения функции центрального правительства и органов управления здравоохранением на местах, как правило, четко разграничены. Разделение ответственности за оказание медицинской помощи заключается в том, что общие вопросы развития здравоохранения решаются центральными органами управления, а организация и планирование деятельности медицинских учреждений на местах находятся в ведении местных органов власти. Основопологающей особенностью бюджетной модели финансирования здравоохранения является равный доступ к медицинской помощи всех граждан страны. Это обстоятельство препятствует формированию социального неравенства в сфере доступа населения к услугам здравоохранения.

Бюджетная модель здравоохранения, в отличие от страховых систем, характеризуется большей экономичностью, что проявляется в более низком уровне административных издержек. Это обусловлено тем,

что государство может сдерживать рост расходов на здравоохранение с помощью макроэкономических рычагов. Кроме того, при бюджетном финансировании здравоохранения стимулы к сдерживанию расходов и способность это делать объединены в одном управляющем органе, что позволяет сберегать средства и исключать дублирование функций. Поэтому бюджетные модели здравоохранения, как правило, обходятся обществу дешевле, чем страховые. Обратной стороной контроля государства за состоянием здравоохранения являются политические издержки для властей в виде роста общественного недовольства и критики со стороны поставщиков медицинских услуг. Поэтому расходы, выделяемые на бюджетную систему здравоохранения, зачастую зависят от политических приоритетов.

Английская система здравоохранения является типичной бюджетной моделью. Она представляет собой систему государственного финансирования здравоохранения с высокой централизацией фондов и ограниченной ролью местного финансирования. Ее ключевой принцип — обеспечение доступности медицинских услуг для всего населения страны. Финансирование здравоохранения в Англии осуществляется из средств государственного бюджета и частично — за счет части социального налога, который выплачивают работники и работодатели [2]. Считается, что английская система здравоохранения сформировалась под влиянием идей, впервые воплощенных в государственной системе здравоохранения СССР, созданной в 1920–1930 гг. при участии академика Н.А. Семашко. Принципы организации и финансирования здравоохранения в СССР оказали значительное влияние на построение здравоохранения не только в Англии, но и в других странах. Однако, в отличие от зарубежных бюджетных систем здравоохранения (большинство которых было сформиро-

ровано на несколько десятилетий позже советской), система здравоохранения СССР характеризовалась главенствующей ролью государства в организации здравоохранения и чрезмерной централизацией управления. Кроме того, врачи и административные работники медицинских учреждений в советской модели здравоохранения часто имели меньше прав в организации своей деятельности, а сама система была неподотчетна населению. Однако следует отметить, что и в Англии налогоплательщики не всегда имеют информацию о расходовании направляемых на здравоохранение средств, а в самой системе отсутствуют четкие критерии определения качества оказываемых медицинских услуг. В большинстве стран государственное здравоохранение представляет собой как систему добровольного медицинского страхования, так и обширный сектор медицинских услуг, оплачиваемых из личных средств граждан. В СССР и других социалистических странах наряду с государственной системой здравоохранения существовал небольшой сектор оказания частных услуг (например, зубное протезирование).

Опыт функционирования бюджетных систем здравоохранения показал, что на протяжении более 60 лет своего существования они по ряду показателей оказались достаточно эффективными, предоставляя населению относительно недорогие и качественные медицинские услуги. Так, в Англии лишь 12% жителей страны пользуются услугами ДМС, за счет которого финансируются отдельные специфические хирургические операции, зубоорачебные и офтальмологические услуги. Основным фактором, который определяет спрос на услуги ДМС в Великобритании, является необходимость долгого ожидания своей очереди в учреждениях государственного здравоохранения. Однако, как отмечают некоторые авторы, «данные о связи между размером очереди на лечение и добровольным медицинским страхованием не вполне убедительны, поскольку очереди становятся все длиннее, а степень охвата населения добровольным медицинским страхованием снизилась. Одна из возможных причин этого снижения — чрезвычайная дороговизна страховых премий, рост которых постоянно опережает темпы инфляции» [3].

Большинство медицинских услуг, оказываемых в рамках государственной системы здравоохранения Англии, предоставляется бесплатно. Частично оплачиваются только некоторые виды услуг, например выписка рецепта и профилактический осмотр.

Исключением является стоматологическая помощь, большая часть стоимости которой (около 80%) оплачивается самим пациентом. Несмотря на это, размер участия пациентов в оплате услуг здравоохранения в Великобритании меньше, чем в таких европейских странах, как Франция или Италия, — там подобная форма покрытия издержек получила большее распространение. В Англии от доплат за медицинскую помощь освобождены беременные, дети, получатели государственной социальной помощи и пособий по безработице, больные с хроническими заболеваниями, пенсионеры и инвалиды войны. Несмотря на меньшую долю средств, расходуемых на нужды здравоохранения в структуре ВВП в Великобритании по сравнению с другими государствами ОЭСР (9,7% в 2016 г.)¹, результаты деятельности здравоохранения этой страны являются далеко не худшими, а по ряду показателей и превосходящими ряд европейских стран.

Несмотря на положительные качества, характерные для бюджетной модели, следует отметить ее недостатки, обуславливающие снижение качества оказываемой медицинской помощи, усложнение контроля за деятельностью медицинских учреждений со стороны пациентов. Монополия в здравоохранении способствует возникновению затратного механизма в расходовании средств налогоплательщиков без существенного улучшения качественных характеристик здоровья населения. Монополизация в отрасли становится причиной роста дефицита медицинских услуг, в частности длительного ожидания оказания отдельных видов медицинской помощи (например, поликлинической). Последний фактор может также быть индикатором недофинансирования отрасли.

Поскольку управление здравоохранением осуществляется государственными органами и профессиональными работниками здравоохранения, которые имеют статус государственных служащих, бюджетная модель отличается чрезмерной бюрократизацией и авторитарностью управления. Преобладание государственной собственности в сфере здравоохранения приводит также к ограничению свободного рынка медицинских услуг.

Несмотря на широкий охват населения медицинскими услугами, для бюджетной модели характерно неравенство в распределении медицинской помощи

¹ Сайт ОЭСР. URL: <https://data.oecd.org/healthres/health-spending.htm> (дата обращения: 24.02.2019).

между различными регионами, что проявляется в концентрации финансовых и материальных ресурсов в крупных городах и их нехватке в регионах. Причинами тому могут быть недостаточная прозрачность процедур распределения ресурсов в здравоохранении и отсутствие гибкости в принятии управленческих решений.

Как правило, все бюджетные системы подвергаются постоянному давлению со стороны поставщиков медицинских услуг в целях увеличения частного финансирования и повышения доли сборов с потребителей услуг независимо от наличия частного страхования. Особенно чувствительны бюджетные модели к подобному давлению во времена финансовых кризисов. Для бюджетных систем характерно, что врачи, практикующие в государственном и частном секторах, могут манипулировать сроками ожидания оказания услуг, чтобы поощрять больных к частным платежам.

Рост частных платежей может привести к ухудшению доступа к услугам государственной системы здравоохранения. Большие доходы, которые получают врачи, работающие в частных клиниках, побуждают их ограничивать время приема пациентов и недорабатывать в государственном секторе. Конечно, частные платежи способствуют перераспределению доступа к лечению, если предложение является недостаточным, однако в модели здравоохранения, финансируемой в основном из налоговых поступлений, любая форма частного платежа наличными является способом приобретения привилегированного доступа к услуге, большая часть которой оплачивается главным образом из чужих налогов. Поэтому до тех пор пока в обществе преобладает ощущение, что адекватный уровень медицинских услуг доступен для всех, число тех, кто желает платить за привилегированную медицинскую помощь, будет небольшим (за исключением лиц с доходом выше среднего). Однако как только значительная часть населения поймет, что медицинская помощь является некачественной или недоступной, идея частного финансирования может получить серьезную политическую поддержку. Наконец, к недостаткам бюджетной модели относят ее большую зависимость от меняющихся политических приоритетов, что отчетливо видно на примере Великобритании, расходы на здравоохранение в которой на протяжении последних 20 лет неоднократно менялись под воздействием политической конъюнктуры.

СТРАХОВАЯ МОДЕЛЬ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Страховая модель здравоохранения существует во многих странах мира. В Европе она получила распространение в Германии, Бельгии, Нидерландах, Австрии и Франции. В отличие от США, в странах ЕС медицинское страхование является обязательным для большинства населения. Данная модель здравоохранения начала формироваться на рубеже XIX–XX вв., когда во многих европейских странах были приняты законы об ОМС. Реализация идей социальной солидарности в сфере здравоохранения и дефицит средств на оплату медицинских услуг у населения побудили властей вмешаться в процесс организации и контроля медицинского страхования. В итоге появилась система страхового финансирования здравоохранения, основными чертами которой стали:

- всеобщность охвата населения;
- участие в финансировании страховых фондов наемных работников, работодателей и государства;
- контроль за деятельностью страховых медицинских организаций (далее — СМО) со стороны страхователей;
- согласование тарифов на медицинские услуги и контроль качества медицинской помощи со стороны страхователей и государства.

Основной причиной введения страховой медицины в европейских странах стало появление большого частного сектора в здравоохранении с высокими ценами на медицинские услуги, которые стали недоступны для многих граждан.

В основе страховой модели здравоохранения лежит принцип солидарности, который предполагает существование страховых фондов, управляемых на паритетных началах наемными работниками и работодателями. Эти фонды аккумулируют социальные отчисления от заработной платы для осуществления страховых выплат. Страховые системы здравоохранения не финансируются, как правило, из государственного бюджета, за отдельными исключениями. Так, для малообеспеченных членов общества, которые не могут получать медицинские услуги по ряду причин (например, ввиду отсутствия необходимого страхового стажа), медицинская помощь финансируется государством. В данном случае речь идет о вспомогательных механизмах, которые представляют собой отступления от основной логики страховой модели, но без них обеспечение полного охвата населения медицинскими услугами населения было бы невоз-

возможным. В страховых моделях здравоохранения принцип обязательности медицинского страхования соблюдается не полностью, что обусловлено существованием «потолочных» уровней заработной платы для лиц с высокими доходами. Превышение такого уровня приводит или к невозможности участия в программе ОМС (возможно только добровольное страхование), или к лимитированию страховых взносов (в этом случае в рамках ОМС страховые взносы вносятся только в пределах «потолочного» уровня заработной платы, а социальные выплаты исчисляются в отношении к этому уровню).

Медицинское страхование в страховой модели является обязательным для всех трудящихся по найму. В большинстве европейских стран обязательным медицинским страхованием охвачено практически все население. Так, в Люксембурге только 1–3% населения остаются незастрахованными, к которым относятся преимущественно богатые жители [4]. В Германии значительная часть работающих охвачена ОМС, и только их небольшая часть в законодательном порядке исключена из нее (лица с высокими доходами). Имеются группы населения, которые могут выбирать между государственным и частным медицинским страхованием [5]. В Нидерландах предусмотрено разделение застрахованного населения на основании размера доходов: лица с низкими доходами включаются в систему ОМС, а лица с высокими доходами — в систему частного медицинского страхования [6].

В страховой модели здравоохранения величина страховых взносов, отчисляемых в страховые фонды, рассчитывается на основе размера заработной платы и доходов. В этом случае происходит перераспределение ресурсов от высокооплачиваемых категорий населения к менее оплачиваемым работникам, от молодых и одиноких — к пожилым и многодетным семьям. Таким образом, обеспечивается социальная солидарность внутри групп застрахованных. Размер страховых взносов обычно зависит от размера заработной платы. В большинстве стран ЕС страховые взносы распределяются на паритетной основе: одна их часть уплачивается работодателем, а другая — наемным работником. Оплата страховых взносов может осуществляться в разных пропорциях. Так, если для Германии, Бельгии, Люксембурга это соотношение является равным для работников и работодателей, то во Франции большую часть расходов в финансировании страховых фондов берут на себя наниматели.

Актуальным вопросом, по-разному решаемым в европейских странах, является участие в системе ОМС большой группы ее участников — пенсионеров. Чаще всего в качестве взноса в ОМС они уплачивают ту же долю от своей пенсии, что и работающие граждане от своей зарплаты. Однако имеются исключения. Например, если в Германии и Люксембурге эта сумма делится между пенсионером и государственным пенсионным фондом, который выступает в этом случае как работодатель, то в Нидерландах пенсионер платит страховой взнос за себя полностью. В некоторых случаях финансирование здравоохранения дополняется из государственного бюджета, однако, в отличие от бюджетной модели, в модели страхового здравоохранения такая практика применяется только в случаях дефицита страховых фондов. Таким образом, в отличие от бюджетной модели, финансирование страхового здравоохранения осуществляется на трехсторонней основе — из средств наемных работников, предпринимателей и, в случае необходимости, государства. Соотношение размеров финансового участия в формировании фондов медицинского страхования зачастую зависит от экономической конъюнктуры и налоговой политики государства. Несмотря на то что в большинстве стран ЕС страховые фонды самоуправляемы, существенное влияние на установление ставки страховых взносов оказывает правительство или парламент. Например, во Франции о размерах ставок взносов договариваются правительство, представители наемных работников, предпринимателей и организации социального обеспечения (пенсионные фонды), однако последнее слово остается за правительством [7]. В Нидерландах функция установления ставок взносов возложена на коллегия по медицинскому страхованию, которая рекомендует министерству здравоохранения, социальной защиты и спорта размеры ставок взносов на следующий год [6]. Только в двух странах ЕС — Германии и Люксембурге — полномочия по установлению ставок взносов принадлежат медицинским страховым фондам (страховым кассам), хотя и в этих государствах они подлежат одобрению правительством.

В системе страхового здравоохранения в ЕС особые условия страхования применяются в отношении лиц, занятых не по найму, — предпринимателей, фермеров, ремесленников, адвокатов и пр. Для них действуют особые правила страхования, нежели для лиц, работающих по договору найма. Выплата

страховых взносов зависит от действующего порядка налогообложения. Если в России страховые взносы на медицинское страхование вычитаются из заработной платы до получения ее работником, то в Германии или Франции отчисления в фонды медицинского страхования делаются после получения работниками заработной платы. Такая же форма взимания страховых взносов действует и в системе национального здравоохранения Великобритании с той лишь разницей, что часть взимаемого единого социального взноса, предназначенная на здравоохранение, перечисляется в соответствующий фонд Национальной службы здравоохранения страны.

Аккумуляция ресурсов в страховой модели осуществляется в неправительственных некоммерческих (страховых) фондах, которые выступают посредниками между застрахованными и медицинскими учреждениями (врачами). В ряде стран страховые фонды организуются на различных основах: профессиональной, территориальной, религиозной и даже политической. Управление этими организациями в большинстве государств однотипно и осуществляется представителями застрахованных и страховщиками. Таким образом, в отличие от бюджетной модели здравоохранения, для страховой модели характерно децентрализованное финансирование.

Страховая система финансирования здравоохранения по сравнению с бюджетной системой обладает рядом преимуществ. Причина одного из них — различия в форме образования фондов. Так как страховые фонды формируются на целевой основе и рассчитаны на определенный круг лиц, то и страховая медицина приобретает характер целевой и адресной. Это вызвано ее большей ориентацией на пациента. В отличие от бюджетной модели, в страховой системе врач является первичной инстанцией — он берет на себя ответственность за обеспечение оказания всех необходимых медицинских услуг. Кроме того, в отличие от бюджетной модели, где фактически происходит обезличивание денежных средств пациента, поступающих в государственный бюджет, в страховой системе полное обезличивание невозможно ввиду наличия цепочки взаимодействующих сторон: пациент — страховая компания — врач. Таким образом, факт зависимости доступа к лечению от взносов придает больному статус покупателя, а связь между страховщиком и застрахованным осуществляется на основе договора.

Немаловажной особенностью страховых моделей, отличающих их от бюджетных систем, является то обстоятельство, что их финансирование менее зависимо от политической конъюнктуры. В страховых моделях существенная часть страховых взносов остается, как правило, на местах. Они перераспределяются в порядке территориального выравнивания и могут контролироваться страхователями и застрахованными в части использования ресурсов, направляемых на оплату медицинской помощи, и качества оказываемых медицинских услуг. Кроме того, пациенты имеют более широкую возможность выбора врача и лечебного учреждения, чем в бюджетных моделях здравоохранения. Преимуществом страховой системы страхования является также то, что работники и предприниматели могут выбирать страховые фонды, способствуя тем самым конкуренции между различными страховыми компаниями.

Достоинством децентрализованного финансирования в страховых системах является возможность обеспечения стабильного притока финансов предприятий и работников, заинтересованных в получении медицинской помощи. Это обстоятельство обусловлено прозрачностью финансирования страховой медицины, а также прямым, а не косвенным, как в бюджетной модели, формированием фондов. Страховой характер финансирования здравоохранения может вместе с тем породить проблемы, связанные с удорожанием лечения. Это вызвано тем, что, поскольку страховые системы не устанавливают жестких бюджетных ограничений, в них усиливается действие затратного механизма. В свою очередь, это приводит к дефициту средств фондов страхования и, как следствие, — к увеличению ставок страховых взносов предпринимателей и работников. При росте стоимости медицинской помощи страховой организации легче принять решение о повышении страховых взносов, чем правительству (в случае бюджетной модели — о повышении налогов). Поэтому макроэкономическая стоимость страховой модели оказывается более дорогой: расходы на нее в процентах к ВВП, как правило, выше, чем в системе бюджетного здравоохранения². Помимо роста страховых взносов, высокая стоимость стра-

² Впрочем, все относительно. Поэтому разница в доле расходов между обеими моделями не столь велика. Так, Канада с ее бюджетным финансированием здравоохранения (10,4%) не слишком отстает от немецкой (11,1%) и французской (11,5%) систем, основанных на социальном страховании.

ховой модели объясняется также такими факторами, как более высокие административные издержки, которые обусловлены необходимостью обработки страховыми организациями финансовых отчетов лечебных учреждений; спецификой деятельности врачей, заинтересованных в предоставлении более дорогих и не всегда нужных пациенту услуг; увеличением страховыми компаниями собственных расходов на маркетинг и рекламу в условиях рыночной конкуренции.

Проблема роста стоимости лечения в страховых моделях здравоохранения в странах ЕС решается по-разному. Так, мерами, способными уменьшить рост расходов на здравоохранение, могут быть:

- снижение количества медицинских услуг, которые гарантируются в рамках обязательного медицинского страхования. Это возможно путем увеличения доли собственных расходов пациентов в оплате медицинской помощи;
- унификация ставок страховых взносов и предоставляемых услуг.

Однако реформы последних лет в европейских странах сделали системы страховой медицины более гибкими, совмещающими как централизованные, так и децентрализованные принципы управления, менее подверженные конъюнктурным колебаниям [8].

К недостаткам страховой модели здравоохранения часто относят ее небольшие возможности в сфере охраны общественного здоровья и санитарного просвещения, а также по осуществлению мер профилактической медицинской помощи, обусловленных недостаточными финансовыми возможностями страховых фондов и их очевидной незаинтересованностью в направлении значительных средств на эти цели. Слабостью страховой модели вследствие ее децентрализованного характера является сложность управления и координации деятельности медицинских учреждений, особенно в странах с ограниченными ресурсами и неоднородностью территориального деления. По этой причине успех формирования российской системы здравоохранения, которая руководствуется принципами как бюджетной, так и страховой модели финансирования, во многом зависит от качества управления медицинским страхованием. Наконец, серьезным недостатком страховой модели является то, что она зависит от демографической ситуации в стране. На сегодняшний день именно демографические изменения в структуре населения развитых

европейских стран — старение населения и падение рождаемости — становятся основными причинами кризиса современных систем страховой медицины.

ДОБРОВОЛЬНОЕ МЕДИЦИНСКОЕ СТРАХОВАНИЕ

В отличие от США, Австралии и Швейцарии, в европейских государствах ДМС не играет ведущей роли в финансировании здравоохранения. Исходя из сложившейся традиции правительства стран ЕС стремятся сохранить принципы здравоохранения, основанного на бюджетном финансировании или обязательном медицинском страховании, доступного для каждого гражданина независимо от его платежеспособности. Поэтому ДМС играет в этих государствах небольшую роль и подразделяется на страхование:

- служащее заменой обязательной системе (замещающее страхование, далее — замещающее ДМС);
- представляющее собой добавочную оплату услуг, которые полностью или частично исключены из государственной системы (добавочное страхование, далее — добавочное ДМС);
- предоставляющее расширенный набор медицинских услуг (далее — расширенное ДМС) [9].

Системы медицинского страхования в странах ЕС имеют обязательный характер для большинства граждан. Однако в Германии, Нидерландах и Испании отдельные группы населения либо не охватываются государственной системой, либо могут выйти из нее и прибегнуть к услугам ДМС. В Германии ДМС распространяется только на работников с высокими доходами [10]. Лица, чьи заработки превышают определенный предел, могут добровольно выйти из государственной системы и воспользоваться услугами замещающего ДМС, охватывающего широкий круг медицинских услуг и предоставляющего множество льгот и пособий — от полной компенсации расходов на стационарное лечение до платежей за косметическую хирургию или альтернативное лечение. Как правило, полисы замещающего ДМС предоставляют дополнительные удобства (например, улучшенный уход в стационаре), ускоренный доступ к медицинской помощи и расширенный выбор медицинских учреждений.

Дополняющее ДМС, в отличие от замещающего ДМС, либо полностью, либо частично покрывает услуги, которые не предусмотрены обязательным медицинским страхованием. Оно доступно для всех

граждан стран ЕС, хотя в различных формах. Так, услуги некоторых страховых компаний, работающих на этом рынке, ограничиваются больничным лечением. Если дополняющее ДМС распространяется на амбулаторное лечение, оно может включать услуги врачей-специалистов и вспомогательного медицинского персонала, а также покрывать расходы на медикаменты, транспорт, стоматологические услуги и др. Страховые пакеты могут быть различными в зависимости от страны или страховой компании. Следует отметить, что наряду с перечисленными услугами, дополняющее ДМС компенсирует также личные доплаты пациентов на медицинскую помощь в Бельгии и Дания (соплатежи на медикаменты), во Франции (амбулаторное лечение).

Расширенное ДМС предназначено для увеличения потребительского выбора, предоставления более высокого уровня удобств или ускоренного доступа к лечению, особенно в отраслях, где проблема ожидания лечения достаточно актуальна (например, в хирургии).

Несмотря на наличие налоговых стимулов в области ДМС, во многих странах ЕС устойчивого роста спроса на услуги ДМС не наблюдается по причине того, что ОМС охватывает подавляющее большинство населения. Кроме того, этому способствуют усилия государств по внедрению в практику иных, помимо ДМС, методов по перекладыванию расходов на плечи потребителей (сборы с пользователей), о чем упоминалось выше. Как правило, доля расходов на ДМС выше в странах со страховыми системами здравоохранения. Данные по ЕС показывают, что даже в государствах, где правительства специально поощряют людей обращаться к услугам частного страхования, результаты по ДМС не всегда поддаются однозначной интерпретации. Так, относительно скромные размеры рынков ДМС в Дании, Финляндии и Швеции обычно объясняются большими размерами государственных пособий. Достаточно низким остается процент частных расходов на ДМС в южноевропейских странах ЕС, несмотря на то что личные платежи граждан (в том числе нелегальных лиц) там достаточно высоки. Объяснение может заключаться в нежелании пациентов платить третьей стороне — страховой компании. Если люди привыкли платить своему врачу непосредственно, перевод денег третьей стороне может показаться излишним. Этот элемент культурной традиции влияет на распространение ДМС в странах с высоким уровнем неофициальных платежей.

ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИИ

Переход России в 1990-х гг. на рыночный путь развития не мог не повлиять на состояние системы здравоохранения, особенностью которой в современных условиях является многоканальность финансирования: бюджеты всех уровней, внебюджетные фонды ОМС в виде федеральных и территориальных фондов — соответственно ФФОМС и ТФОМС, а также личные средства граждан. Система ОМС не заменила ранее существовавшую бюджетную систему, а только ее дополнила — средства, аккумулированные в ОМС, не превышают 40% общего государственного финансирования здравоохранения [11]. В отличие от европейских систем, сформировавшихся в течение десятков лет, российская система ОМС была создана за несколько лет. Если создание системы страхового здравоохранения в Европе происходило при наличии большого частного сектора здравоохранения и страховая медицина была выбрана в качестве инструмента уменьшения финансовой нагрузки на население в результате постоянного роста цен на медицинские услуги, становление системы ОМС в нашей стране проходило в принципиально иных условиях.

Во-первых, в отличие от европейских стран, в России практически отсутствовал частный сектор в здравоохранении и существовала государственная система его финансирования. *Во-вторых*, необходимым условием эффективной работы страховых систем здравоохранения является высокий уровень доходов населения. Сегодня объем заработной платы в структуре ВВП России составляет около 30%, тогда как развитых странах — не менее 60%. В нашей стране выбор страховой модели здравоохранения был обусловлен стремлением расширить источники его финансирования и иметь новые каналы стабильного получения дополнительных средств. Предполагалось, что внедрение страховой системы финансирования создаст институциональные условия для повышения эффективности использования ресурсов в здравоохранении. Однако несмотря на то что закон об ОМС действует с 1991 г., сама концепция страховой медицины далеко не бесспорна и очевидна для организаторов системы российского здравоохранения [12]. Кроме того, существующая сегодня в России смешанная; для бюджетно-страховой модели здравоохранения характерно хроническое недофинансирование [13].

Особенностью российской системы ОМС стало создание специализированных органов государст-

венного управления — ФФОМС и ТФОМС как самостоятельных некоммерческих финансово-кредитных учреждений. Основными задачами этих организаций являются формирование финансовых средств на ОМС, обеспечение финансовой стабильности государственной системы ОМС и выравнивание финансовых ресурсов на его реализацию. В разные годы система ОМС России была представлена ее различными организационно-финансовыми моделями:

- *страховая модель*. В этой модели СМО непосредственно организуют работу с застрахованным населением и медицинскими учреждениями, контролируют объем и качество оказываемых медицинских услуг, предусмотренных ОМС;
- *смешанная модель*. Страховщиком выступает как страховая медицинская организация, так и ТФОМС;
- *фондовая модель* исключает участие страховых медицинских организаций. Их функции выполняют ТФОМС и их филиалы;
- *модель, не предусматривающая участия фондов ОМС, их филиалов и СМО*. Страховые средства аккумулируются в органах управления здравоохранением, через которые и осуществляется финансирование здравоохранения.

В отличие от классической модели ОМС, в ее российском варианте между фондом ОМС и медицинским учреждением нет прямой связи, а оплата медицинских услуг осуществляется ТФОМС через посредника — страховую медицинскую организацию. В соответствии с Законом РФ от 28.06.1991 № 1499-1 «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации» страховая организация, а не ТФОМС, должна заниматься предоставлением гражданам медицинской помощи, финансировать медицинские услуги из средств, переданных фондом, а также защищать интересы застрахованных граждан (чего на практике не происходит). В соответствии с законодательством СМО, работающие в ОМС, обязаны заниматься своей деятельностью на некоммерческой основе, а их прибыль должна использоваться в целях осуществления основной деятельности, т.е. расходоваться на формирование резервов для оплаты медицинской помощи и оплату труда работников страховой организации. Некоммерческий вид деятельности характерен для большинства страховых медицинских организаций в странах ЕС, которые занимаются ОМС. Российская практика на законодательном уровне следует этому опыту. Однако, в отличие от европейских стран, где совмещение

ОМС и ДМС, как правило, запрещено, в Российской Федерации страховые медицинские компании (в том числе коммерческие) могут заниматься обоими видами медицинского страхования, выделяя для осуществления ОМС дочернюю компанию. Подобная практика привела к чрезмерному присутствию на российском страховом рынке ОМС коммерческих компаний, что нетипично для европейских стран.

Действующая схема организации ОМС в России отличается также особенностями, которые не дают возможность полностью охарактеризовать ее как страховую деятельность. Экономический механизм любой страховой деятельности предполагает форму организации страхового фонда, которая должна характеризоваться централизацией фонда страхования; использованием страховых отчислений для формирования страхового фонда, управлением средствами фонда непосредственно страховой организацией. Российская практика организации ОМС имеет отступления от классического механизма страхования. Это обусловлено тем, что создание страховых фондов осуществляется не страховой организацией, а специально созданными для этой цели государственными некоммерческими организациями — ФФОМС и ТФОМС. Подобный механизм формирования страховых фондов может существенным образом нарушать их финансовую устойчивость, так как в классическом механизме страхования недостаточный размер страхового взноса или возможность его неуплаты одним страхователем существенно не влияет на финансовую устойчивость страховой компании в целом. Это обусловлено использованием ею обычного для страхования гарантийного механизма — страховых резервов, которые формируются из взносов других страхователей. Организационный механизм российской системы ОМС, в котором перечисление средств страховой компании осуществляется только ТФОМС, ведет к нарушению автономности страховой организации.

Необходимо отметить также тот факт, что существующая многоканальность финансирования медицинских услуг (за счет средств государственного бюджета и ОМС) становится причиной отсутствия существенного контроля за их использованием, а отсутствие унифицированных способов оплаты услуг в поликлиниках порождает желание у их руководителей зарабатывать на интересах заболевших граждан [14].

Организационная структура российской системы ОМС также обуславливает возникновение недостатков в ее функционировании, а именно:

- использование СМО дохода от инвестирования средств ОМС в собственных целях;
- сложность взаиморасчетов СМО с ТФОМС при получении застрахованными услуг в лечебных учреждениях;
- отвлечение средств ОМС на цели, не связанные с основной его деятельностью, и др.

Однако, несмотря на организационную сложность построенной системы ОМС, медицинское страхование оказало положительное стабилизирующее влияние на финансирование этой сферы деятельности в кризисный период 1990-х гг., особенно на фоне финансирования других отраслей экономики общественного сектора. Если сравнивать динамику финансирования здравоохранения за счет бюджета и взносов на ОМС с динамикой расходов государства на образование, науку и культуру, то можно сделать вывод, что ситуация со здравоохранением была в те годы лучше, чем в других отраслях социального сектора. Например, если ВВП за период 1992–1999 гг. сократился на 27%, то реальный объем финансирования здравоохранения за счет бюджета и страховых взносов — на 33%, тогда как государственное финансирование образования, культуры и науки уменьшилось на 50%³.

Финансирование российской системы ОМС сегодня осуществляется за счет отчислений страхователей в ФФОМС в размере 5,1% от фонда оплаты труда. В европейских странах взносы за неработающих, пенсионеров и детей страховые могут перечислять различные организации, в частности:

- администрации регионов (в бюджетной модели здравоохранения);
- пенсионные фонды (взносы за неработающих пенсионеров);

³ Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат России. М.; 2000. С. 264.; Социальное положение и уровень жизни населения России: стат. сб. М.: Госкомстат России; 2004:155,193.

- службы занятости (взносы за безработных).

В европейских странах для оплаты медицинской помощи пенсионерам, детям, инвалидам и безработным часто используется совместное страхование неработающих членов семьи. Данный опыт в будущем по мере развития ОМС и усиления страхового принципа финансирования медицинской помощи мог бы применяться в отечественной практике. В России страхование детей, студентов, инвалидов и пенсионеров осуществляется преимущественно за счет государственного бюджета. В отличие от стран со страховыми системами здравоохранения, где соблюдается принцип паритета в возмещении расходов на медицинскую помощь, в российской практике он отсутствует. Собранные фондами ОМС средства расходуются на финансирование территориальных программ ОМС, которые являются составной частью программ государственных гарантий по обеспечению граждан бесплатной медицинской помощью. Минимальный пакет медицинских услуг базовой программы ОМС, финансируемой за счет средств ОМС, включает ограниченный объем оказания медицинской помощи по сравнению с более широким перечнем услуг в рамках программ ОМС в странах ЕС. Так, в Германии страховыми компаниями оплачиваются медикаменты при стационарном и амбулаторном лечении, частично — зубное протезирование и др. Отличием российской системы ОМС от страховых систем европейских государств является отсутствие в ней такого обязательного вида страхования, как страхование по уходу за больным на дому. Социальная важность данного вида медицинского страхования обусловлена необходимостью обеспечения врачебного и сестринского ухода за хроническими больными, нуждающимися в постоянном медицинском наблюдении на дому.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Beveridge W. Full employment in a free society. London; 1944.
2. Cylus J., Richardson E., Findley L., Longley M., O'Neill C., Steel D. United Kingdom: health system review. In: European observatory on health systems and policies. Copenhagen; 2015:18–19.
3. Моссиалос Э., Томсон С. Добровольное медицинское страхование в странах Европейского союза. М.: Весь мир; 2006. 224 с.
Mossialos E.H., Tomson S. Voluntary health insurance in the European Union. Moscow: Ves' mir; 2006. 224 p. (In Russ.).
4. Berthet F., Calteux A., Wolter M., Michèle W., Weber L. Luxembourg: HiT in brief. In: European observatory on health systems and policies. Copenhagen; 2015:6–7.
5. Busse R., Blümel M. Germany: health system review. In: European observatory on health systems and policies. Copenhagen; 2014:121–122.

6. Kroneman M., Boerma W., van den Berg M., Groenewegen P., de Jong J., van Ginneken E (2016). The Netherlands: health system review. In: European observatory on health systems and policies. Copenhagen; 2016:66–70.
7. Chevreur K., Berg Brigham K., Durand-Zaleski I., Hernández-Quevedo C. France: health system review. In: European observatory on health systems and policies. Copenhagen; 2015:61–65.
8. Thomson S., Figueras J., Evetovits T., Jowett M., Mladovsky P., Maresso A., Cylus J., Karanikolos M., Kluge H. Economic crisis, health systems and health in Europe: impact and implications for policy. WHO Regional Office for Europe. European Observatory on health systems and policies (Policy Summary 12). Copenhagen; 2014:7–9.
9. Sagan A., Thomson S. Voluntary health insurance in Europe: role and regulation. In: Observatory on health systems and policies. Copenhagen; 2016:3–15.
10. Gress S. Germany. Voluntary health insurance in Europe. Country experience. In: Observatory on health systems and policies; Copenhagen; 2016:62–63.
11. Popovich L., Potapchik E., Shishkin S., Richardson E., Vacroux A., Mathivet B. Russian Federation: health system review. In: European observatory on health care systems. Copenhagen; 2011:96.
12. Стародубов В.И., Сон И.М., Пихоцкий А.Н. Становление обязательного медицинского страхования в России: состояние, развитие, проблемы и перспективы. *Медицина катастроф*. 2010; 2(70):27.
Starodubov V.I., Son I.M., Piechocki A.N. The establishment of obligatory medical insurance in Russia: status, development, problems and prospects. *Medicina katastrof = Disaster medicine*. 2010;70(2):27. (In Russ.).
13. Татаринцов А.П. Подходы к оптимизации модели финансирования и организации здравоохранения в Российской Федерации. *Медицинские технологии. Оценка и выбор*. 2015;2(20):38.
Tatarinov A.P. Approaches to optimization of the model of financing and organization of health care in the Russian Federation. *Medicinskie tekhnologii. Ocenka i vybor = Medical technology. Evaluation and selection*. 2015;2(20):38.
14. Мельничук И.И., Сертакова О.В. Медицинское страхование как основа социального страхования в системе факторов качества жизни. *Экономика и социум: современные модели развития*. 2016;14:66.
Melnichuk I.I., Sertakova O.V. Medical insurance as the basis of social insurance in the system of factors of quality of life. *Ekonomika i socium: sovremennyye modeli razvitiya = Economy and society: modern models of development*. 2016;14:66.
15. Климовских Н.В., Лебедева И.С., Лебедев П.В. Аспекты финансирования здравоохранения Российской Федерации. *Экономика и предпринимательство*. 2018;2(91):1103.
Klimovsky N. In. Lebedeva I. S., Lebedev P. V. Aspects of the financing of health of the Russian Federation. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and entrepreneurship*. 2018;2(91):1103.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владислав Владимирович Антропов — доктор экономических наук, профессор Департамента мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет; профессор кафедры экономической теории, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Москва, Россия
antropovvl@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Antropov Vladislav V. — Dr. Sci. (Econ.), Prof., the World Economy and World Finance Department, Financial University; Professor at the Economic Theory Department, the Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russia
antropovvl@yandex.ru

Статья поступила 08.01.2019; принята к публикации 15.03.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 08.01.2019; accepted for publication 15.03.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-127-136

УДК 338.48(045)

JEL Z32, O15, I31

Медицинский туризм: роль в поддержании здоровья и увеличении продолжительности жизни населения

И.Н. Молчанов

МГУ им. М.В. Ломоносова,

Финансовый университет

Москва, Россия

<http://orcid.org/0000-0003-4252-2387>

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – принятие мер по поддержанию здоровья и увеличению продолжительности жизни населения, одной из которых является развитие медицинского туризма. *Актуальность исследования* обусловлена принятыми решениями по увеличению пенсионного возраста, что требует улучшения условий труда населения и организации высокопроизводительных рабочих мест в целях проведения такой социальной политики, которая способствует увеличению продолжительности и улучшению качества жизни населения как важнейших базовых условий по обеспечению устойчивого экономического развития страны.

Цель работы – определение роли медицинского туризма в поддержании работоспособности, увеличении продолжительности жизни и сохранении здоровья населения в решении ключевой общегосударственной задачи по ускорению темпов роста национальной экономики. На основе официальной статистической и аудиторской информации, экспертных мнений в статье рассмотрены особенности и практика организации медицинского туризма, проанализировано его современное состояние и установлены факторы, оказывающие разнонаправленное воздействие на его развитие.

В статье *делается вывод* о том, что вследствие необходимости учета специфических условий стратегии пространственного развития Российской Федерации организациям медицинского туризма необходимо расширять ассортимент и повышать качество предоставляемых услуг. Сформулированные меры по совершенствованию методологических основ и инструментария научных исследований могут быть использованы на региональном уровне при обосновании создания туристских кластеров. Предложения по развитию маркетинга направлены на повышение финансовой устойчивости организаций и рекомендуются для принятия к сведению высшим менеджментом организаций медицинского туризма.

Ключевые слова: сфера услуг; медицинский туризм; национальная экономика; экономический рост; туристская деятельность; общемировые тенденции; пространственное развитие; занятость населения

Для цитирования: Молчанов И.Н. Медицинский туризм: роль в поддержании здоровья и увеличении продолжительности жизни населения. *Экономика. Налоги. Право.* 2019;12(2):127-136. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-127-136

Medical Tourism: Its Role in Maintaining Health and Increasing Life Expectancy

I.N. Molchanov

Lomonosov Moscow State University,

Financial University

Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0003-4252-2387>

ABSTRACT

The subject of the research is development of medical tourism as a measure of maintaining health and increasing life expectancy of the population. *The relevance of the study* is substantiated by decisions on increasing the retirement age, which requires improving working conditions and arrangement of high-performance jobs as components of the social

policy aimed at increasing life expectancy and improving the quality of life as the most important conditions for ensuring sustainable economic development of the country.

The purpose of the research was to determine the role of medical tourism in maintaining physical strength, increasing the lifetime and maintaining the health of the population in line with the key national goal of accelerating the national economy growth rates. Based on official statistical and audit information and expert opinions, the paper discusses specific features and practices of organizing medical tourism, analyzes the current state and identifies factors that have a multidirectional impact on its development.

It is concluded that the necessity to take into account the specific conditions of the spatial development strategy of the Russian Federation orients companies engaged in medical tourism towards expanding the range and improving the quality of services provided. The proposed measures aimed at perfection of the methodological principles and tools of research can be used at the regional level to justify the creation of tourist clusters. Proposals for the development of marketing are aimed at improving the financial sustainability of companies and recommended for taking into account by the top management of medical tourism companies.

Keywords: service industry; medical tourism; national economy; economic growth; tourism business; global trends; spatial development; employment

For citation: Molchanov I.V. Medical tourism: Its role in maintaining health and increasing life expectancy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2019;12(2):127-136. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-127-136

ВВЕДЕНИЕ

В условиях повышения роли интеллектуального и высокомеханизированного труда проблемы функционирования и перспективы развития отраслей сферы услуг, связанных с сохранением человеческого потенциала, укреплением здоровья людей, заслуживают приоритетного внимания. Одной из ключевых отраслей, направленных на решение комплекса неотложных социальных задач, выступает здравоохранение. Однако для проведения организационных мер по увеличению продолжительности жизни населения требуется сопряжение определенной совокупности действий, предпринимаемых медицинскими организациями и лечебно-профилактическими учреждениями различных профилей, со сферой туризма, в том числе с медицинским туризмом, который представляет собой практику предоставления медицинских услуг за пределами региона проживания пациентов, а также совмещения отдыха с получением высококвалифицированной медицинской помощи. Таким образом, под медицинским туризмом в узком смысле понимается перемещение людей, нуждающихся в оказании медицинской помощи или лечении по поводу какого-либо заболевания, к месту лечения, реабилитации и отдыха в какой-либо регион или страну на кратковременный период времени, а в широком смысле — сфера медицинской индустрии, имеющая развитую инфраструктуру, включающую не только медучреждения, но и организации, оказывающие услуги страхования, юридическую помощь, обеспечивающие транспорт, связь.

В современной России вопросы организации медицинского туризма (внутреннего, въездного, выездного)

имеют особую актуальность в контексте происходящих изменений в характере труда, перехода на инновационные технологии, активного вложения предпринимателями средств в капиталоемкие производства и инфраструктурные проекты. Приоритетность решения вопросов медицинского туризма обусловлена потребностью восстановления трудовой активности работников, развития их творческих способностей и интереса к различным сферам приложения труда и видам занятости. Для этого должны максимально использоваться все разнообразие климатических зон и природно-географических условий, богатство растительного и животного мира, которые создают огромный потенциал для развития восстановительно-реабилитационной и оздоровительно-рекреационной функций медицинского туризма.

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ МЕДИЦИНСКОГО ТУРИЗМА

Экономической наукой выработано общепринятое понимание термина «туризм», под которым прежде всего понимается временный выезд туриста с постоянного места жительства с целью удовлетворения его познавательных, профессионально-деловых интересов, отдыха, оздоровления и исключения коммерческой составляющей из самого понимания туристской деятельности, поскольку занятия туристов не носят предпринимательской направленности и не связаны с получением прибыли (дохода). Вся совокупность туристских перемещений граждан первоначально классифицируется по территориальному принципу; затем внутри национального рынка — по видам туризма. Принято разграничение видов ту-

ризма по цели поездки: рекреационный, экскурсионный, научный, деловой, этнический, спортивный, религиозный, лингвистический туризм и др. Однако специальные виды туризма [деловой, медицинский (в целях лечения), поездки на охоту и др.] первоначально основываются на видовом принципе, а уже затем распределяются по национальным рынкам.

Межотраслевой характер проблематики медицинского туризма проявляется на стыке ряда научных направлений. На необходимость применения междисциплинарного подхода при исследовании актуальных вопросов развития туристской деятельности указал президент Всемирной академии туризма при Всемирной туристской организации (ЮНВТО) Джафар Джафари (профессор гостеприимства и туризма в университете Висконсин-Стаут, США) [1]. В его трудах обоснована синергичная природа знаний о туризме, сформирована модель проведения междисциплинарных туристских исследований, графическая формализация которой именуется «ромашкой Джафари»¹. Дальнейшие исследования ученых по данной проблеме позволили в систематизированном виде выделить несколько аспектов исследований о туризме [2]: географический, организационно-экономический, социологический, включающих рассмотрение:

- пространственно-территориальных перемещений туристов, туристских ресурсов, объектов туристского показа;
- различного рода услуг: размещения, питания, транспорта, турпосредников, банковских, страховых, бытовых, культурно-досуговых, медицинских;
- ключевых характеристик населения: качества жизни, свободного времени, ценностных ориентаций, поведенческих мотивов и др.

В общем, междисциплинарный подход в предложенной конструкции интегрирован в систему экономических отношений и охватывает ряд отраслей науки: экономическую географию, экономику, статистику, финансы, менеджмент, маркетинг, демографию, социологию, экологию, правоведение, культурологию, психологию, медицину, религиоведение, лингвистику, историю, информатику.

В отечественной научной литературе применяется отраслевой подход, вследствие чего туризм традиционно выделяется в качестве самостоятельной отрасли национальной экономики, а туристская деятельность является одним из видов экономической

деятельности. В то же время приоритетное внимание исследователей акцентируется на рассмотрении роли и места санаторно-курортного комплекса в национальной экономике, вопросах организации и управления санаторно-курортной деятельностью [3, 4]. С одной стороны, в этом состоит определенная сложность в выборе методов и инструментов для изучения медицинского туризма. Однако, с другой стороны, сложившееся положение создает базу для разноплановых исследований данного вида туризма на основе комплексного подхода к анализу двух его составляющих (аспектов).

Первый аспект медицинского туризма — оздоровительно-рекреационный, рассматриваемый как собственно медицинские услуги, которые предоставляются туристам во время путешествий. Зарубежным аналогом этого аспекта медицинского туризма является SPA-туризм² (лечебно-оздоровительный туризм), который имеет несколько направлений: медицинское, классическое, местное (этническое). Оказание SPA-услуг базируется на платежеспособном спросе и потребительском выборе клиентов, однако целесообразной считается их профессиональная медицинская корректировка. *Второй аспект* медицинского туризма — познавательный, реализуется посредством предоставления экскурсионных услуг во время путешествия. Экскурсионный туризм является смежным (по отношению к медицинскому туризму) видом. Однако услуги экскурсионного туризма могут осуществляться и в сочетании с медицинскими услугами.

Для повышения результатов экономической деятельности организаций, специализирующихся на предоставлении услуг медицинского туризма, экскурсионная составляющая должна базироваться на учете требований менеджмента и маркетинга. Концептуально маркетинг интегрирован в систему ценностей, измеряемых в денежном выражении, которые ранжируются в зависимости от значимости конкретного действия или объекта относительно потребностей индивидуального либо коллективного потребителя в определенный момент времени. Из общей стоимости услуг вычитаются затраты, связанные с выполнением отдельного действия или использованием объекта [5, с. 55]. «Для потребителя ценность означает результат, который он полу-

² SPA (*sanus per aqua*) — «здоровье через воду». В современном понимании SPA — не только водные процедуры, но и ароматерапия, грязевые обертывания, всевозможные массажи, иглоукальвание, другие процедуры.

¹ Jafar Jafari, Honggen Xiao, eds. Encyclopedia of Tourism. Publisher: Springer; 2016. 1168 p.

чает, по отношению к общим затратам, включая цену и издержки потребления» [6, с. 115]. Поскольку успешность предпринимательской деятельности находится в прямо пропорциональной зависимости от уровня продаж, который коррелируется с уровнем дохода и позициями организации на рынке, в современных условиях жесткой конкуренции у производителей услуг туризма вообще и медицинского туризма в частности сложилось понимание необходимости сохранения приверженности потребителей и поддержания их лояльности.

Маркетинговая деятельность предполагает реализацию усилий по повышению привлекательности различных элементов туристского продукта, которые реализуют функцию создания впечатлений. На базе ряда научных школ сформировалось особое научно-практическое направление, получившее название «экономика впечатлений». Согласно утверждениям исследователей, потребитель готов платить за собственные чувства и ощущения. «Впечатления — это четвертое экономическое предложение, которое так же разительно отличается от услуг, как услуги от товаров»³. Современным трендом для организации, занимающейся предоставлением услуг медицинского туризма, должно стать стремление завоевать лояльность потребителей к своему бренду. Решение этой проблемы приводит к росту объема продаж посредством влияния на восприятие клиентов и воздействия на их эмоции.

В условиях разнообразия рынка медицинского туризма первоочередное внимание потребителя направлено не просто на реализацию практической цели — покупку требуемой услуги; во главу угла ставится получение положительных эмоций от ее приобретения. Современная экономика впечатлений выстраивается именно на психологическом аспекте. Согласно ее концептуальным ориентирам основным инструментом сбыта товаров и услуг становятся грамотно организованные впечатления.

Установлено, что изменения, происходящие в современном бизнесе, складываются под влиянием следующих факторов: уменьшения роли традиционной рекламы; роста информированности потребителя и его независимости от влияния внешней среды; формирования «культуры впечатлений» [7]. Возможности привлечения покупателей и увеличения продаж в биз-

несе реализуются посредством задействования инструментария развлечений, повышения увлекательности, разрушения стереотипов. Конечный результат ориентирован на создание ценностей для потребителей, формирование положительного образа и получение материальной выгоды для производителей⁴.

Практическое приложение теории маркетинга представляется наиболее актуальным при рассмотрении медицинского туризма, существенными особенностями которого являются получение медицинских услуг (лечение) за пределами региона проживания туриста, реабилитация, совмещение отдыха с лечением либо оздоровлением. Именно поэтому медицинский туризм можно охарактеризовать как разновидность путешествия, самый значимый результат которого состоит в предоставлении потребителям медицинских услуг оздоровительного характера. Вследствие этого туристскую деятельность в медицинском туризме следует рассматривать как важную составляющую, благодаря которой пациенты, нуждающиеся в консервативном лечении и отдыхе, выступают как путешественники. Они имеют право, наряду с получением услуг учреждений здравоохранения, посещать достопримечательности различных регионов страны проживания (внутренний медицинский туризм) и других стран (въездной, выездной медицинский туризм).

В медицинском туризме главная причина установления пункта назначения определяется в зависимости от места оказания медицинской помощи. Существует понимание того, что выбор страны посещения и планирование времени пребывания (с учетом специфики различного рода услуг, оказываемых оздоравливающимся клиентам) являются достаточно значимыми факторами, хотя и менее важными по сравнению с видами предлагаемой для оказания медицинской помощи. Доказано, что эффективность туристской деятельности значительно повышается в результате совершенствования ее организации, создания специализированных туристских кластеров [9, 10].

⁴ Грамотно созданное впечатление строится на личном эмоциональном контакте с каждым клиентом. Именно благодаря такому впечатлению потребитель чувствует свою вовлеченность в жизнь бренда и получает новые положительные эмоции, формируя лояльность к компании. Полученные впечатления индивидуальны. Каждый потребитель в зависимости от индивидуальных социальных и психологических особенностей личности и различных внешних факторов получает собственное неповторимое впечатление [8].

³ The Experience Economy: Work is Theatre and Every Business a Stage by B, Joseph Pine II and James H Gilmore. Harvard Business School Press; 1999. 254 p.

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ МЕДИЦИНСКОГО ТУРИЗМА В ОБЩЕМИРОВОМ КОНТЕКСТЕ

Главными составляющими медицинского туризма выступают лечение и реабилитация. В глобальном масштабе медицинский туризм считается достаточно развитым, характеризуется устойчивыми темпами роста. Согласно оценочным расчетам в 2017–2018 гг. мировой рынок медицинского туризма возрос на 4% в год (при росте мирового ВВП на 3,5%); доходы хозяйствующих субъектов составили 15 млрд долл. США от медицинского туризма, 40 млрд долл. США — от оздоровительного туризма. По оценочным расчетам, в перспективном периоде данные тенденции сохранятся, и к 2022 г. уровень доходов возрастет на 30–35%⁵.

На долю России в настоящее время приходится менее 1% объема услуг, оказываемых на мировом рынке медицинского туризма. Наиболее популярными направлениями у иностранных туристов являются стоматология (44% пациентов), гинекология и урология (25%), пластическая хирургия (10%), офтальмология (10%), кардиология (5%) и ортопедия (3%). В объемах доходов от въездного туризма наблюдается тенденция к росту: в 2015 г. они составляли от 7 до 10 млрд руб., в 2016 г. — от 10 до 15 млрд руб.⁶ Основными въездными медицинскими туристами в Россию традиционно являются пациенты из стран ближнего зарубежья и СНГ. Однако наблюдается тенденция к увеличению потока туристов из стран дальнего зарубежья: Китая, Южной Кореи, Японии и Вьетнама. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики в 2016 г. 66,4 тыс. граждан иностранных государств воспользовались медицинскими услугами российских лечебно-профилактических учреждений, в том числе около 75% из них — амбулаторно⁷.

В числе положительных факторов, влияющих на принятие решений зарубежными медицинскими туристами, исследователями отмечается приемлемое соотношение «цена-качество». Среди отрицательных факторов выделяется наличие регламентиро-

ванного визового режима (в ряде стран, например, практикуется выдача специальных медицинских виз на срок до шести месяцев). Для российских граждан значимым фактором являются сравнительно высокие транспортные тарифы. Их уровень отражается в динамике количества потребителей услуг в регионах, обладающих привлекательной (с точки зрения медицинских туристов) ресурсной базой, но имеющих ограничения по доступности транспортной инфраструктуры. Кроме этого, соотношение цены и качества услуг принято соотносить с уровнем предлагаемого комфорта, в предоставлении которого по сравнению с зарубежными аналогами российская сфера гостеприимства, стремящаяся максимизировать доход в сезон в ущерб лояльности туристов, уступает. Вследствие названных причин развитие внутреннего, а тем более въездного туризма в России требует совершенствования как в обеспечении ценовой доступности, так и повышения качества услуг [11, с. 102]. Следующим фактором, отрицательно влияющим на динамику развития медицинского туризма в контексте приоритетности формирования клиентоориентированного подхода, является информационная асимметрия о располагаемых мощностях специализированных туристских организаций. Однако эта информация необходима для принятия решений, установления контактов между медицинским персоналом и потребителями медицинских услуг. В противном случае возникают нежелательные варианты потребительского поведения, «нерационального выбора».

Вследствие наличия субъективных факторов при оценке состояния собственного здоровья клиент, как правило, испытывает трудности в самостоятельном определении объема и структуры медицинских услуг, требуемых для его восстановления. На практике у медицинского персонала, с одной стороны, могут возникать ситуации тенденциозного отбора пациентов с высокими медицинскими рисками и последующим отказом им в оказании необходимой помощи (так называемая «оборонительная медицина»). С другой стороны, в процессе управления объемом и структурой предоставляемых медицинских услуг возможны попытки злоупотреблений в зависимости от платежеспособности потребителей, что может сопровождаться назначением излишних либо дорогостоящих процедур пациентам лечебно-профилактических учреждений.

Рациональным выходом из создавшегося положения становится сертификация качества услуг

⁵ По данным Euromonitor International. URL: <https://www.euromonitor.com/> (дата обращения: 16.12.2018).

⁶ Обзор мирового рынка медицинского туризма за 2017 год. URL: <https://amtrf.ru/review-of-world-medical-tourism.html>; портал Российской ассоциации медицинского туризма. URL:

⁷ Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 10.12.2018).

в медицинском туризме и туристической медицине⁸, которая может осуществляться аккредитационной компанией *Temos* — нейтральным и независимым органом по сертификации медицинских учреждений, штаб-квартира которого расположена в Германии, а региональные представительства открыты в разных странах (с декабря 2010 г. — в Москве). *Temos* активно поддерживает медицинские учреждения (больницы, специализированные клиники, реабилитационные центры) в вопросах обеспечения высокого качества оказания медицинских и немедицинских услуг. Для медицинских организаций, которые получили сертификат *Temos* и уже работают в соответствии с национальными или международными критериями качества, создана *Quality Management System (QMS)* — Система менеджмента качества, позволяющая потребителям осуществлять достоверный и надежный выбор лечебно-профилактических учреждений в соответствии со своими предпочтениями и финансовыми возможностями.

Согласно Международному индексу медицинского туризма, в 2016 г. Россия занимала по комплексу показателей 34-е место из 41 (оценка 59,94 балла); в том числе 31-е место по качеству услуг (оценка 61,15 баллов) и 34-е место по состоянию окружающей среды (оценка 49,96 баллов). Наиболее высокие места (по итогам рейтингования начиная с 1-го места) занимают Канада (76,62 балла), Великобритания (74,87 балла), Израиль (73,91 балла), Сингапур (73,56 балла), Индия (72,10 балла). В данном рейтинге учитываются 34 критерия, среди которых компетентность медицинских работников, медицинские стандарты, общий психологический климат медицинских учреждений⁹.

Количество отечественных медицинских туристов в России ежегодно возрастает, и в 2017 г. достигло 9 млн человек, или на 35% больше, чем в 2016 г.¹⁰ Влияние ценового фактора можно проиллюстрировать на примере жителей столиц и крупнейших российских городов:

⁸ Согласно формулировке *Temos*, медицинский туризм — это получение медицинской помощи гражданами, находящимися вне страны проживания (за рубежом); туристическая медицина предназначена для путешественников, туристов, экспатриантов, которым необходимо получение медицинской помощи при нахождении за границей (<https://www.rhtc.org/temos-1>). По нашему мнению, которое совпадает с позицией ряда российских исследователей, медицинский туризм может носить внутренний характер по отношению к гражданам страны проживания.

⁹ Medical Tourism Index. URL: <https://www.medicaltourismindex.com/destination/russia> (дата обращения: 18.12.2018).

¹⁰ Медицинский туризм в России. РБК. 28.02.2018.

6% из них экономят на лечении и едут в специализированные клиники региональных административных центров. Этому благоприятствует создание в субъектах Российской Федерации условий для получения клиентами более дешевых, но качественных услуг стоматологии, офтальмологии, гинекологии, ортопедии, протезирования¹¹. Данная тенденция имеет разнонаправленные векторы проявления:

- положительный — экономятся средства пациентов при оплате услуг медицинского туризма, улучшается качество и повышается доступность услуг региональной медицины;
- негативный — уменьшается доступность медицинской помощи для населения по месту жительства.

В целом расширение перечня получаемых гражданами медицинских услуг достигается за счет обеспечения приемлемой стоимости и сравнительно высокого качества предоставляемых медицинских услуг; срочности прохождения медицинских и оздоровительных процедур в случае их недоступности в постоянном месте проживания; уникальных климатических и природных условий; предоставления возможностей для одновременного ознакомления с особенностями местного культурного или исторического наследия и др.

ПРИЧИНЫ, ЗАТРУДНЯЮЩИЕ РАЗВИТИЕ МЕДИЦИНСКОГО ТУРИЗМА

Выполненный анализ состояния медицинского туризма позволяет выявить объективные обстоятельства, которые препятствуют более активному позиционированию в рыночных условиях деятельности организаций, специализирующихся на предоставлении услуг медицинского туризма.

Во-первых, объем средств, выделяемых российским государством на нужды здравоохранения, в целом имеет определенные ограничения и составляет ежегодно 4,0–4,5% от произведенного ВВП; в странах ОЭСР аналогичный показатель колеблется в среднем на уровне 7,0–8,0%. Соответственно доля ресурсов, предоставляемых на цели развития медицинского туризма, также существенно ниже.

Во-вторых, значительные масштабы территории России (1/8 часть суши Земли), особенности развития хозяйства (сложная отраслевая и видовая структура национальной экономики) и административно-территориальное деление затрудняют формирование

¹¹ Медицинский туризм в России — есть перспективы! URL: <http://smi.kodeks.ru/medicine/news/medicinskii-turizm-v-rossii-est-perspektivy> (дата обращения: 15.12.2018).

полноценной, развитой социальной инфраструктуры, наличие которой облегчило бы пребывание отдыхающих (как жителей страны, так и зарубежных гостей) в лечебно-профилактических учреждениях санаторно-курортного комплекса, сделало бы процессы реабилитации и активного отдыха более комфортными. Сложившееся положение обусловлено ограниченными объемами бюджетных капиталовложений на данные цели, которые предусматриваются в государственных (федеральных и региональных) и ведомственных программах. Для развития медицинского туризма (как внутреннего, так и въездного) остро необходимы финансовые ресурсы. Проблемы, имеющие место в медицинском туризме в настоящее время, можно преодолеть посредством более активного инвестирования в туристскую отрасль экономики, применяя различные способы привлечения средств частных инвесторов и населения [12, 13].

В-третьих, по результатам социологических опросов отмечается недостаток специалистов требуемых направлений и профилей подготовки, которые необходимы для работы в организациях, предоставляющих услуги медицинского туризма. Востребованными становятся работники различных уровней профессионального образования, что обуславливает значимость регламентации объема специальных знаний в процессе обучения и повышения квалификации врачей и среднего медицинского персонала. Наряду с этим фиксируется недостаточное владение иностранными языками медицинским персоналом, что ограничивает их общение с клиентами.

В-четвертых, исторически сложившееся размещение лечебно-профилактических учреждений по территории страны (региона) предопределяет специфику маршрутов путешествий медицинских туристов. Имеет место локализация ведущих медицинских центров в столичных мегаполисах: Москве, Санкт-Петербурге, Казани и ряде других крупнейших российских городов. Соответственно наблюдается их ограниченное количество и происходит недостаточная дифференциация предоставляемых услуг в региональных административных центрах. В то же время в периферийных муниципальных образованиях проявляется тенденция к формированию уникальных по своим характеристикам услуг, что связано с наличием соответствующих местных природных (бальнеологических) факторов.

В-пятых, реклама услуг медицинского туризма имеет ограничения по набору используемых инструментов и способам распространения, что вызвано неравномерностью развития маркетинговой деятельности

в территориальном аспекте. Существующая практика негативно влияет на представление рекламных материалов как на внутреннем рынке, так и за рубежом.

На развитие медицинского туризма опосредованно влияют и другие факторы. Например, спрос на услуги санаторно-курортных учреждений колеблется под влиянием сезонности (зима-лето; осень-весна); процедура получения путевок на санаторно-курортное лечение для различных категорий граждан имеет определенные ограничения; работа по послеоперационной реабилитации пациентов получает развитие только в нескольких десятках крупных российских здравниц.

Названные причины затрудняют функционирование сферы медицинского туризма. Актуальным вопросом становится разработка мер для активизации деятельности по повышению привлекательности, улучшению показателей результативности и эффективности работы организаций, предоставляющих услуги медицинского туризма.

ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УЛУЧШЕНИЯ СИТУАЦИИ В СФЕРЕ МЕДИЦИНСКОГО ТУРИЗМА

Формирование и практическую реализацию плана действий по улучшению ситуации в сфере медицинского туризма следовало бы сконцентрировать на развитии второй составляющей медицинского туризма — оздоровительно-рекреационной, а именно: путешествий (познавательной деятельности) и отдыха. Данное направление достаточно емкое, и поэтому для достижения реальных результатов должен быть задействован комплекс организационно-экономических мер. В рамках проектно-ориентированного подхода туристская деятельность в увязке с прикладной медициной преобразуется в инновационно ориентированный сектор сферы услуг, который, помимо своей основной функции — познавательной, обладает образовательной, социально-экономической и культурной ценностью.

Выполненный экспертами «Делойта»¹² отраслевой анализ приводит к выводу о том, что передовые компании, ориентированные на инновации, могут получить благодаря решению проблем индустрии туризма новые возможности для развития туристской

¹² «Делойт» (*Deloitte*) — это бренд, объединяющий десятки тысяч высококлассных специалистов, которые работают в независимых фирмах и обеспечивают предоставление услуг в области аудита, управленческого и финансового консультирования, управления рисками, налогообложения и сопутствующих услуг.

деятельности в административно-территориальных образованиях России¹³. Информационные материалы «Делойта» позволяют судить не только о существующем положении, но и о новых тенденциях в сфере туризма и гостеприимства во взаимосвязи с изменениями в мировой экономике, новейшими технологиями, применение которых в условиях действия всеобщего закона повышения общественных потребностей направлено на учет растущих потребительских предпочтений. Инновации значительно изменяют направления медицинского туризма и структуру сегментированного рынка путешествий в мировом масштабе.

Улучшению экономического положения хозяйствующих субъектов может способствовать создание специальных познавательных туристских программ оздоровительного характера, интегрированных в комплекс медицинских услуг. Рост рекреационной привлекательности территорий возможен при активной разработке оригинальных маршрутов целевого характера, учитывающих местную специфику, уникальные социально-экономические особенности конкретной территории (посещение памятников культуры и этноса, оригинальных исторических и современных экскурсионных объектов). Неприемлемо пассивное восприятие информации экскурсовода. Немаловажно определить активные формы делового участия медицинских туристов в освоении, преобразовании ценностей того или иного экскурсионного объекта и разработке инструментария их практической реализации.

Наряду с активной организационной работой следует совершенствовать основную образовательную подготовку с целью вовлечения молодежи (студентов и школьников) в туристскую деятельность не только как познавательную сферу, но также имеющую значение для личности и всего общества в контексте сохранения человеческого потенциала [14]. Привитие такого понимания позволит обучающимся интегрировать получаемые знания, применять их на практике. Последовательная реализация данной концепции будет способствовать повышению экономических результатов субъектов хозяйствования, а медицинский туризм повысит свою привлекательность для различных категорий потребителей как по содержанию, так и по ценностным установкам и условиям организации лечения и отдыха. Немаловажная роль принадлежит

улучшению организации работы транспорта (общего пользования и специализированного), а также всего комплекса мероприятий для отдыха медицинских туристов (комфортности проживания, качества питания и др.).

В условиях Индустрии 4.0 искусственный интеллект¹⁴ и машинное обучение достигают качественно нового уровня. В зарубежных публикациях акцентируется внимание на исследованиях известных в мире медиагигантов (*Google, Apple Inc., Amazon* и др.), ведущих работу в данном направлении и активно продвигающих различные новшества на потребительский рынок [15]. Подобная деятельность подготавливает инновационные изменения в технологиях и логистической организации процесса планирования путешествий. Появляются новые возможности для содействия организациям, занимающимся оказанием услуг медицинского туризма: по подготовке программного обеспечения, разработке мероприятий по оптимизации деятельности, сокращению трудовых и материальных затрат. Инновационные технологии (искусственный интеллект, мобильные приложения, интернет вещей) призваны улучшать качество удовлетворения желаний клиентов по лечению заболеваний и организации отдыха во время путешествий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование современного состояния медицинского туризма позволило выявить его особенности, преимущества, а также организационные несовершенства. Услуги медицинского туризма относятся к числу тех видов экономической деятельности, которые способствуют ускорению экономического развития, росту ВВП страны. Они направлены на расширение объемов привлечения денежных средств, улучшение результатов работы хозяйствующих субъектов, обеспечивают повышение поступлений финансовых ресурсов в национальную финансовую систему от функционирования туристского сектора национальной экономики. Стимулом для развития медицинского туризма становится инвестирование в инновационные технологии Индустрии 4.0, ориентированные на учет предпочтений клиентов и высокую эффективность реализуемых проектов и программных мероприятий.

¹³ Travel and Hospitality Industry Outlook 2017. An analysis of travel disruptors. URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/pages/consumer-business/articles/travel-hospitality-industry-outlook.html> (дата обращения: 16.12. 2018).

¹⁴ Высокотехнологичный искусственный интеллект применительно к сфере медицинского туризма — это программное обеспечение, созданное для того, чтобы думать как потребитель данного сегмента туристических услуг.

Для достижения конкурентоспособности услуг медицинского туризма на мировом рынке в условиях становления цифровой экономики необходимо решить ряд задач: завершить создание интегрированной информационной системы об ассортименте оказываемых услуг, объектах и маршрутах медицинского туризма; провести отбор базовых учреждений с сертифицированными услугами, разработать методологию реализации проектов по их продвижению; сформировать пакет туристских продуктов с широкой медицинской, оздоровительной и культурно-ознакомительной программой, включающей услуги по дистанционному сопровождению; подготовить программы лояльности и кобрендинг¹⁵ для раз-

¹⁵ Под кобрендингом понимается размещение в рекламном поле двух или более брендов, объединенных одной целью и сообщающих о программах для потребителей; является способом усиления коммуникативного воздействия на аудиторию.

личных социальных групп туристов. Обустройство мест для лечения и отдыха, характеризующихся наличием бальнеологических ресурсов, уникальных природных и инфраструктурных объектов должно быть в числе приоритетных задач регионального социально-экономического развития. Для реализации проектов медицинского туризма необходимо наличие достаточных по объему и сбалансированных по структуре финансовых ресурсов, а также обеспечение их целевого и рационального использования. Концентрация внимания на приоритетных проблемах способствует созданию предпосылок для обоснования и раскрытия мультипликативного влияния медицинского туризма на взаимосвязанные и взаимодополняющие виды экономической деятельности, позволяет детально рассмотреть элементы, формирующие разнообразие и качество предоставляемых услуг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Jafari J. Significado sociocultural y educacional del turismo de juventud. *Papers de Turisme*. 2015;(58):39–55.
2. Восколович Н.А. Междисциплинарный аспект современных исследований в сфере туризма. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. 2016;(6):71–86.
3. Ветитнев А.М., Войнова Я.А. Организация санаторно-курортной деятельности. М.: Федеральное агентство по туризму; 2014. 272 с.
4. Гидбут А.В., Мезенцев А.Г. Курортно-рекреационное хозяйство: региональный аспект. М.: Наука; 2011. 324 с.
5. Лавлок К. Маркетинг услуг: персонал, технологии, стратегии. М.: Вильямс; 2005. 1008 с.
6. Восколович Н.А. Маркетинг туристских услуг. М.: ЮНИТИ-ДАНА; 2009. 207 с.
7. Schmitt B., Rogers D. and Vrotsos K. There's no business that's not show business: Marketing in an experience culture. Englewood-Cliffs, NJ: Prentice-Hall Financial Times Press; 2003. 320 p.
8. Комарова К.О. Феномен экономики впечатления. *Международный студенческий научный вестник*. 2015;(4–2).
9. Молчанов И.Н. Проблемы формирования и финансирования туристских кластеров в регионах России. *Вестник Волгоградского университета. Серия 3: Экономика. Экология*. 2016;(1):45–57.
10. Туризм в меняющемся мире. Восколович Н.А., ред. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. М.: Экономический факультет; 2010. 142 с.
11. Социально-экономические проблемы развития отдельных отраслей сферы услуг. Восколович Н.А., Молчанов И.Н., ред. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Экономический факультет. М.; 2017. 199 с.
12. Абросимова О.М. Инвестирование в туристскую отрасль российской экономики: основные тенденции и перспективы. В сб.: XXXI Международные Плехановские чтения. Материалы конференции: в 3 томах. М.: РЭУ имени Г.В. Плеханова; 2018:9–12.
13. Молчанова Н.П. Финансовые проблемы инвестирования в России в новых экономических условиях. В сб.: Россия: тенденции и перспективы развития. М.; 2016:769–774.
14. Алиева Л.В. Туристско-краеведческая деятельность — инновационный блок системы образования. *Вестник Академии детско-юношеского туризма и краеведения*. 2016;(4):116–129.
15. Langford G. 2017 travel and hospitality industry outlook. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/us/Documents/consumer-business/us-cb-2017-travel-hospitality-industry-outlook.pdf> (дата обращения: 20.12.2018).

REFERENCES

1. Jafari J. Significado sociocultural y educacional del turismo de juventud. *Papers de Turisme*. 2015;(58):39–55.
2. Voskolovich N.A. Interdisciplinary aspect of modern research in the field of tourism. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika = Bulletin of Moscow University. Series 6. Economics*. 2016(6):71–86. (In Russ.).
3. Vetitnev A.M., Voinova Ya.A. Organization of sanatorium-resort activity. Moscow: Federal Agency for Tourism; 2014. 272 p. (In Russ.).
4. Gidbut A.V., Mezentsev A.G. Resort and recreation economy: regional aspect. Moscow: Science; 2011. 324 p. (In Russ.).
5. Lovelock K. Marketing services: personnel, technology, strategy. Moscow: Williams; 2005. 1008 p. (In Russ.).
6. Voskolovich N.A. Marketing tourism services. Moscow: UNITY-DANA; 2009. 207 p. (In Russ.).
7. Schmitt B., Rogers D. and Vrotsos K. Marketing in an experience culture. Englewood-Cliffs, NJ: Prentice-Hall Financial Times Press; 2003. 320 p.
8. Komarova K.O. The phenomenon of economy impressions. *Mezhdunarodnyj studencheskij nauchnyj vestnik = International Student Science Journal*. 2015;(4–2). (In Russ.).
9. Molchanov I.N. Problems of formation and financing of tourist clusters in the regions of Russia. *Vestnik Volgogradskogo universiteta. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya = Bulletin of the Volgograd University. Series 3: Economy. Ecology*. 2016;(1):45–57. (In Russ.).
10. Tourism in a changing world. Voskolovich N.A., ed. Moscow State University Lomonosov. Moscow: Faculty of Economics; 2010. 142 p. (In Russ.).
11. Socio-economic problems of development of individual sectors of the service sector. Voskolovich N.A., Molchanov I.N., eds. Moscow State University Lomonosov, Faculty of Economics. Moscow; 2017. 199 p. (In Russ.).
12. Abrosimova O.M. Investing in the tourist sector of the Russian economy: major trends and prospects / In coll.: XXXI International Plekhanov Readings. Conference proceedings: in 3 volumes. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics; 2018:9–12. (In Russ.).
13. Molchanova N.P. Financial problems of investing in Russia in the new economic conditions / In the collection: Russia: trends and development prospects. Yearbook. ed. V.I. Gerasimov. Moscow; 2016:769–774. (In Russ.).
14. Aliyeva L.V. Tourism and local history activities — an innovative unit of the education system. *Vestnik Akademii detsko-yunosheskogo turizma i kraevedeniya = Bulletin of the Academy of children and youth tourism and local history*. 2016;(4):116–129. (In Russ.).
15. Langford G. 2017 travel and hospitality industry outlook. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/us/Documents/consumer-business/us-cb-2017-travel-hospitality-industry-outlook.pdf> (accessed 20.12.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Игорь Николаевич Молчанов — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономии экономического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова; профессор Департамента общественных финансов, Финансовый университет, Москва, Россия
INMolchanov@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Molchanov Igor N. — Dr. Sci. (Econ.), Prof., the Political Economy Department, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; Professor at the Public Finance Department, Financial University, Moscow, Russia
INMolchanov@fa.ru

Статья поступила 06.01.2019; принята к публикации 17.03.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 06.01.2019; accepted for publication 17.03.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-137-146

УДК 33.336.36.1/5(045)

JEL H21, H24, H30

Налоговое стимулирование развития человеческого капитала: состояние и перспективы

М.Р. Пинская

Финансовый университет,

Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0001-9328-1224>

АННОТАЦИЯ

Предметом анализа является налоговое стимулирование развития человеческого капитала. *Объектом исследования* выступают факторы, оказывающие влияние на инвестиции в человеческие ресурсы. *Цели статьи* – обобщение российской практики налогообложения оплаты труда в части предоставления социальных налоговых вычетов по налогу на доходы физических лиц (НДФЛ), страховых взносов, выявление ее недостатков и разработка предложений по их устранению. Новизна проведенного исследования заключается в том, что, в отличие от имеющихся многочисленных работ по данной проблематике, в статье проведена оценка характера новаций в налоговой системе через призму государственной поддержки развития труда как фактора производства.

Методология исследования базируется на общих методах познания (дедукция и индукция, анализ и синтез, аналогия, наблюдение, описание и обобщение). В ходе проведения анализа привлекались данные статистической налоговой отчетности Федеральной налоговой службы о социальных налоговых вычетах на обучение и лечение, предоставляемых налогоплательщикам НДФЛ.

Выявлены факторы, искажающие достоверность оценки человеческого капитала: наличие дифференциации в уровне оплаты труда и размере денежных доходов населения, низкий потенциал мобильности работников. Вскрыты тенденции в предоставлении социальных вычетов на обучение и лечение. *Сделан вывод* о том, что потенциал налогового стимулирования развития человеческого капитала следует искать в снижении налоговой нагрузки на труд за счет расширения системы налоговых вычетов и введения семейного налогообложения, а не в установлении прогрессивной шкалы налоговых ставок. Обосновано, что введение налога на профессиональный доход самозанятых граждан следует рассматривать как фактор снижения неформальной занятости населения за счет создания благоприятных условий налогового администрирования ведения бизнеса.

Ключевые слова: человеческий капитал; налоговое стимулирование; налог на доходы физических лиц; страховые взносы; налог на профессиональный доход; самозанятые граждане

Для цитирования: Пинская М.Р. Налоговое стимулирование развития человеческого капитала: состояние и перспективы. *Экономика. Налоги. Право.* 2019;12(2):137-146. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-137-146

Tax Incentives for Human Capital Development: the State of Things and Prospects

M.R. Pinskaya

Financial University,

Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-9328-1224>

ABSTRACT

The subject of the research is tax incentives aimed at the development of human capital. *The object of the research* is the factors that influence investment in human resources. *The purposes of the research* were to summarize the Russian practice of labor remuneration taxation in the part of providing social tax offsets to the personal income tax (PIT); insurance premiums; revealing shortcomings of the practice and developing proposals for their elimination. The novelty of the research is the fact that, unlike the existing numerous studies on this subject, the paper gives assessment of the

nature of innovations in the tax system through the prism of the government support of labor as a factor of production. The research methodology is based on general cognitive methods (deduction and induction, analysis and synthesis, analogy, observation, description and generalization). In the course of the analysis, the data of statistical tax reporting documents of the Federal Tax Service on social tax offsets for training and medical treatment provided to PIT taxpayers were used.

The factors distorting the reliability of the human capital assessment are exposed: differentiation in the labor remuneration levels and the size of cash incomes, low potential of employees' mobility. The trends in the provision of social tax offsets for training and medical treatment are revealed. *It is concluded* that tax incentives for the development of human capital should include reduction of the tax burden on labor through expanding the system of tax offsets and introduction of family taxation rather than establishing the progressive scale of tax rates. It is proved that the introduction of the professional income tax for self-employed citizens should be considered as a factor in reducing informal employment by creating favorable conditions for tax administration of businesses.

Keywords: human capital; tax incentives; personal income tax; insurance premiums; professional income tax; self-employed citizens

For citation: Pinskaya M.R. Tax incentives for human capital development: The state of things and prospects. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2019;12(2):137-146. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-137-146

ВСТУПЛЕНИЕ

Инвестиции в человеческие ресурсы в виде расходов на образование, профессиональную подготовку работников, затраты на здравоохранение являются составной частью национального богатства. С учетом того что «главным инвестором человеческого капитала через органы образования, здравоохранения, культуры, обороны, социальной политики выступает государство» [1, с. 70], налоговое регулирование инвестирования в экономике имеет большое значение.

Проблема налогового стимулирования развития человеческого капитала актуализировалась в 2012 г. после принятия Основных направлений налоговой политики Российской Федерации на 2012 г. и плановый период 2013 и 2014 гг.¹, предполагающих внесение соответствующих изменений в законодательство о налогах и сборах. Поэтому интереса заслуживает анализ действующей налоговой системы Российской Федерации с целью оценки эффективности налоговой политики государства в области развития человеческого капитала и выявления соответствующих новаций, направленных на усиление стимулирующей роли налогов. Рассмотрим, какие налоговые преференции предусмотрены в налоговой системе Российской Федерации для стимулирования развития человеческого капитала.

¹ Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2012 год и на плановый период 2013 и 2014 годов. *Социальный мир*. 2011;(35):19–25сент.

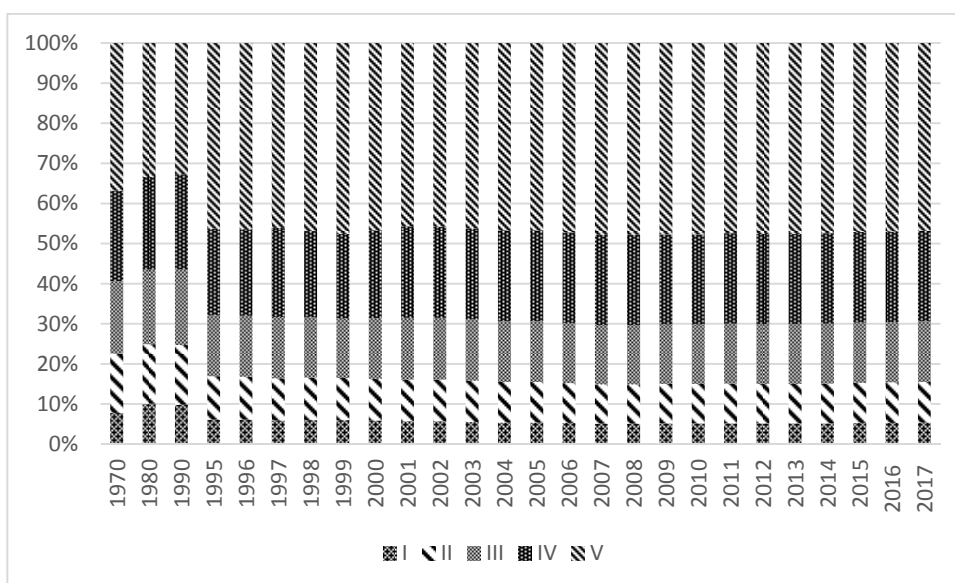
ПОНЯТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

В экономической литературе понятие человеческого капитала является дискуссионным и определяется как «умение и мастерство, общее или специфическое, приобретенное человеком в ходе профессиональной подготовки и производственного опыта»². Существует также точка зрения, что «человеческий капитал — это сформированные в результате инвестиций и накопленные человеком определенный запас здоровья, знания, навыки, способности, мотивации, которые обуславливают рост квалификации работника, целесообразно используются в той или иной сфере общественного воспроизводства, содействуют росту производительности и качества его труда и тем самым ведут к росту зарплаток данного человека» [2, с. 6].

Одним из первых ученых, который развил концепцию человеческого капитала применительно к проблеме распределения доходов, является Минцер [3]. Большинство ученых придерживаются мнения о том, что человеческий капитал представляет собой результат воплощенной в человеке способности приносить доход, а также фактор экономического роста [4].

Поэтому с налоговой точки зрения актуальным является вопрос адекватной оценки способности человека приносить доход, позволяющий обеспе-

² Бизнес: Оксфордский толковый словарь: англо-русский. М.: Прогресс-Академия; 1995:296.

Соотношение денежных доходов населения по 20%-ным группам населения, % (I группа — население с наименьшими доходами, V группа — население с наибольшими доходами) / Ratio of monetary incomes of the population by 20% population groups, in % (Group I — with the lowest incomes, Group V — with the highest incomes)

Источник / Source: составлено автором по данным ФСГС / compiled by the author according to Federal State Statistics Service.
URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (accessed on 21.01.2019).

чить соразмерное налогообложение в условиях пропорциональной шкалы подоходного налога и регрессивной шкалы страховых взносов.

ФАКТОРЫ, ИСКАЖАЮЩИЕ ДОСТОВЕРНОСТЬ ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Российская практика оплаты труда демонстрирует существенную дифференциацию заработной платы работников по профессиональным группам. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики (далее — ФСГС), «средняя начисленная заработная плата руководителей по обследованным организациям»³

³ Объектами наблюдения были организации (без субъектов малого предпринимательства и организаций с численностью менее 15 человек), осуществляющие следующие виды экономической деятельности: добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; производство и распределение электроэнергии, газа и воды; строительство; оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; гостиницы и рестораны; транспорт и связь; операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг; образование; здравоохранение и предоставление социальных услуг; деятельность по организации отдыха и развлечений, культуры и спорта.

в 1,8 раза превышала заработную плату специалистов, в 2,9 раза — других служащих и в 2,2 раза — рабочих»⁴. Это позволяет заключить, что об объективной оценке качества рабочей силы (способности индивида к труду) пока говорить рано.

Такая дифференциация негативно влияет на расслоение денежных доходов населения, поскольку затрагивает практически все категории работников. Всего было обследовано 27,4 млн человек, или 79,6% от общей численности занятых на крупных и средних предприятиях всех видов экономической деятельности. Что же касается субъектов малого предпринимательства, не попавших в выборку, то они вряд ли способны исказить общую картину в силу их незначительной доли в экономике страны (не более 19% ВВП, согласно данным Минэкономразвития России) и наличия скрытой заработной платы.

Для России характерна тенденция усиления дифференциации денежных доходов населения (см. рисунок).

⁴ Сайт ФСГС. Дифференциация заработной платы работников по профессиональным группам. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B12_04/IssWWW.exe/Stg/d06/3-plat.htm (дата обращения: 23.01.2019).

Как следует из рисунка, доля населения с наименьшими доходами за последние 20 лет существенно не изменилась и осталась на уровне 5%, в то время как децильный коэффициент фондов вырос с 13,5 раза в 1995 г. до 15,3 раза в 2017 г. Иными словами, средний уровень денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами существенно превышает средний уровень денежных доходов 10% населения с самыми низкими доходами. Причем этот рост происходил как в период действия прогрессивной шкалы подоходного налога с населения до 2000 г., так и после введения шедулярной системы налогообложения. Тенденция к снижению децильного коэффициента фондов наметилась лишь в 2013–2017 гг. — с 16,3 до 15,3 раза).

Средний уровень денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами существенно превышает средний уровень денежных доходов 10% населения с самыми низкими доходами

Искажающим эффектом обладает также наличие скрытой заработной платы. Ее темп роста хотя и значительно снизился начиная с 2001 г. со 145,7 до 109,5% в 2014 г., однако на протяжении всех лет превышал темп роста среднемесячной начисленной заработной платы работников Российской Федерации, что свидетельствует об увеличении доли скрытой заработной платы.

Помимо этого, проблема установления соразмерной налоговой нагрузки осложняется необходимостью учета потенциала трудовой мобильности работника, под которым понимают «способность к перемещению на другие рабочие места (в своей организации, в другой фирме, в другом городе или регионе, в другой стране)» [5]. В Российской Федерации отмечается невысокий уровень миграции. Согласно данным ФСГС численность занятых, работавших за пределами субъекта Российской Федерации, в котором они проживают, включая работавших на территории

других государств, в среднем за 2013–2015 гг. составила 2,4 млн человек⁵. Низкая мобильность вынуждает работников соглашаться на худшие условия оплаты труда, поэтому для улучшения их конкурентоспособности на рынке должны быть стимулы для повышения квалификации, получения образования.

Таким образом, при установлении налоговой нагрузки на труд следует принимать во внимание следующие факторы, искажающие достоверность оценки человеческого капитала: наличие дифференциации в уровне оплаты труда и размере денежных доходов населения, низкий потенциал мобильности работников. В то же время налоговое стимулирование субъектов, оказывающих образовательные услуги, способно внести позитивный вклад в развитие человеческого капитала.

АЛЬТЕРНАТИВА НАЛОГОВОМУ СТИМУЛИРОВАНИЮ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Безусловно, налоговые льготы нельзя рассматривать как единственный или даже преобладающий фактор развития человеческого капитала. Существенную роль играют, например, частные инвестиции в человеческий капитал. В отдельных исследованиях доказывается, что те, кто наследует большое состояние, имеют больше шансов для таких инвестиций [6, 7]. Имеется также так называемая «ловушка бедности»⁶, которая негативно влияет на формирование и развитие человеческого капитала. Но это не означает, что бедность передается по наследству [8–10]. Однако уровень доходов родителей влияет на объем инвестиций в образование [11, 12].

Таким образом, можно заключить, что в указанной «ловушке» может оказаться отдельно взятая страна, и в целях недопущения «ловушки бедности» в национальном масштабе не следует пренебрегать налоговыми методами стимулирования инвестиций в образование, оказывающими положительное воздействие на качество человеческого капитала.

⁵ О межрегиональной трудовой миграции. ФСГС. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/mtm_2015.htm (дата обращения: 12.12.2018).

⁶ «Ловушка бедности» — это буквальный перевод с английского — *poverty trap*. За границей так называют ситуацию, когда человеку выгоднее не работать, а жить на социальное пособие.

Несмотря на то что в арсенале налоговых инструментов развития человеческого капитала могут быть льготы по налогам с организаций, интерес представляют льготы по налогам на труд как фактор производства, оказывающий основное влияние на формирование и накопление человеческого капитала.

НАЛОГ НА ДОХОДЫ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Специалисты справедливо отмечают, что налоговые вычеты «наряду с социальной значимостью ... призваны стимулировать развитие человеческого капитала» [13, с. 1111]. Особенно это касается социальных вычетов на образовательные цели, наличие которых в налоговой системе способствует развитию платных услуг в области образования и здравоохранения и компенсирует снижение соответствующих обязательств государства.

В *таблице* представлены сведения о налоговых вычетах на обучение и лечение за период 2008–2016 гг.

Из *таблицы* следует, что доля налогоплательщиков, получивших социальные вычеты на обучение, в общей численности налогоплательщиков, получивших право на вычеты, за последние девять лет сократилась в два раза. При этом величина налогового вычета на обучение в расчете на налогоплательщиков, получивших налоговые вычеты, выросла, что можно объяснить не только повышением стоимости обучения, но и тем, что в налоговой отчетности представлены номинальные данные, не скорректированные на уровень инфляции. В связи с тем что общая сумма социальных налоговых вычетов не превышает 120 тыс. руб., можно заключить, что фактическая сумма расходов на обучение могла быть выше размера предоставленного налогового вычета вследствие получения других вычетов, например на лечение. В отношении налоговых вычетов на лечение следует заметить, что доля налогоплательщиков, воспользовавшихся ими, за последние девять лет выросла в три раза. При этом величина налогового вычета на лечение увеличилась в пять раз. Тем не менее от 1/3 до 1/4 социальных налоговых вычетов идет на образование и около 6% — на лечение; на образовательные цели правом на вычет пользуется каждый десятый налогоплательщик, а на здравоохранение — каждый шестой.

Специалисты отмечают низкую результативность применяемых мер поддержки инвестиций в образование и здравоохранение: «показатели результативности увеличиваются отстающими темпами по сравнению с ростом объемов налоговых вычетов» на обучение, а «объемы налоговых льгот по направлению инвестирования в здравоохранение возрастают более значительными темпами» по сравнению с социальными налоговыми вычетами на лечение [14, с. 149–150].

В качестве положительного аспекта следует отметить такую новацию законодательства, как расширение с 2017 г. перечня образовательных услуг, за оплату которых налогоплательщик может получить социальные вычеты, за счет индивидуальных предпринимателей и иностранных организаций. Касательно социальных налоговых вычетов на лечение можно отметить, что изменения в законодательство носили в основном характер улучшения формулировок, но не предоставления дополнительных налоговых льгот. Например, в 2013 г. была внесена поправка о том, что страховые организации должны иметь лицензию на оказание медицинских услуг, а не исключительно услуг по лечению⁷.

Других изменений налогового законодательства в области налогообложения доходов физических лиц, которые были бы нацелены на льготирование обучения и лечения как факторов развития человеческого капитала, за период с 2012 г. по настоящее время, несмотря на намерения, заявленные в Основных направлениях налоговой политики, не было внесено.

СТРАХОВЫЕ ВЗНОСЫ

Страховые взносы оказывают существенное давление на фонд оплаты труда, однако их необходимость не может быть оспорена с позиций усиления стимулирования развития человеческого капитала. Помимо фискальной значимости, страховые взносы являются институтом пенсионной системы и имеют фискально-страховую природу.

Специалисты отмечают, что низкий уровень предельной величины базы для начисления стра-

⁷ Статья 34 Федерального закона от 25.11.2013 № 317-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации по вопросам охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 26.04.2016).

Таблица / Table
Социальные налоговые вычеты на обучение и лечение по НДФЛ в 2008–2016 гг. / Social tax deductions for training and treatment of personal income tax in 2008–2016

Налогоплательщики и суммы предоставленных социальных налоговых вычетов / Taxpayers and the total amount of social tax	2008	2009	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Количество налогоплательщиков, представивших налоговую декларацию формы 3-НДФЛ о доходах (чел.) / Number of taxpayers who submitted a tax return form 3-NDFL income (people)	5 775 641	4 812 407	6 094 523	6 409 038	6 600 377	7 043 243	7 122 330	7 186 040
Количество налогоплательщиков, которым предоставлены социальные налоговые вычеты по суммам, уплаченным за обучение / The number of taxpayers who are granted social tax deductions on amounts paid for education	1 181 534	1 125 123	924 585	847 428	800 853	825 450	817 372	777 088
Количество налогоплательщиков, которым предоставлены социальные налоговые вычеты по суммам, уплаченным за лечение / The number of taxpayers who are granted social tax deductions on the amounts paid for treatment	308 772	378 011	508 163	599 489	727 773	789 018	1 004 939	1 124 574
Общая сумма предоставленных социальных налоговых вычетов по суммам, уплаченным за обучение, тыс. руб. / The total amount of social tax deductions provided for the amounts paid for education, thousand rubles	33 299 712	33 794 754	30 070 584	28 633 744	28 355 267	30 061 214	30 535 975	30 313 815
Общая сумма предоставленных социальных налоговых вычетов по суммам, уплаченным за лечение, тыс. руб. / The total amount of social tax deductions provided for the amounts paid for treatment, thousand rubles	8 501 752	11 060 685	16 505 946	21 289 540	27 170 762	34 414 823	44 664 885	53 794 767
Доля налогоплательщиков, получивших социальные вычеты на обучение, в общей численности налогоплательщиков, получивших вычеты на обучение, % / Share of taxpayers who received social deductions for training, in the total number of taxpayers who received deductions for training, %	20,46	23,38	15,17	13,22	12,13	11,72	11,48	10,81
Доля налогоплательщиков, получивших социальные вычеты на лечение, в общей численности налогоплательщиков, получивших социальные вычеты, % / The share of taxpayers who received social deductions for treatment in the total number of taxpayers who received social deductions, %	5,35	7,85	8,34	9,35	11,03	11,20	14,11	15,65
Величина налогового вычета на обучение в расчете на налогоплательщиков, получивших налоговые вычеты, руб. / The value of the tax deduction for education in the calculation of taxpayers who have received tax deductions, rub.	28 183	30 036	32 523	33 789	35 406	36 418	37 359	39 010
Величина налогового вычета на лечение в расчете на налогоплательщиков, получивших налоговые вычеты, руб. / The amount of the tax deduction for treatment per taxpayers who have received tax deductions, rub.	1472	2298	2708	3322	4117	4886	6271	7486

Источник / Source: составлено автором по данным ФНС России / compiled by the author according to Federal tax service of Russia. URL: https://www.nalog.ru/mn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (accessed 23.01.2019).

Примечание / Note: за 2008 г. не представлены данные о вычетах за обучение брата (сестры) в возрасте до 24 лет по очной форме обучения. За 2010 г. соответствующие сведения на сайте ФНС России не представлены / for 2008, no data on the tuition deductions for brother (sister) under 24 years of age for full-time education are provided. For 2010 the relevant data on the Federal tax service of Russia website are not provided.

ховых взносов (15% от средней заработной платы в экономике) крайне невыгодно отличает Россию от стран ОЭСР, где установлен предел в размере 150–300%, от стран Восточной Европы с неопределенным пределом либо больше 400%. В результате «из-под обложения основным тарифом выпадает свыше 17% фонда заработной платы» [15]. Настораживает также то обстоятельство, что «наибольшая фискальная нагрузка обязательного пенсионного страхования среди видов экономической деятельности реального сектора экономики приходится на низкооплачиваемые виды экономической деятельности обрабатывающей промышленности» [15]. Тот факт, что фискальная нагрузка перераспределяется не в пользу обрабатывающего сектора, способен оказать негативное влияние на процесс создания условий для экономического роста, а следовательно, для развития человеческого капитала.

В качестве положительных законодательных новаций следует особо выделить сохранение тарифов страховых взносов на уровне 2012 г. В отличие от этого, предельная база для исчисления подвергается изменениям, однако чем больше величина заработной платы, тем меньше размер взносов. Полагаем, что такая регрессия может рассматриваться как фактор развития человеческого капитала, особенно в инновационных секторах экономики.

НАЛОГ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД

В связи с тем что в данной статье акцентировано внимание на новациях налогового законодательства в части налогового регулирования оплаты труда, следует отдельно остановиться на эксперименте по налогообложению самозанятых граждан, который начался в 2019 г. в четырех субъектах Российской Федерации⁸. По условиям эксперимента с 1 января 2019 г. в Москве, Московской и Калужской областях, Республике Татарстан введен налог на профессиональный доход, взимаемый в рамках специального налогового режима для физических лиц и инди-

видуальных предпринимателей без наемных работников, в размере 4% от доходов, полученных от физических лиц, и 6% — от доходов, полученных от организаций. Налог уплачивается через мобильное приложение «Мой налог» с доходов, не превышающих 2,4 млн руб. в год. Цель такого нововведения — легализация доходов от трудовой деятельности самозанятых граждан. Примечательно, что согласно п. 3 ст. 5 Закона № 422-ФЗ плательщиками налога на профессиональный доход могут быть граждане государств — членов Евразийского экономического союза: Беларуси, Армении, Казахстана, Армении, Киргизии.

Физическому лицу предоставлено право уплачивать страховые взносы на обязательное пенсионное страхование, что является положительной стороной специального налогового режима, поскольку он позволяет включить самозанятого гражданина в фискальное правовое пространство, а следовательно, дает ему право как налогоплательщику на получение встречных обязательств государства. Другой вопрос: готовы ли россияне к выходу из тени?

Ученые РАНХиГС в мае 2018 г. выполнили социологическое исследование особенностей поведения самозанятого населения в Российской Федерации и выявили следующие особенности⁹. Численность самозанятых была оценена ими в 15–25% трудоспособного населения. В отношении пенсионного обеспечения респонденты надеются в первую очередь на себя и свои сбережения, а государственную пенсионную систему считают малопонятной и ненадежной. У самозанятых отсутствует выраженное желание легализовать свою деятельность, напротив, имеется ряд опасений, в первую очередь — потерять часть дохода. Подтолкнуть к легализации их могут не репрессивные меры, а успешные примеры коллег. Половина респондентов (50,1%) сказали, что считают уплату налогов своей обязанностью, 38,8% также были бы готовы их платить, если бы были уверены, что «государство их тратит на разумные

⁸ Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима „Налог на профессиональный доход“ в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)» (далее — Закон № 422-ФЗ).

⁹ Отчет о НИР по теме: «Совершенствование налогообложения и определение правового статуса самозанятых граждан для легализации доходов от их трудовой деятельности» (№ госрегистрации АААА-А17-117040510051-9). М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); 2018:16–48.

цели». Примерно для половины респондентов были бы удобны упрощенные варианты налогообложения патентного типа или автоматическое списание части доходов. Средняя оценка приемлемого суммарного уровня налоговой нагрузки составила 6,5%.

Насколько удачным будет эксперимент с введением налога на профессиональный доход, покажет время. Однако его актуальность не вызывает сомнений в силу того, что его распространение на всю территорию нашей страны способно вовлечь в налоговое правовое поле практически каждого шестого (а по более оптимистичным оценкам — каждого четвертого) трудоспособного человека.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ НАЛОГОВОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Перспективы усиления результативности принимаемых налоговых мер развития человеческого капитала нам видятся в первую очередь в расширении налоговых льгот в области повышения уровня и запаса знаний человека, а также охраны его здоровья.

1. В условиях действия шедулярной системы подоходного налогообложения, характерной чертой которой является отсутствие прогрессивной шкалы налоговых ставок, потенциал налогового стимулирования следует искать в снижении налоговой нагрузки на труд за счет расширения системы налоговых вычетов. Следует согласиться

с мнением некоторых ученых о необходимости установления стандартного вычета по НДФЛ не меньше прожиточного минимума работника [16, с. 15; 17, с. 45].

2. Для целей противодействия феномену «лоушки бедности» полагаем целесообразным поддержать идею о введении семейного налогообложения как способа вывода финансово уязвимых слоев населения (в первую очередь малоимущих семей с детьми) на уровень самообеспечения [18, с. 1212].

3. Следует распространить действие налога на профессиональный доход на всю территорию России, поскольку он способствует сокращению неформальной занятости вследствие упрощения процедуры налогового администрирования и низких показателей налоговой нагрузки. В то время как наемный работник уплачивает НДФЛ по ставке 13% с заработной платы, ставка налога на профессиональный доход самозанятого лица в размере 4 или 6% соответствует ожиданиям физических лиц (6,5%). По оценке специалистов, уровень роста номинальной заработной платы положительно влияет на локализацию темпов роста неформальной занятости [19]. Это дает возможность заключить, что создание благоприятных условий налогового администрирования позволит создать лучшие условия ведения бизнеса и развития человеческого капитала. Следует согласиться с мнением, что «обязательным условием достижения эффективности предоставляемых налоговых льгот является их администрирование» [20].

БЛАГОДАРНОСТЬ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 18-010-00527 «Гармонизация системы налогообложения внешней торговли в евразийском пространстве на современном этапе глобального развития»), 2019 г.

ACKNOWLEDGEMENT

The research was performed with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (project 18-010-00527 “Harmonization of the foreign trade taxation system in the Eurasian space at the current stage of global development”), 2019.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ведзижев У. Налогообложение и человеческий капитал: диалектика взаимовлияния. *Вестник Российской Федерации дружбы народов*. Серия: Социология. 2007;(4):68–71.
2. Щетинин В. Человеческий капитал и неоднозначность его трактовки. *Мировая экономика и международные отношения*. 2010;(12):42–49.
3. Mincer J. B. *Schooling, experience and earnings*. New York: National Bureau of Economic Research; 1974.

4. Кузнецов Ю.А., Мичасова О.В. Человеческий капитал: формирование, измерение, вклад в экономический рост. *Экономический анализ: теория и практика*. 2010;(26):21–31.
5. Мазин А. Конкуренция между нанимателем и работником и ее особенности в условиях кризиса. *Управление персоналом*. 2009;(16). URL: <http://www.top-personal.ru/issue.html?2134> (дата обращения: 16.01.2019).
6. Galor O., Zeira J. Income distribution and macroeconomics. *The Review of Economic Studies*. 1993;60–1:35–52.
7. Durlauf S., Johnson P. Multiple regimes and cross-country growth behaviour. *Journal of Applied Econometrics*. 1995;(10):365–384.
8. Lochner L., Monge-Naranjo A. Credit constraints in education. the nature of Credit Constraints and Human Capital. *Annual Review of Economics*. 2012;(4):225–256.
9. Cameron S., Heckman J. The dynamics of educational attainment for black, hispanic, and white males. *Journal of Political Economy*. 2001;109:455–498.
10. Hoxby C., Avery C. The missing one-offs: the hidden supply of highachieving, low-income students. *Brookings Papers on Economic Activity*. 2013;(1):1–61.
11. Becker G. Tomes N. An equilibrium theory of the distribution of income and intergenerational mobility. *Journal of Political Economy*. 1979;87:1153–1189.
12. Loury G. Intergenerational transfers and the distribution of earnings. *Econometrica*. 1981;49:843–867.
13. Мельникова Н.П., Тихонова А.В. Имущественные налоговые вычеты и справедливость налогообложения доходов физических лиц. *Международный бухгалтерский учет*. 2018;(17–18):1100–1112.
14. Пьянова М.В., Лавник Р.В. Налоговая поддержка частных инвестиций в человеческий капитал. *Символ науки*. 2016;23(11–1):145–151.
15. Герман Ю.А. Проблема фискальной нагрузки обязательного пенсионного страхования и ее влияния на развитие реального сектора экономики. *Социальное и пенсионное право*. 2015;(2):29–34.
16. Маслова Д.В. Влияние налогообложения труда на человеческий капитал. *Финансы и кредит*. 2013;(7):11–17.
17. Тюрина Ю.Г., Мулюкова Р.Р. Развитие человеческого капитала как направление реализации государственной политики в области налогообложения физических лиц. *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2014;(36):37–48.
18. Ксиропулос И.Д. Семейное налогообложение как налоговый инструмент социальной поддержки населения. *Финансовая экономика*. 2018;(5):1212–1213.
19. Блохина Т.В., Блохин К.В. Влияние неформальной занятости на развитие человеческого капитала. *Интернет-журнал «Наукоедение»*. 2016;(8). URL: http://naukovedenie.ru/PDF/113EVN_616.pdf.
20. Гончаренко Л.И. К вопросу о налоговом стимулировании. *Инновационное развитие экономики*. 2014;23(6–1):26–30.

REFERENCES

1. Vedzizhev U. Taxation and human capital: the dialectic of mutual influence. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Sociologiya = Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*. 2007;(4):68–71. (In Russ.).
2. Shhetinin V. Human capital and the ambiguity of its interpretation. *Mirovaya e`konomika i mezhdunarodny`e otnosheniya = World Economy and International Relations*. 2010;(12):42–49. (In Russ.).
3. Mincer J.B. *Schooling, experience and earnings*. New York: National Bureau of Economic Research; 1974.
4. Kuznecov Yu.A., Michasova O.V. Human capital: formation, measurement, contribution to economic growth. *E`konomicheskij analiz: teoriya i praktika = Economic analysis: theory and practice*. 2010;(26):21–31. (In Russ.).
5. Mazin A. Competition between the employer and the employee and its features in a crisis. *Upravlenie personalom = Personnel Management*. 2009;(16). URL: <http://www.top-personal.ru/issue.html?2134> (accessed on 16.01.2019). (In Russ.).
6. Galor O., Zeira J. Income distribution and macroeconomics. *The Review of Economic Studies*. 1993;60–1:35–52.

7. Durlauf S., Johnson P. Multiple regimes and cross-country growth behaviour. *Journal of Applied Econometrics*. 1995;(10):365–384.
8. Lochner L., Monge-Naranjo A. Credit constraints in education. The Nature of credit constraints and human capital. *Annual Review of Economics*. 2012;(4):225–256.
9. Cameron S., Heckman J. The dynamics of educational attainment for black, hispanic, and white males. *Journal of Political Economy*. 2001;109:455–498.
10. Hoxby C., Avery C. The Missing one-offs: the hidden supply of highachieving, low-income students. *Brookings Papers on Economic Activity*. 2013;(1):1–61.
11. Becker G., Tomes N. An equilibrium theory of the distribution of income and intergenerational mobility. *Journal of Political Economy*. 1979;87:1153–1189.
12. Loury G. Intergenerational transfers and the distribution of earnings. *Econometrica*. 1981;49:843–867.
13. Mel'nikova N.P., Tixonova A. V. Property tax deductions and equity of personal income taxation. *Mezhdunarodny'j buxgalterskij uchet = International Accounting*. 2018;(17–18):1100–1112. (In Russ.).
14. P'yanova M.V., Lavnik R. V. Tax support for private investment in human capital. *Simvol nauki = Symbol of Science*. 2016;23(11–1):145–151. (In Russ.).
15. German Yu.A. The problem of the fiscal burden of compulsory pension insurance and its impact on the development of the real economy. *Social'noe i pensionnoe parvo = Social and pension law*. 2015;(2):29–34. (In Russ.).
16. Maslova D.V. The impact of labor taxation on human capital. *Finansy` i kredit = Finance and credit*. 2013;(7):11–17. (In Russ.).
17. Tyurina Yu.G., Mulyukova R. R. Development of human capital as a direction for the implementation of state policy in the field of taxation of individuals. *Finansovaya analitika: problemy` i resheniya = Financial analytics: problems and solutions*. 2014;36):37–48. (In Russ.).
18. Ksiropoulos I. D. Family taxation as a tax tool for social support of the population. *Finansovaya e`konomika = Financial Economics*. 2018;(5):1212–1213. (In Russ.).
19. Bloxina T.V., Bloxin K.V. The impact of informal employment on the development of human capital. *Internet-zhurnal «Naukovedenie» = Internet-magazine «Science»*. 2016;(8). URL: http://naukovedenie.ru/PDF/113EVN_616.pdf (free access) (accessed 01.27.2019). (In Russ.).
20. Goncharenko L. I. On the question of tax incentives. *Innovacionnoe razvitie jekonomiki = Innovative development of economy*. 2014;23(6–1):26–30. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Миляуша Рашитовна Пинская — доктор экономических наук, доцент, профессор Департамента налоговой политики и таможенно-тарифного регулирования, Финансовый университет, Москва, Россия
MPinskaya@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Pinskaya Milyausha R. — Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Professor at the Tax Policy and Customs Tariff Regulation Department, Financial University, Moscow, Russia
MPinskaya@fa.ru

Статья поступила 08.01.2019; принята к публикации 15.03.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 08.01.2019; accepted for publication 15.03.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-147-153

УДК 343.412(045)

JEL K14

Уголовно-правовая охрана репродуктивного здоровья: современные вызовы

Э.Л. СидоренкоМосковский государственный институт
международных отношений

МИД России,

Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-4741-0184>

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – особенности уголовно-правовой охраны репродуктивного здоровья в российском законодательстве. Выбор данной темы обусловлен возрастающей динамикой преступлений, связанных с ограничением репродуктивных прав женщин и мужчин и несанкционированным манипулированием геномом человека. Несмотря на возросшую потребность в регулировании такого рода отношений, система их уголовно-правовой охраны только начинает формироваться, вследствие чего возникает потребность в переосмыслении традиционных подходов к охране личности.

Поэтому *цель статьи* – осмысление системы уголовно-правовой охраны репродуктивного здоровья с точки зрения ее соответствия трендам развития медицинской практики и динамики заболеваемости социально значимыми болезнями на основе как традиционных принципов научного анализа, так и результатов применения социологических методов обработки данных, позволивших обозначить направления развития российской уголовной политики. Кроме того, в ходе рассмотрения темы статьи применялся метод критического анализа, позволивший показать противоречивость системы уголовно-правового предупреждения криминальных аборт, инфицирования социально значимыми болезнями и нелегального использования генома человека. В результате исследования выстроена авторская модель уголовной превенции посягательств на репродуктивное здоровье и дается ее системная оценка.

Делаются выводы о противоречивости законодателя в оценке признаков противоправности аборта, о недостаточном учете инфицирования отдельными социально значимыми заболеваниями и о необходимости введения в Уголовный кодекс Российской Федерации норм о запрете на использование генома человека. Сформулированные в статье выводы имеют важное практическое значение и могут быть учтены законодателем при реформировании действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: уголовное законодательство; Уголовный кодекс Российской Федерации; репродуктивное здоровье; социально значимые заболевания; аборт; геном человека; уголовная ответственность

Для цитирования: Сидоренко Э.Л. Уголовно-правовая охрана репродуктивного здоровья: современные вызовы. *Экономика. Налоги. Право.* 2019;12(2):147-153. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-147-153

Criminal Law Protection of Reproductive Health: Current Challenges

E.L. SidorenkoMoscow State Institute of
International Relations,the Russian Ministry of Foreign Affairs,
Moscow, Russia<https://orcid.org/0000-0002-4741-0184>

ABSTRACT

The subject of the research is the specifics of the criminal law protection of reproductive health in the Russian legislation. The topic was chosen due to the increasing dynamics of crimes related to limitation on the reproductive rights of women and men and unauthorized manipulation of the human genome. Despite the growing need for providing a regulatory

framework for this kind of relationships, the system of their criminal law protection is only beginning to take shape, therefore, a necessity arises to revise traditional approaches to the protection of the individual.

Therefore, *the purpose of the paper* was to understand the system of criminal law protection of reproductive health in terms of its compliance with trends of medical practices and dynamics of socially significant diseases based on both traditional principles of scientific analysis and the results of applying sociological methods of data processing, which made it possible to identify the most significant directions of the Russian criminal policy development. Moreover, the critical analysis method was used in the research that showed the inconsistency of the system of criminal law prevention of criminal abortions, contamination with socially significant diseases and illegal use of the human genome. Based on the research findings, an author's model of criminal prevention of attacks on reproductive health has been built and its systemic assessment is given.

It is concluded that the legislator is inconsistent in assessing the attributes of an unlawful abortion; the accounting of contamination with certain socially significant diseases is inadequate; the laws prohibiting the use of the human genome need to be included into the Criminal Code of the Russian Federation. The conclusions formulated in the paper have practical importance and can be taken into account by the legislator in the reform of the current criminal legislation.

Keywords: criminal law; Criminal Code of the Russian Federation; reproductive health; socially significant diseases; abortion; human genome; criminal liability

For citation: Sidorenko E.L. Criminal law protection of reproductive health: Current challenges. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law.* 2019;12(2):147-153. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-147-153

ВВЕДЕНИЕ

Состояние репродуктивного здоровья населения является одной из наиболее острых социально экономических проблем не только в России, но и в мире. Как отмечено в указе Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», одной из ключевых задач Правительства РФ является обеспечение устойчивого естественного роста численности.

Позднее эта задача была конкретизирована в послании Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию 20.02.2019 через предложение конкретных норм, направленных на «решение демографических проблем, рост продолжительности жизни, снижение смертности».

Однако для достижения поставленных целей экономических мер недостаточно. Для придания политике комплексного характера должны быть разработаны системные меры уголовно-правовой охраны репродуктивного здоровья.

Согласно определению Всемирной организации здравоохранения под репродуктивным здоровьем понимается состояние полного физического, умственного и социального благополучия, а не отсутствие недуга или болезней репродуктивной системы, ее функций и процессов¹.

В программе действий Международной конференции по народонаселению и развитию (Каир,

1994 г.)² было рекомендовано использовать термин «репродуктивные права», под которыми подразумеваются права супругов на определение количества детей, достижение высоких показателей сексуального здоровья, репродуктивный выбор без каких-либо дискриминационных ограничений.

На основе обобщения существующих подходов постепенно сформировалось видение репродуктивного здоровья как совокупности следующих неперемешиваемых элементов: «безопасное и эффективное предохранение от нежелательной беременности; безопасное прерывание беременности; возможность доступа и выбор безопасных для здоровья методов и средств контрацепции; безопасная беременность и уход до родов, в период родов и после родов; лечение бесплодия и иных заболеваний репродуктивной системы» [1].

С этих позиций уголовно-правовую охрану репродуктивного здоровья можно обозначить как совокупность мер, обеспечивающих свободу и возможность реализации репродуктивного выбора через установление уголовной ответственности за деяния, связанные с:

- незаконным прерыванием беременности;
- распространением социально значимых заболеваний, представляющих опасность для репродуктивного здоровья;
- защитой генома человека и др.

¹ Сайт ВОЗ. Reproductive health. URL: <http://www.who.int>. (дата обращения: 10.02.2019).

² Сайт ООН. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/ICPD_programme_of_action_ru.pdf (дата обращения: 10.02.2019).

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

К сожалению, современную систему уголовно-правовой охраны репродуктивного здоровья сложно признать эффективной.

В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что репродуктивное здоровье как объект уголовно-правовой охраны не прописан в законодательстве, что обуславливает отсутствие единого понимания природы репродукции на уровне субъектов уголовной политики и приводит к непосредственной и в ряде случаев противоречивой практике реализации существующих норм Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

Так, вызывает вопросы намеренное игнорирование в УК РФ важности охраны генома человека.

Согласно Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины, а именно Конвенции о правах человека и биомедицине (*ETS* No. 164), заключенной в г. Овьедо 4 апреля 1997 г., действия с геном человека, направленные на его изменение, могут реализовываться только в диагностических, профилактических или терапевтических целях и только при условии, что они не предусматривают модификацию генома наследников этого человека.

Российская Федерация не присоединилась к данной конвенции, равно как не подписала дополнительный протокол к ней от 1998 г., запрещающий действия, нацеленные на создание человека, генетически идентичного другому живому или умершему человеку (п. 1 ст. 1) по признаку идентичного набора генов ядра (п. 2 ст. 1)³. И в силу отдельных внешнеполитических обстоятельств вряд ли сделает это в ближайшее время [2].

Возможно, именно неприятием европейских стандартов защиты генетической информации можно объяснить то обстоятельство, что в российском уголовном праве отсутствуют запреты на использование и манипулирование геномной информацией, а также на проведение исследований с геномом человека (прежде всего с половыми клетками).

В уголовном праве содержится запрет на принуждение к изъятию для трансплантации тканей

и органов человека (ст. 120 УК РФ), однако проблема заключается в том, что половые клетки, содержащие геномную информацию, не относятся ни к органам, ни к тканям человека. В частности, согласно постановлению Правительства РФ от 28.02.1996 № 221 «Об утверждении Правил обязательного медицинского освидетельствования лиц, находящихся в местах лишения свободы, на выявление вируса иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» (ред. от 30.12.2005) сперма относится к жидкостям и автоматически отделяется от органов и тканей. В отдельные самостоятельные группы в медицине выделяются яйцеклетки и кровь. Очевидно, что такой подход не позволяет расширительно толковать ному ст. 120 УК РФ и автоматически выводит материалы, содержащие генетическую информацию, из числа предметов уголовно-правовой охраны.

Для сравнения: в Уголовном кодексе Эстонии (далее — УК Эстонии) предусмотрена уголовная ответственность за следующие деяния:

1) создание из чужой яйцеклетки эмбриона или ее имплантация (ст. 120¹ УК Эстонии);

2) запрещенные действия с эмбрионом, под которыми понимаются действия, совершенные в ходе операций по искусственному оплодотворению женщины или с сохраняемым вне тела человеческим эмбрионом (ст. 120² УК Эстонии), в том числе искусственное оплодотворение особым сперматозоидом, замена ядра с целью создания клона, соединение эмбрионов с различной наследственной информацией, оплодотворение яйцеклетки человека сперматозоидом животного и др.

Фактически закон устанавливает ответственность за различные генетические манипуляции, что позволяет говорить о высоком уровне защиты генома как данного от рождения блага человека.

Созданные на основе стандартов конвенции *ETS* No. 164 положения в несколько видоизмененном виде могли бы появиться и в УК РФ. Ведь как отметил Конституционный суд Российской Федерации в определении от 10.02.2016 № 224-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации „О трансплантации органов и (или) тканей человека”», эта конвенция и прочие международные документы носят для нас рекомендательный характер и содержат этические

³ Дополнительный протокол к конвенции о защите прав человека и достоинства человеческого существа в связи с использованием достижений биологии и медицины, касающийся запрещения клонирования человеческих существ» (*ETS* № 168) подписан в Париже 12 января 1998 г.

нормы, которые следует учитывать как в законодательной деятельности, так и в судебной практике.

Несмотря на наличие возможностей оптимизировать действующее законодательство, клонирование и иные манипуляции с яйцеклетками и сперматозоидами остаются за рамками уголовно-правовой охраны, что только стимулирует проведение такого рода экспериментов [3]. С этих же позиций незащищенными являются сферы генной инженерии, принудительного оплодотворения, несанкционированного вмешательства в генетический код, использования стволовых клеток, выращивания органов и др. [4].

Много вопросов возникает и в части квалификации деяний по ст. 123 УК РФ. Федеральным законом от 25.11.2013 № 317-ФЗ было изменено название статьи. Если ранее речь шла о незаконном производстве аборта, то теперь — о незаконном проведении искусственного прерывания беременности. К сожалению, изменение терминологии не позволило устранить внутренние противоречия данной нормы [5].

В частности, неурегулированным остался вопрос о границах законности и незаконности проведения процедуры. Согласно ст. 56 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 27.12.2018) законным признается аборт, «произведенный по согласию женщины при сроке беременности до двенадцати недель. Искусственное прерывание беременности проводится:

1) не ранее 48 часов с момента обращения женщины в медицинскую организацию для искусственного прерывания беременности:

а) при сроке беременности четвертая–седьмая недели;

б) при сроке беременности одиннадцатая–двенадцатая недели, но не позднее окончания двенадцатой недели беременности;

2) не ранее семи дней с момента обращения женщины в медицинскую организацию для искусственного прерывания беременности при сроке беременности восьмая–десятая недели беременности».

При этом прерывание беременности осуществляется врачом специального профиля [6] и только в медицинском учреждении при согласии женщины или в отдельных случаях по решению суда.

Однако УК РФ связывает уголовную наказуемость деяния только с одним признаком противоправности — производством операции лицом, не имеющим специализации врача акушера-гинеколога. В итоге

возникает серьезный крен в защите репродуктивного здоровья: если аборт производится врачом иной специализации в медицинском учреждении, наступает уголовная ответственность, а если акушером-гинекологом в домашних или подвальных условиях — дисциплинарная ответственность.

Вызывает вопрос и правовая оценка действий врача, производящего аборт в отсутствие согласия потерпевшей или в нарушении сроков операции. В первом случае деяние должно быть квалифицировано согласно ст. 111 УК РФ и считаться умышленным и наказываться лишением свободы, а во втором — заслуживать дисциплинарного наказания.

Указанные выше противоречия не могли не отразиться на качестве выявления и расследования преступлений, предусмотренных ст. 123 УК РФ.

Одной из наиболее острых проблем в уголовно-правовой охране репродуктивного здоровья является превенция заражения социально значимыми заболеваниями [7].

В УК РФ предусматривается уголовная ответственность за заражение венерической болезнью (ст. 121) и ВИЧ-инфекцией (ст. 122). Однако приведенные в законодательных нормах заболевания предусматривают ответственность за заражение лишь частью социально значимых болезней. Так, за рамками уголовно-правовой охраны остаются случаи заражения вирусными гепатитами, хламидиозом, герпетическими инфекциями и др.

Ключевая проблема заключается в том, что в современной медицине понятие «венерические болезни» попросту отсутствует. Возникает вопрос: что относится к этим заболеваниям и на какой документ ссылаться судебной практике? Но он пока не находит ответа.

В постановлении Правительства РФ от 01.12.2004 № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» (ред. от 13.07.2012) содержится перечень социально значимых заболеваний и заболеваний, представляющих опасность для окружающих. К первым относятся туберкулез, инфекции, передающиеся преимущественно половым путем, гепатиты В и С, ВИЧ-инфекция и ряд хронических невирусных заболеваний (сахарный диабет, гипертония и др.). К болезням второй группы относятся ранее названные инфекционные заболевания, а также вирусные лихорадки, гельминтозы, дифтерия, малярия, педикулез, сибирская язва, холера, чума и др.

Несмотря на то что эти болезни представляют прямую опасность для репродуктивного здоровья человека, заражение ими не подпадает под действие ст. 121 и 122 УК РФ. В отдельных случаях деяние лица можно квалифицировать как умышленное причинение вреда (ст. 111–116 УК РФ) или нарушение эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ), но в первом случае требуется установить умысел и причинную связь между действиями и наступившими последствиями, а во втором — факт нарушения специальных правил, что весьма затруднительно.

Особое внимание заслуживает статистика ВИЧ-инфицирования. Согласно заявлению Роспотребнадзора в России в 2016 г. проживали больше 1 млн больных с официально установленным диагнозом, при этом умерли от болезни более четверти из них [8]. По мнению В.И. Покровского, к 1 млн официально инфицированных ВИЧ можно смело добавлять еще, как минимум, 1 млн незарегистрированных больных⁴. При этом хотя бы как-то пытаются лечиться только 30% из первого миллиона.

По состоянию на 1 января 2018 г. общее количество заболевших в России составило 1,2 млн (1 220 659) человек (исключая выявленных анонимно иностранных граждан, что на 2,2% больше, чем за аналогичный период 2016 г.), из них умерли 276 660 чел.⁵

Что же касается Европы, то, согласно данным ВОЗ лидируют по числу заболевших страны восточной части Европы (Украина, Белоруссия, Молдавия). На Украине на 100 000 человек приходится 37 вновь заболевших, в Белоруссии — 26,1 случаев, а в Республике Молдова — 20,6 случаев⁶.

Вопросы вызывает отсутствие в ст. 122 УК РФ уголовной ответственности за заведомое поставление в опасность заражения ВИЧ-инфекцией лицом вследствие ненадлежащего исполнения им своих профессиональных обязанностей. Наблюдается заметное искажение принципа зеркальности уголовно-правовых запретов. Получается, что если больной заведомо ставит в опасность заражения, то его действия квалифицируются по ч. 1 ст. 122 УК РФ, а если медицинский работник — ответственность возможна только за покушение на заражение (ч. 4 ст. 122 со ссылкой на ч. 3

ст. 30 УК РФ), что противоречит здравому смыслу, ибо действия профессионала всегда гораздо более опасны, чем действия инфицированного лица.

Однако наибольшие вопросы вызывает применение к ст. 122 УК РФ, согласно которому лицо, совершившее деяние, предусмотренное ч. 1 и 2 ст. 122 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности в случае, если другое лицо, поставленное в опасность заражения либо зараженное ВИЧ-инфекцией, было своевременно предупреждено о наличии у первого лица этой болезни и добровольно согласилось совершить действия, создавшие опасность заражения.

Содержание этого предписания вызывает обоснованные возражения и вопросы.

Во-первых, неясно, на каких этических принципах базируется отказ от применения к лицу ответственности за «убийство в рассрочку»⁷.

Во-вторых, непонятно, почему данное примечание распространяется на заражение ВИЧ-инфекцией и не распространяется на случаи инфицирования венерическими болезнями. Как справедливо отмечает Д.В. Лопашенко, ВИЧ-инфекция неизлечима, а венерические заболевания в большинстве своем излечимы, хотя лечение части из них может занимать продолжительное время, а некоторые из них могут переходить в хронические стадии [9]. Вызывает удивление высказывание Е.К. Газдановой, которая, отмечая, что примечание к ст. 122 УК РФ не распространяет своей действие на ст. 121 УК РФ, делает вывод о том, что венерическим заболеваниям свойствен временный характер, и, установив уголовную ответственность за заражение ими, законодатель тем самым обязал бы ее носителей лишь к временному воздержанию от вступления в контакты, способствующие распространению инфекции. В отношении же ВИЧ-инфекции подобный запрет носил бы постоянный характер и тем самым существенно ограничивал бы права зараженных [10].

В-третьих, надо понимать, каким образом будет даваться согласие на заражение: письменно или устно, а также как будет определяться возраст согласия. В частности, уже сейчас возникает вопрос о том,

⁴ Сайт dos-news.com. URL: http://dos-news.com/lenta_novostei/epidemiya-spida-v-rossii-statistika-zabolevaemosti-shokirovala.

⁵ Сайт ВИЧ. СПИД. ЗППП. URL: <https://spid-vich-zppp.ru/statistika/epidemiya-vich-spida-v-rossii-2017.html>.

⁶ Сайт WHO ООН. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/hiv-aids>.

⁷ Например, ожидаемая продолжительность жизни для ВИЧ-инфицированных двадцатилетних пациентов, получающих антиретровирусную терапию, составила немногим больше 70 лет, т.е. она приблизительно совпадает с продолжительностью жизни лица, не зараженного ВИЧ-инфекцией. См. подробнее: Продолжительность жизни людей с ВИЧ, получающих АРВТ в развитых странах. URL: <http://arvt.ru/news/2014-01-29-life-expectancy.html> (дата обращения: 18.03.2015).

будет ли лицо освобождаться от ответственности, если согласие на заражение было дано малолетним и (или) несовершеннолетним. Неясно также, должен ли возраст согласия потерпевшего устанавливаться через возраст ответственности заражающего (16 лет) или должны быть определены иные критерии оценки действительности волеизъявления [11].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о пробельности⁸ уголовной превен-

⁸ Не считая возможного отсутствия необходимых правовых норм, *пробелы*, в частности, могут обнаруживаться и среди элементов механизма правового регулирования (юридические факты и правоотношения), и среди элементов правоотношений (субъекты, объекты, права и обязанности),

ции репродуктивного здоровья населения во многом ввиду недопонимания субъектами уголовной политики важности данного направления. Вместе с тем пандемия социально значимых заболеваний и появление качественно новых форм вмешательства в генный код человека ставят перед законодателем ряд острых вопросов, связанных с гармонизацией правовой и медицинской терминологии в части определения вирусных заболеваний, передающихся половым путем, определением границ наказуемости незаконного аборта и правовой превенции манипулирования геномом человека.

и среди правовых свойств субъектов (правоспособность и дееспособность), и среди юридически значимого отношения субъектов к своему поведению и его последствиям (например вина).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Игнатиади А. С., Сидоренко Э. Л. Охрана репродуктивного здоровья в российском уголовном законодательстве: направления и перспективы развития. Ставрополь: Юрлитинформ; 2003. 204 с.
2. Васильев Г. С. На пути к киборгам: отечественное законодательство о клонировании. *Закон*. 2016;(9):153–162.
3. Воронина И. А., Савошикова Е. В., Саблин Д. А. Интеграция биомедицины и биоэтики в правовое пространство как основа охраны и защиты прав граждан на здоровье и медицинскую помощь. *Конституционное и муниципальное право*. 2018;(9):67–70.
4. Denisov B. P., Sakevich V. I., Jasilioniene A. Divergent trends in abortion and birth control. *PLoS ONE* 2012;7(11). DOI: 10.1371/journal.pone.0049986
5. Ситникова А. И. Ятрогенные преступления: уголовно-правовой и процессуальный аспекты. *Медицинское право*. 2018;(2):41–44.
6. Raymond E. G., Grimes D. A. The comparative safety of legal induced abortion and childbirth in the United States. *Obstetrics & Gynecology*. 2012;19(2, Part1):215–19. DOI: 10.1097/AOG.0b013e31823fe923
7. Alford Suzanne M. Is self-abortion a fundamental right? *Duke Law Journal*. 2003;52(5):1011–29.
8. Сидоренко Э. Л. Частноправовые механизмы уголовно-правовой защиты личности. *Журнал российского права*. 2017;(8):65–72.
9. Лопашенко Д. В. Соотношение частного и публичного в уголовном праве. М.: Юрист; 2019. 212 с.
10. Газданова Е. К. Согласие лица на заражение или поставление его в опасность заражения ВИЧ-инфекцией. Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Мат. Седьмой международной научно-практической конференции 28–29 января 2010 г. М.: Проспект; 2010. 400 с.
11. Сидоренко Э. Заражение ВИЧ-инфекцией: вопросы уголовно-правовой оценки. *Уголовное право*. 2007;(1):55–59.
12. Гайворонская О. Увольнение врачей за ошибки: анализ споров. *Трудовое право*. 2018;(10):85–96.
13. Fjerstad Mary, Trussell James, Sivin Irving, Lichtenberg E. Steve; Cullins Vanessa. Rates of serious infection after changes in regimens for medical abortion. *New England Journal of Medicine*. 2009;361(2):145–151. DOI: 10.1056/NEJMoa0809146
14. Соктоев З. Б. Преступления против личности в уголовном праве Беларуси, России и Украины. М.: Проспект; 2014. 680 с.
15. Дорогин Д. А. Некоторые спорные вопросы, связанные с преступлениями, совершаемыми медицинскими работниками. *Медицинское право*. 2012;(6):41–44.
16. Решетникова Д. В. Особенности момента окончания преступлений против жизни и здоровья по Уголовному кодексу Российской Федерации. *Общество и право*. 2011;(1):108–111.

REFERENCES

1. Ignatiadi A.S., Sidorenko E.L. Reproductive health protection in the Russian criminal legislation: directions and prospects of development. Stavropol: Yurlitinform; 2003. 204 p. (In Russ.).
2. Vasiliev G.S. On the way to cyborg: domestic legislation on cloning. *Zakon = Law*. 2016;(9):153–162. (In Russ.).
3. Voronina I.A., Savoshchikova E.V., Sablin D.A. Integration of biomedicine and bioethics into the legal space as the basis for the protection and protection of citizens' rights to health and medical care. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*. 2018;(9):67–70. (In Russ.).
4. Denisov B.P., Sakevich V.I., Jasilioniene A. Divergent trends in breeding and birth control. *PLoS ONE* 2012;7(11). DOI:10.1371/journal.pone.0049986
5. Sitnikova A.I. Iatrogenic crimes: criminal law and procedural aspects. *Medicinskoe pravo = Medical law*. 2018;(2):41–44. (In Russ.).
6. Raymond, E.G., Grimes D.A. The comparative safety of the United States in the United States. *Obstetrics & Gynecology*. 2012;119(2, Part1). DOI: 10.1097/AOG.0b013e31823fe923
7. Alford Suzanne M. Is Self-abortion a fundamental right? *Duke Law Journal*. 2003;52(5):1011–29.
8. Sidorenko E.L. Private law mechanisms of criminal legal protection of a person. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian law*. 2017;(8):65–72. (In Russ.).
9. Lopashenko D.V. The ratio of private and public in criminal law. Moscow: Lawyer; 2019. 212 p. (In Russ.).
10. Gazdanova E.K. Consent of a person to be infected or putting him at risk of HIV infection. Criminal law: development strategy in the XXI century: materials of the Seventh International Scientific and Practical Conference January 28–29, 2010. Moscow: Prospect; 2010. 400 p. (In Russ.).
11. Sidorenko E. Infection with HIV infection: issues of criminal legal assessment. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*. 2007;(1):55–59 (In Russ.).
12. Gaivoronskaya O. Dismissal of doctors for mistakes: analysis of disputes. *Trudovoe pravo = Labor law*. 2018;(10):85–96. (In Russ.).
13. Fjerstad Mary, Trussell James, Sivin Irving, Lichtenberg E. Steve, Cullins Vanessa. Rates of serious infection after changes in regimens for medical abortion (PDF). *New England Journal of Medicine*. 2009;361(2):145–151. DOI: 10.1056/NEJMoa0809146
14. Soktoev Z.B. Crimes against the person in the criminal law of Belarus, Russia and Ukraine. Moscow: Prospect; 2014. 680 p. (In Russ.).
15. Dorogin D.A. Some controversial issues related to crimes committed by medical professionals. *Medicinskoe pravo = Medical law*. 2012;(6):41–44. (In Russ.).
16. Reshetnikova D.V. Features of the end of crimes against life and health under the Criminal Code of the Russian Federation. *Obshchestvo i pravo = Society and law*. 2011;(1):108–111. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Элина Леонидовна Сидоренко — доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений МИД России (МГИМО МИД России), Москва, Россия
12011979@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

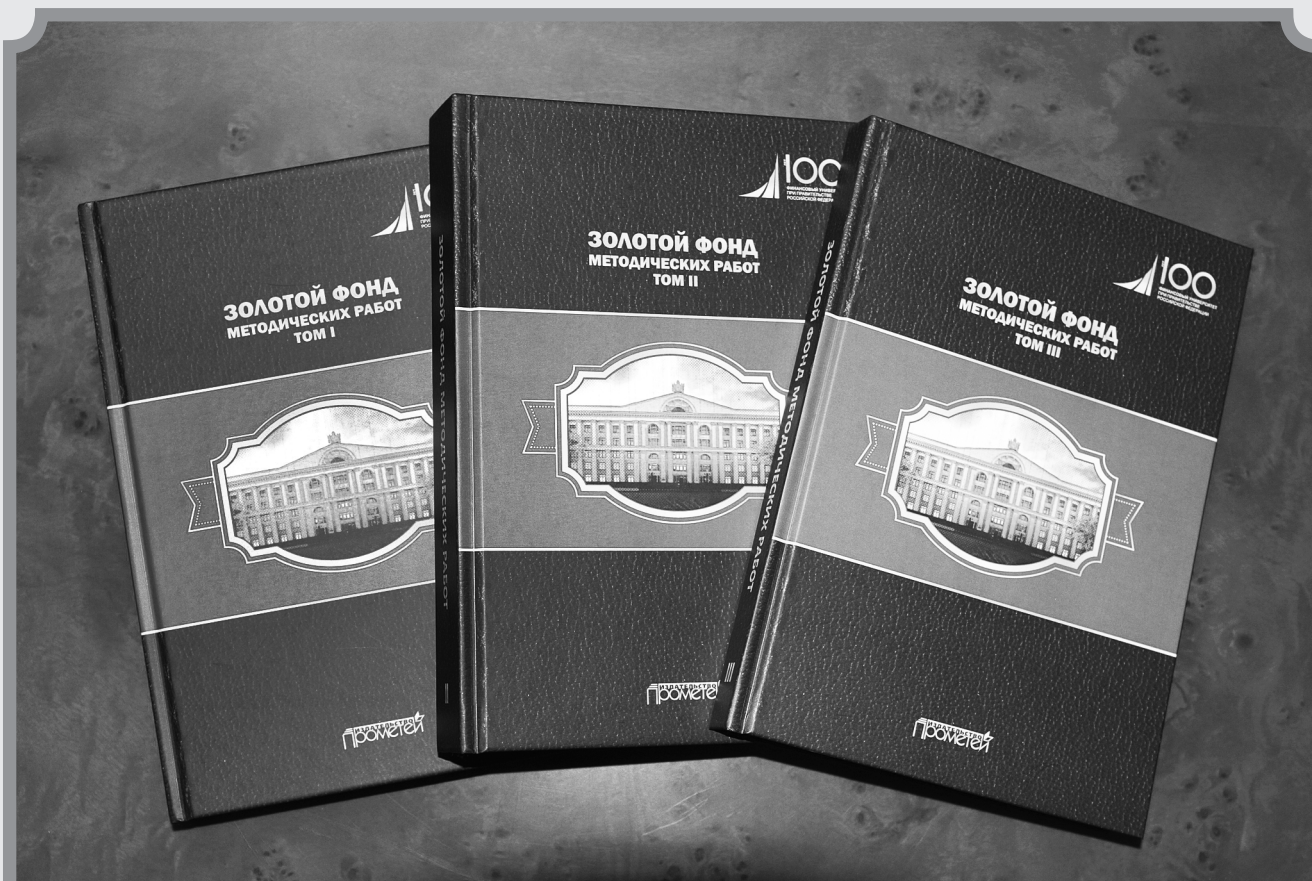
Sidorenko Elina L. — Dr. Sci. (Law), Prof., the Moscow State Institute of International Relations of the Russian Ministry of Foreign Affairs (MGIMO), Moscow, Russia
12011979@list.ru

Статья поступила 20.01.2019; принята к публикации 25.03.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 20.01.2019; accepted for publication 25.03.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.

К 100-летию Финуниверситета вышел трехтомник «Золотой фонд методических работ»

Издательство «Прометей» по заказу Финансового университета издало три тома работ, сформированных на основе материалов университетской библиотеки рабочей группой по развитию методик преподавания. Актуализация методического наследия Московского финансового института – Финансовой академии – Финуниверситета позволяет восстановить преемственность педагогических исканий, что дает возможность не только лучше понять наших предшественников, но и опереться на жизнеспособные элементы этого наследия в поисках решений новых проблем, возникающих в цифровую эпоху.

В трехтомнике представлены методические разработки преподавателей С.Б. Барнгольц, Л.Н. Красавиной, М.С. Атлас, М.З. Бора, И.Д. Мамоновой, О.И. Лаврушина, Б.Е. Ланина, Т.Г. Семенковой, З.Д. Бабаевой, П.С. Никольского Н.Э. Соколинской, Н.Н. Думной, В.К. Поспелова, М.А. Эскиндарова, И.Ю. Беляевой, П.В. Тальминой, Я.А. Пляйса, Н.А. Розмановой, Б.М. Смитиенко, М.А. Пивоваровой и многих других. Данные работы известных специалистов наглядно демонстрируют их высокий профессионализм и педагогическое мастерство, которые позволяли им не только умело увязывать идеологические задачи с экономическими проблемами современности, но и делать это интересно и увлекательно.

В первый том вошли методические указания и рекомендации; во второй – учебно-методические комплексы и разработки; в третий том – научно-методические и учебные публикации 1970–2010 гг.